

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.А. Юрина

ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2005

УДК 616-005.1: 615.38

ББК Р456.333

Ю72

Научный редактор –
Доктор филологических наук, академик МАНВИШ,
Профессор О.И. Блинова

Рецензенты:
Доктор филологических наук, профессор Т.А. Демешкина,
Доктор филологических наук, профессор Н.Б. Лебедева

Исследование проводилось при финансовой поддержке АНО ИНОЦентр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования и науки Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США); грант № КИ 033-2-02.

Юрина Е.А.

Ю72 Образный строй языка. – Томск: Изд-во Том. у-на, 2005. – 156 с.
ISBN 5-7511-1931-0

Монография посвящена теоретической разработке модели описания образного строя русского языка и системному анализу данного лингвистического феномена в лексико-семантическом, когнитивном и лингво-культурологическом аспектах. Рассматриваются элементарные (образные слова и выражения) и комплексные (образные поля и парадигмы) единицы с точки зрения их содержания, структуры и участия в процессах коммуникации и миромоделирования.

Для специалистов по лексикологии, семантике стилистике текста; для преподавателей, аспирантов и студентов филологического факультетов, а также для всех, кого интересует эстетическая сфера родного языка.

УДК 616-005.1: 615.38

ББК Р456.333

**Электронная версия предоставлена Издательством ТГУ.
Проверка электронного и печатного изданий на идентичность
не проводилась.**

ISBN 5-7511-1931-0

© Е.А. Юрина, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Образное слово в составе комплексных единиц образного строя языка	12
1.1. «Образ» и «образность» в лингвистике и лексикологии ..	12
1.2. Структурно-семантические типы образных единиц языка	29
1.3. Образное значение слова	47
Глава 2. Интегральная модель полевой интерпретации образных средств языка	59
2.1. Модели полевой интерпретации образной лексики ..	59
2.2. Признаковое пространство образного строя языка ..	71
2.3. Методика анализа признакового ассоциативно-образного лексико-семантического поля	75
Глава 3. Опыт описания образного лексико-семантического поля метафоризации признака «ТВЕРДЫЙ»	91
3.1. Лексическая структура поля «ТВЕРДЫЙ»	91
3.2. Понятийная структура поля «ТВЕРДЫЙ»	101
3.3. Концептуализация признака по данным его метафорического воплощения в языке	111
Глава 4. Образные лексические парадигмы в тексте	116
4.1. Образные лексические парадигмы в микроконтексте	117
4.2. Образные лексические парадигмы в макроконтексте	120
Заключение	133
Список использованной литературы и источников	137
Список сокращений	154

ВВЕДЕНИЕ

Исследование проблемы взаимодействия языка и культуры, языка и сознания личности его носителя составляет одно из магистральных направлений современной лингвистики, которая определяется многими исследователями как «антропологическая» и «культурологическая» (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев и мн. др.). На сегодняшний день тезис о том, что язык является «зеркалом культуры» народа, хранилищем и средством межпоколенной трансляции культурных ценностей, важнейшим инструментом познания действительности; о том, что язык задает человеку параметры мировосприятия, стереотипы повседневного поведения и участвует в формировании концептуальных структур сознания личности, не требует доказательства и скорее является аксиомой. Вместе с тем практически любое современное лингвистическое исследование, особенно в области языковой семантики, вскрывает глубинные взаимосвязи триады «язык – культура – личность» (Э. Бенвенист).

Наиболее ярко национально-культурное своеобразие языкового воплощения знаний человека о мире проявляется в образных средствах языка, реализующих в своей семантике уподобление различных объектов окружающего мира по принципу аналогии. При этом образное видение мира имеет лингвистическую детерминированность, поскольку базируется на закреплённых в языковых единицах образах, общепринятых в определённой языковой культуре. Воплощённые в языке образы могут носить как универсальный, общечеловеческий характер, так и национально-специфический, обусловленный мифологическими, религиозными представлениями нации, социально-историческим, духовно-нравственным и практическим, бытовым жизненным опытом народа.

На рубеже XX–XXI вв. вопросы, связанные с описанием системы языковых образов как национально и культурно обусловленного «образного кода», оказываются в фокусе исследовательского внимания лингвистов. Все чаще высказывается и подтверждается анали-

зом обширного языкового материала идея о системности образного строя языка, о наличии национально окрашенной, исторически сложившейся системы инвариантных образных представлений, задаваемой «ключевыми», или «базовыми», метафорами (Дж. Лакофф и М. Джонсон). Согласно данной гипотезе, типовые образы языковой культуры составляют часть когнитивной системы носителей языка и с одной стороны, отражают, а с другой – предопределяют специфику национального мировидения; они воплощены в значениях языковых единиц и регулярно, хотя и с определенной долей вариативности, реализуются в различных типах дискурса.

Семантика узуальных образных средств языка – закрепленных в языковой системе и речевой практике слов и выражений, метафорически выражающих обозначаемое понятие, – воплощает типовые образные представления языковой культуры. Эти образные представления отражают культурно-исторический опыт народа, закладывают в языковую способность личности стереотипные для данного языкового коллектива модели образного ассоциирования. Вследствие этого образный строй языка предопределяет процессы индивидуального образного ассоциирования, реализующегося в речевой деятельности говорящего и в продуктах этой деятельности – текстах.

Существуют две традиции в исследовании «парадигматики» языковых образов: лингвостилистическая и собственно лингвистическая, общезыковая [Илюхина, 1998, с. 3–6, 11–26]. При лингвостилистическом подходе (Н.С. Болотнова, В.П. Григорьев, Н.А. Кожевникова, Н.И. Иванова, Н.В. Павлович и др.) предметом анализа выступает образный строй поэтического языка. Направление исследования движется в сторону обобщения от индивидуально-авторских тропических употреблений (включая узуальные языковые образные средства и их вариации) до определенной совокупности базовых / инвариантных типовых образных моделей, реализованных автором в тексте художественного произведения.

При собственно лингвистическом, семантическом (в широком смысле) подходе системный характер типовых образов национальной культуры, воплощенных в лексике и фразеологии, изучается на материале различных функциональных разновидностей общенационального языка. Разработки ведутся как в семасиологическом [Илюхина, 1998; Петрова 1989; Скларевская 1993], так и в когнитивном [Баранов, Караулов, 1991; Резанова, 2001; Чудинов, 2001] направлениях. Методологическую базу подобных исследований составляют: 1) теория языковой и концептуальной метафоры [Апресян, 1993;

Арутюнова, 1979, 1988, 1997; Баранов, Караулов, 1991; Гак, 1988, 1989; Резанова, 2002; Скляревская, 1993; Телия, 1986, 1988, Чудинов, 2001; М. Benson, 1985; М. Black, 1962; J. Lakoff, 1980, 1987, 1990; М. Johnson, 1980, 1987 и др.]; 2) лингвокультурологические и когнитивные исследования ключевых концептов национального сознания, языковой концептуализации действительности и фрагментов языковой картины мира [Алефиренко, 2002; Апресян, 1993, 1995; Арутюнова, 1988, 1990, 1997, 1999; Булыгина, Шмелев, 1997; Кубрякова, 1991, 2004; Урысон, 2003; R. Landgaker, 1991, 1995, A. Wierzbicka, 1990, 1992, 1996 и др.]; 3) теория лексической и фразеологической образности [Блинова, 1990, 1997; Илюхина, 1998, 1999; Лукьянова, 1986, 2004; Телия, 1986, 1996 и др.]. Исследователями описываются различные участки «общеязыковой образной системы» [Илюхина, 1998], представленные метафорическими лексико-семантическими полями, единицы которых реализуют общее образное представление, общую метафорическую модель либо образно характеризуют единую концептуальную сферу.

Несмотря на различия между стилистической и семантической традициями, наблюдается определенная общность в выводах и направлении научного поиска. Это проявляется в признании системного характера образного строя языка, основанного на наличии типовых (инвариантных) образных моделей, обуславливающих парадигматику образных языковых средств. Общим также является стремление изучить соотношение инвариантного и вариативного (национально обусловленного, индивидуально-речевого) при реализации метафорических моделей в разных типах дискурса. Представляется вполне обоснованной гипотеза, высказанная в работах В.В. Виноградова, А.А. Потебни и современных исследователей, таких как Н.А. Илюхина, Н.В. Павлович, В.Н. Телия, Ю.П. Солодуб и др., о соотношении двух образных систем: первичной – собственно языковой (общеязыковой) и вторичной – эстетически переосмысленной индивидуально-авторским сознанием, между которыми нет «непродоходимых границ» и художественный речевой образ тропического характера может быть возведен к определенному базовому образному стереотипу языка.

В настоящей работе осуществляется попытка теоретического осмысления образного строя языка как собственно лингвистического и лингвокультурологического феномена, что предполагает описание его единиц и их системной организации на лексико-фразеологическом уровне, поиск и разработку методов и приемов

его анализа и описания, в числе которых в качестве ведущего выдвигается метод полевого моделирования (полевой метод). Исследование направлено на выявление и разработку модели описания системы типовых образных представлений как элементов когнитивной системы, вариативно реализованных в содержании узуальных образных средств языка, с учетом их реализации в акте коммуникации.

Таким образом, объектом исследования выступает **образный строй русского языка**, понимаемый как закрепленная в узусе национально и культурно-исторически обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике лексических и фразеологических единиц и формирующая языковую картину мира носителей языка. Образный строй языка рассматривается, с одной стороны, как системно-языковое явление, имеющее семантический уровень и знаковую форму выражения. С другой стороны – как определенного рода знания – когнитивные структуры, входящие в систему представлений («концептуальный каркас») языковой личности, на которых базируются языковые способности к образному ассоциированию, реализуемые в речевой деятельности.

Предметом исследования являются элементарные (образные слова и выражения) и комплексные (образные поля и парадигмы) единицы образного строя русского языка, а именно их состав, семантика, текстовое функционирование и участие в формировании языковой картины мира.

Минимальными языковыми единицами, эксплицирующими типовые образные представления языковой культуры, являются образные слова и выражения: *осел* ‘глупый человек’, *железный* ‘сильный, крепкий (о характере человека)’, *закалка* ‘воспитание стойкости, выносливости’, *очерстветь* ‘стать бездушным, бесчувственным’, *оцепенение* 1) ‘состояние неподвижности, вызванное холодом’, 2) ‘состояние отрешенности, безразличия, вызванное сильными переживаниями, напоминающее ощущение скованности’: *стоять стеной (горой)*, *стоять на твердой почве* ‘быть уверенным в чем-л.’, *(кому-л.) хоть кол на голове теши* ‘об упрямом человеке’.

Комплексные единицы образного строя языка представлены различными типами образных парадигм, которые исследователями часто интерпретируются как **образные**, или **метафорические поля**. В пределах поля единицы связаны на основании семантической общности тех или иных смысловых элементов образных представлений. Так, например, образные слова *медоточивый*, *медовый*, *сладкогласный*, *сладкоречивый* ‘утрированно-нежный, лстивый, угодливый (о

речи: голосе, словах; улыбке, выражении лица)»; *слащавый, приторный, сладкий* ‘чрезмерно ласковый, любезный, умильный, угодливый (о человеке, его манере общаться: выражении глаз, лица, словах и т.п.)’ выражают целостное образное представление, ассоциативно связывающее впечатления, производимые голосом, манерой речи и поведения чрезмерно угодливого, заискивающего человека (его плавные распевные интонации, приглушенный голос, пристальный взгляд и т.п.), – с вкусовыми ощущениями от сладких продуктов, в частности, от «эталона» сладости – *мёда*.

Единицами понятийного, смыслового пространства образного строя языка выступают типовые для определенной языковой культуры **образные представления** – воплощенные в узуальных единицах языка вторичные ментальные образы, основанные на «совмещении двух картин»: а) первичного чувственно воспринимаемого (перцептивного) образа, характеризующего номинируемый концепт, и б) самого образно номинируемого концепта. Например, образное поле метафоризации признака «острый» формируется на базе двух образных представлений: 1) способность острых предметов хорошо колоть (*игла*) или резать (*нож*) ассоциируется с хорошими перцептивными (*зрение, слух*) и интеллектуальными (*мышление, память*) способностями человека: ‘человек способен легко воспринять какую-л. сенсорно или рационально получаемую информацию, как бы легко проникнуть вглубь чего-л., подобно тому, как предмет, имеющий острый конец или острые края, легко проникает в структуру предмета’ (*острый слух* ‘хорошо развитый, изощренный, тонкий’, *острый ум* ‘быстро схватывающий, пронизательный’, *остроумный* ‘сообразительный’, *остроглазый* ‘обладающий хорошим зрением’, *пронизательный* ‘быстро и верно разгадывающий, понимающий сущность чего-л.’ и др.); 2) способность острых предметов уколоть, порезать, следовательно причинить физическую боль, ассоциируется: а) с болью моральной, которую могут причинить обидные слова, поступки человека: *острое слово, остроота, остряк, острослов, колкость, без ножа резать* ‘о чрезвычайно сложных жизненных обстоятельствах’; б) чрезмерно сильным, резким, раздражающим воздействием на органы чувств человека: *острая боль, острая пища, острый свет, резать глаза, резать слух*.

Совокупность элементарных образных единиц лексико-фразеологического уровня языка, эксплицирующих общее образное представление, составляет **образное лексико-семантическое поле**. Подобные комплексные единицы и представляют, на наш взгляд,

языковое пространство образного строя языка, смысловой континуум которого составляют типовые образные представления, вариативно воплощенные в семантике языковых единиц.

Обозначением исследуемого феномена термином «образный строй языка» подчеркивается:

а) его собственно языковой, лексико-семантический статус – в отличие от терминов, используемых в когнитивных исследованиях: «метафорический фрагмент картины мира», «метафорическое миромоделирование», «метафорическое зеркало языка»;

б) его системно-иерархический и билатеральный характер – в отличие от терминов, определяющих отдельные элементы образной языковой системы либо на уровне её содержания: «система образов», «метафорическая модель», «образное представление», «образ», «образный стереотип», «образный эталон», – либо на уровне средств её лексико-фразеологической экспликации: «образная лексика», «языковая метафора», «собственно образное слово», «образная фразеология», «образная лексическая парадигма», «образное поле», «метафорическое поле»;

в) комплексный характер языковых единиц его лексико-фразеологической экспликации – в отличие от термина «метафорическая система языка», ограничивающего состав этих единиц лишь языковыми метафорами (особенно при узком понимании термина «метафора»).

Наиболее близким по содержанию, синонимичным, является термин **«общеязыковая образная система»** (Н.А. Илюхина).

Ограничение в выборе анализируемого в работе материала связано с тем, что из всего многообразия образных полевых структур будут подробно рассмотрены лишь признаковые ассоциативно-образные лексико-семантические поля (АОСП), представленные образной лексикой и фразеологией русского языка, отражающей метафоризацию чувственно воспринимаемых свойств предметов *«твердый»*, *«мягкий»*, *«холодный»*, *«горячий»*, *«тяжелый»*, *«легкий»*, *«острый»*, *«тупой»*, *«высокий»*, *«низкий»*. Таким образом, описание будет непосредственно разворачиваться на материале наименее изученной сферы образного строя языка – его «признакового пространства».

Выбор данных образных полей обусловлен малой степенью их изученности по сравнению с полевыми структурами, воплощающими предметные образы; их высокой метафорической активностью; особой культурной значимостью в образном языковом преломлении эмо-

циональной, интеллектуальной, социальной сфер жизнедеятельности человека; высокой частотностью речевого употребления; многочисленностью их лексического состава. Всего в работе проанализировано 10 признаков образных лексико-семантических полей, включающих более 300 мотивационно-образных парадигм, в составе которых рассмотрено около 500 мотивирующих безобразных лексических единиц и 2000 образных (метафорически мотивированных) лексических единиц. К анализу привлечено около 3000 контекстов, демонстрирующих употребление образных лексических единиц и парадигм.

Описание «признакового пространства» образного строя языка как фрагмента общезыковой образной системы представляется достаточным для выявления общих тенденций и закономерностей, а также для апробации предложенной методологии и частных методик её исследования. Представляется, что результаты описания признаков образных лексико-семантических полей восполнят недостающее звено в изучении образного строя языка в целом.

Исследование направлено на системное лингвистическое и лингвокультурологическое описание элементарных и комплексных единиц образного строя русского языка на материале ассоциативно-образных лексико-семантических полей, отражающих метафоризацию признака качества. Данные полевые структуры рассматриваются в семасиологическом, когнитивном и лингвокультурологическом аспектах в качестве базовых элементов общезыковой образной системы русского языка, формирующих и отражающих картину мира его носителей.

В работе определяются лексический состав признаков образных полей, их границы, ядерные и периферийные зоны, семантические связи, отношения, группировки лексических единиц в пределах каждого поля. Кроме того, анализируется семантический потенциал каждого поля: выявляется система образов, их когнитивная структура и ценностные ориентации. Семантический потенциал образного поля анализируется с точки зрения его соответствия реальной языковой способности носителей русского языка: а) соответствие типовым образным ассоциациям определяется по данным «Русского ассоциативного словаря»; б) регулярность воспроизведения в речи типовых образных представлений выявляется посредством анализа текстовых фрагментов разной функционально-стилистической отнесенности (художественный текст, публицистический, разговорная речь). Выявляются функционально-семантические связи каждого поля (его элементов) с другими полями (их элементами).

Сверхзадачей исследования является описание фрагмента русской языковой картины мира, отражающего направления и аспекты метафоризации качественных признаков предметов при образном обозначении различных сфер жизнедеятельности человека.

Исследование проводилось преимущественно на материале русского литературного языка. В качестве дополнительных использовались данные русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Источниками послужили словари русского литературного языка и ряд диалектных словарей, из которых приемом сплошной выборки извлекались образные лексические единицы, их толкования и иллюстрирующие контексты, а также зафиксированные в словарях показания языкового сознания носителей языка – метатексты и ассоциативные ряды. Контекстный материал извлекался из художественных произведений, газетных и журнальных статей.

Основным методом исследования является системное научное описание языкового явления, в рамках которого применялись общенаучные приемы непосредственного наблюдения, систематизации, интерпретации, классификации, количественных подсчетов. В ходе описания использовались специальные приемы лингвистического исследования семантики: 1) компонентный анализ лексики, основанный на понимании лексического значения как членимой, иерархически организованной структуры; 2) интегральный анализ, основанный на понимании лексического значения как целостной «многослойной» структуры, включающей лексико-грамматический, лексико-словообразовательный, мотивационный, культурологический аспекты; 3) контекстный анализ, учитывающий коммуникативные параметры использования образного слова говорящими и реализации его значения в тексте как продукте коммуникации; 4) лингвостилистический анализ текста, ориентированный на выявление специфики индивидуального словоупотребления, обусловленного коммуникативными и эстетическими задачами автора; 5) психолингвистический эксперимент, ориентированный на выявление осознания лексической семантики носителями языка.

При описании комплексных лексико-фразеологических единиц образного строя языка (лексико-семантических полей и парадигм), отражающих типовые образные представления, воплощенные в русской языковой картине мира, применялись методы и приемы когнитивного и лингвокультурологического анализа: 1) метод полевого (тезаурусного) моделирования, позволяющий систематизировать языковые средства, которые системой своих значений охватывают

одну понятийную область; 2) прием концептуального (когнитивно-го) анализа, ориентированный на выявление структуры концепта – «реконструкцию» по данным языка базовой ментальной структуры знания, стоящей за тем или иным понятием, обозначенным словом; 3) прием интроспекции, предполагающий обращение к собственной языковой интуиции исследователя в процессе лингвистического моделирования; 4) прием лингвокультурологического описания, состоящий в привлечении к лингвистическому анализу фактов и сведений из области материальной и духовной культуры народа (традиций, обычаев, верований, знаний и т.п.), обуславливающих специфику языковых явлений.

Анализ русской образной лексики впервые проводится на уровне образного строя языка, системно-языковая и когнитивно-ментальная организация которого обобщена в виде «интегральной модели» совокупности лексико-фразеологических образных полей. Подробно описаны признаковые образные поля как в общеязыковом, так и в индивидуально-авторском вариантах.

ОБРАЗНОЕ СЛОВО В СОСТАВЕ КОМПЛЕКСНЫХ ЕДИНИЦ ОБРАЗНОГО СТРОЯ ЯЗЫКА

Язык можно сравнить с искусством, поскольку и то и другое стремится в чувственной форме отразить невидимое.

В. фон Гумбольдт

1.1. «Образ» и «образность» в лингвистике и лексикологии

В современных лингвистических исследованиях термины «образ» и «образность» используются чрезвычайно широко и неоднозначно. Они интерпретируются как категории сознания, мышления, психики человека (когнитивные, психологические, этно-психологические категории) [Бабушкин, 1996; Залевская, 1987; Кабакова, 1999; Леонтьев, 1979; Ломов, 1986; Малахова, 1981; Славин, 1971 и др.]; как категории текста, в том числе художественного (эстетические, стилистические, функционально-прагматические категории) [Аникина, 1985; Виноградов, 1960; Кожина, 1961; Федоров, 1969; Шмелев, 1964 и мн. др.], и, наконец, как категории лексико-семантические, характеризующие свойства определенных единиц лексикона (слов и фразеологизмов) [Блинова, 1983, 1984, 1992; Блинова, Мартынова, Юрина, 1997, 2001; Илюхина, 1998; Коралова, 1975; Лукьянова, Черемисина, 1986; Скляревская, 1988; Солодуб, 1989; Телия, 1986; Прокопьева, 1996; Шенделева (Юрина), 2000; Юрина, 1995, 1999 и др.]. Рассмотрим эти ключевые для современной антропологической лингвистики понятия с целью определения лексико-семантических критериев их толкования с учетом логико-философского, когнитивно-психологического и эстетического содержания.

Термин «языковой образ» трактуется в лингвистике традиционно неоднозначно, а точнее – двояко. Это объясняется и многозначностью понятия «образ» в его общезыковом употреблении (в словарях современного русского языка выделяется до 6 значений этого слова), и необходимостью использования в лингвистических описаниях двух взаимосвязанных значений данного термина, каждое из которых бывает положено в основу определения категории языковой образности, что также приводит к противоречивому толкова-

нию последней. Первая линия в использовании термина «образ» в лингвистике связана с его философско-психологическим содержанием, которое обозначим как образ-1 (первичный чувственный образ). Вторая – с двухплановым содержанием категории образа, которое обозначим как образ-2 (вторичный ассоциативный образ).

Образ как результат познавательной деятельности субъекта предполагает два этапа своего формирования. Первый этап – восприятие объекта органами чувств в процессе эмпирического освоения реальности, на котором в сознании фиксируются внешний облик объекта (размер, форма, цвет, свет...), тактильные ощущения от объекта (вес, плотность, температура...), звуковые, вкусовые и прочие параметры, доступные чувственному восприятию. Второй этап – фиксация в сознании (запоминание) воспринятых характеристик объекта, позволяющая воссоздать их при отсутствии непосредственного контакта с самими объектами, т. е. переход образа восприятия в образ представления [Славин, 1971, с. 15–17]. Результатом такого процесса становится некий «сколок с действительности» (И.М. Сеченов) [Цит. по: Бабушкин, 1996, с.7], т. е. в некоторой степени обобщенный, но адекватный отражаемому объекту образ, сохраняющий в памяти конкретные чувственно воспринятые (перцептивные) характеристики.

По мнению исследователей, конкретно-чувственные, эмпирические образы реалит в сознании современного человека неразрывно слиты с рациональными формами познания. «Любые сигналы, поступающие через органы чувств, становясь фактом сознания, подвергаются вместе с тем логической обработке, входят в упорядоченный строй наших знаний, возводятся в сферу абстрактного мышления. Чувственные образы включаются в комплексы суждений и умозаключений. Поэтому понятие «чувственный образ» – это научная абстракция. ...Мозг человека постоянно формирует своеобразные чувственно-логические образы, осуществляющие регуляцию поведения и творческих поисков человека», при этом «мозг обладает удивительной способностью при первой необходимости быстро отыскивать и «оживлять» устойчивые «следы» воспринятых в прошлом сигналов» [Славин, 1971, с. 18–19]. Видимо, в связи с этим выдающийся физиолог И.М. Сеченов называл образы «чувственными знаками» [Бабушкин, 1996, с. 7].

Подобные первичные чувственно-рациональные образы рассматриваются в когнитивистике как одна из форм хранения знания, входящая в структуры более широкого плана – репрезентации –

«следы» от всего, «начиная от зрительных и акустических впечатлений до репрезентаций концептуального плана» [Там же].

С точки зрения психологической, первичные чувственно-рациональные образы могут иметь индивидуальную специфику, но в то же время, как показали исследования по когнитивной психологии и когнитивной лингвистике, в частности исследования Э. Рош и её последователей, обладают инвариантной прототипической составляющей, характерной для определенных культурно-национальных сообществ. Понятие образа в когнитивистике соотносится с понятиями «прототип», «гештальт» и «концепт»: «Концепт – это все то, что мы знаем об объекте... Концепту онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует “прототип” (он и есть гештальт-структура). Типовой образ – это образ прототипический, и он выделяет из мира “Действительное” обозначаемый объект, отвечая на вопрос “Что это?” Концепт – это знание об обозначаемом во всех связях и отношениях, и он отвечает на вопрос “Что мы знаем об этом?”» [Телия, 1996, с. 97].

В семасиологии (лексическая семантика) и когнитивной лингвистике первичный чувственно-рациональный образ рассматривается исследователями в первую очередь в связи с содержанием слов и выражений, способных вызвать этот образ в сознании человека при восприятии языковой (лексической) единицы. Образность может рассматриваться при этом как «способность слова вызвать мысленный образ предмета или явления, обозначенного словом» [Колодкина, 1986, с. 73; Загоровская, 1984, с. 74], а языковой образ – как «эмпирическая форма существования денотата» [Илюхина, 1999, с. 83], «предметно-чувственные корни слова», «чувственный первообраз понятия и значения» [Залевская, 1987, с. 34–49]; как вербализованное зрительное, тактильное, температурное, вкусовое, обонятельное и любое другое чувственное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем, положение в пространстве и другие перцептивные характеристики поименованного предмета (например, в словах *лёд, мёд, огонь, камень, перец, уксус* и под.).

Очевидно, что носителями перцептивных первичных образов в лексической системе языка являются предметные именные существительные, качественные прилагательные, обозначающие физические свойства объектов, и глаголы конкретного физического действия в своих первичных значениях, обозначающие соответственно конкретные предметы и чувственно воспринимаемые их статические и динамические свойства.

По мнению П.Н. Денисова, семантика словесного знака в сознании человека может быть «распластана» между левым и правым полушариями головного мозга: «компонентная, семная структура значения может находиться в левом полушарии дискретных процедур, а образ, рождаемый словом, в правом полушарии целостных гештальтов, но ввиду связи между полушариями человек субъективно воспринимает значение слова как нечто единое» [Денисов, 1993, с. 72–73]. В связи с этим ряд исследователей, вслед за И.А. Стерниным, предлагают выделять в структуре значения слова «эмпирический» или «образный» компонент – «обобщенный, чувственно-наглядный образ предмета, чувственное представление о предмете, называемом словом» [Стернин, 1979, с. 129; Загоровская, 1984, с. 75; Колодкина, 1984, с. 74 и др.].

Образы этого типа обозначим как «первичные перцептивные (чувственно воспринимаемые) образы», или «образы восприятия объекта». Они непосредственно, напрямую связаны с предметно-понятийным логическим содержанием лексической единицы и адекватно отражают обозначенный этим словом объект. Как часть когнитивной системы носителя языка эти образы могут представлять собой различные по степени сложности структуры знания: мыслительные «картинки» (*бульдог, ромашка, петух, яблоко, черт, ангел* и под.); менее детализированные образы-схемы (*река, дерево, дорога*); «образы-инсайты» предметов сложной конструкции (*зонтик, барабан, стол, ножницы*); более обобщенные образы гиперонимов (*одежда, обувь, игрушка*) [Бабушкин, 1996, с. 42–68].

Диалектика конкретного (чувственно воспринимаемого) и абстрактного (рационально постигаемого) проявляется здесь в том, что имена менее широких классов объектов выражают менее обобщенные, более детализированные образы с преобладанием чувственного элемента. Напротив, за именами более широких классов естественных объектов стоят более обобщенные и схематизированные образы – понятийная составляющая образа здесь превалирует над чувственной, которая по мере увеличения степени обобщения стремится к нулю (ср.: *земляника – ягода – растение; золото – металл – вещь; божать – перемещаться – двигаться*). По данным когнитивных исследований, наиболее значимыми для концептуализации мира в языке, в том числе и средствами образной лексики и фразеологии, «оказываются базовые категории (*медведь, собака, слон, лошадь*) по сравнению с родовыми (*животные*) или видовыми (*терьер, лайка, такса*). Это объясняется тем, что разница между представителями

базовых категорий для человека оказывается большей, чем между представителями родовых или видовых имен» [Рахилина, 2000, с. 12].

Первичные перцептивные образы представляют собой элементарные формы чувственно-рационального отражения действительности, на базе которых складываются более сложные комбинированные структуры – «образы воображения». Последние формируются, во-первых, «путем комбинирования образов памяти» и, во-вторых, «путем переосмысления этих элементов, наполнения их новым содержанием, благодаря чему они не копируют, не повторяют существующие предметы природы и уже готовые продукты человеческой деятельности, а являются идеальными прототипами того, что, возможно, будет создано» [Славин, 1971, с. 27].

Первый путь ведет к созданию сложных целостных образов, которые складываются из линейных (синтагматических) последовательностей соположенных первичных образов, отражающих явления и объекты, взаимосвязанные и взаимодействующие в реальной действительности в рамках единой ситуации восприятия. Такие структуры знания соответствуют понятиям фреймов и сценариев, имплицитующих комплексную ситуацию статического (фрейм) или динамического (сценарий) характера [Филлмор, 1988; Чейф, 1983; Кубрякова, 1997; Бабушкин, 1996 и др]. Подобные образы, закрепленные в содержании таких слов, как *театр, музей, больница, базар, болезнь, игра, война, драка*, также являются адекватными формами отражения стоящих за словом реалий, но в отличие от элементарных чувственных образов являются сложными, комбинированными. Диалектика конкретного и абстрактного в образах этого типа проявляется в том, что чувственно воспринимаемые отдельные элементы ситуации «увязываются» воспринимающим субъектом в целостные чувственно-рациональные структуры на основании абстрактного аналитического мышления.

Второй путь формирования «образов воображения» – путь переосмысления чувственно-наглядных образов – основан на нелинейных ассоциативных связях и комбинациях первичных чувственных элементарных образов, возникающих в процессе творческого мышления, в основе которого лежат симилиативные процессы – поиск аналогии между познаваемыми явлениями и их уподобление. В результате такого рода трансформаций и взаимодействий первичных (элементарных и сложных) образов, предполагающих «раздвижение» и «стирание» границ категориальных классов, допускающих категориальные сдвиги и переносы по сходству (*иглы иная, лента*

дороги, жизнь – игра/театр, кислое лицо, время течёт) или смежности (*голова – ум, знание: головастый, башковитый*), формируются вторичные чувственно-ментальные образы, имеющие двуплановую содержательную структуру. Вторичные «конвенциональные ментальные образы», сформированные на базе метафорических и метонимических моделей [Лакофф, 1988; Лакофф, Джонсон, 1987], закрепившись в содержании языковых единиц, становятся устойчивыми элементами языковой и когнитивной системы. Данные образы уже не являются адекватным отражением называемого явления, они носят неадекватный, интерпретационный и в этом смысле – творческий характер; содержание первичного чувственно-рационального образа здесь не прямо, а опосредованно, ассоциативно отражает логико-понятийное содержание обозначаемого феномена. Вторичные ассоциативные образы создаются на базе устойчивых метафорических моделей и являются конкретными воплощениями этих моделей на уровне общеязыковой образной системы и на уровне языкового сознания отдельной личности говорящего.

Диалектика конкретного (чувственно воспринимаемого) и абстрактного (логически постигаемого) здесь проявляется в следующем. Во-первых, объекты, не поддающиеся чувственному восприятию (явления ментального, психического, социального, абстрактно-категориального порядка) моделируются по образу и подобию явлений физического мира, данного в ощущениях (*сливки / верхушка общества* ‘привилегированная часть общества’, *сердце сжалось* ‘человек испугался’). Такого рода образы демонстрируют «наглядные модели абстрактных объектов» [Кабакова, 1999, с. 11], соотносимые с понятием о «вещных коннотациях абстрактных сущностей», введенным В.А. Успенским [Успенский, 1979].

Исследования наглядно-образных моделей языкового воплощения абстрактных понятий и формирования ключевых концептов культуры представлены в работах Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресяна, В.Ю. Апресян, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Л.О. Чернейко и др. Анализируя когнитивную структуру концептов, стоящих за абстрактными именами, типа *долг, порядочность, совесть, верность, ненависть, страх, отчаяние*, А.П. Бабушкин обозначает её термином «калейдоскопический концепт» на основании того, что наглядное представление о таких явлениях формируется целой системой, «калейдоскопическим рядом» вторичных ассоциативных образов [Бабушкин, 1996, с. 63]. Антропоцентризм мировосприятия состоит в том, что абстрактное понятие мыслится на когнитивном уровне и

выражается в языке посредством целого ряда наглядно-чувственных образов. С.Г. Воркачев предлагает в связи с этим выделять в структуре концепта образную составляющую, фиксирующую «когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании» [Воркачев, 2002, с. 6, 83–94].

Во-вторых, чувственно воспринимаемые признаки, процессы, связанные с теми или иными объектами, выражаются посредством соотнесения с другими, «эталонными» объектами, в которых данные признаки представлены в большей или максимальной степени, т. е. более конкретны (*руки задеревенели, задубели* ‘замерзли и стали неподвижными, как если бы они стали твердыми, негибкими, как дерево/дуб’; *бархатник* ‘растение с листьями, мягкими, как бархат’).

В-третьих, малоизвестные, вновь познаваемые чувственно воспринимаемые объекты сопоставляются с более известными, «канонизированными» объектами (*костюм в ёлочку* ‘с рисунком, напоминающим схематично представленную форму ёлки’ – ср. с английским эквивалентом *herring-bones* в том же значении, что буквально означает ‘<напоминающий> кости селёдки’; *колокольчик* ‘растение, форма цветка которого напоминает маленький колокол’).

Именно представление о вторичном двуплановом образе метафорического характера лежит в основе второй линии, второй традиции в интерпретации термина «языковой образ» в отечественной лингвистике (и лексической семантике, в частности), восходящей к идеям Ш. Балли и А.А. Потебни. Эта традиция связана с пониманием языкового образа как особого типа содержательной структуры, позволяющей выразить определенное содержание в нетождественной этому содержанию образной форме посредством ассоциативного сближения разнородных представлений и выражения одного концепта сквозь призму другого. Лингвистический образ с этих позиций определяется как «совмещенное видение двух картин» (В.Г. Гак), «сопряжение двух предметов» (А.Л. Коралова), редуцированное до новой, третьей картины, вбирающей в себя все необходимые и существенные признаки двух предыдущих. С опорой на такое понимание образа содержательная сторона лексико-семантической категории образности связывается со способностью слова обозначить предмет в ассоциативной связи с другим предметом, отразить в своем значении совмещенное видение двух картин. Именно такое понимание образа и образности лежит в основе теоретической концепции лексической образности, разработанной представителями Том-

ской лингвистической школы О.И. Блиновой (1983, 1984, 1995) и Е.А. Юриной (1994, 1995, 1999).

Вторичный ментальный образ базируется на первичном перцептивном образе или ряде первичных перцептивных образов (сценах, ситуациях), взятых в аспекте их «вхождения» в новое образное представление о характеризуемом объекте. Первичный чувственно-наглядный образ выступает в составе комбинированного метафорического образа в качестве «формы воплощения новой идеи» (А.А. Потебня) и рассматривается как «образное основание»: образ осла выражает идею глупости и упрямства, камень – идею прочности и стабильности, голова – идею интеллекта.

Различные понимания «образа» в лексикологии приводят к разнообразной трактовке образности как лексико-семантической категории.

Терминологические определения лексической образности, предлагаемые в лингвистических работах, базируются как на понятии о первичном чувственно-наглядном образе, так и на понятии о вторичном двуплановом образе. Так, например, понимая под образностью способность слова вызывать в сознании носителя языка первичный чувственный образ обозначаемой реалии, Е.Н. Колодкина путем психолингвистического эксперимента установила, что наибольшей «образностью» обладают слова, обозначающие: 1) предметы, встречающиеся в природе (*грязь, река, яблоко*); 2) предметы, созданные человеком (*ножницы, книга, хлеб*); названия животных (*собака, кошка, лошадь*), т. е. конкретная лексика, обозначающая реалии, наиболее близкие к практической деятельности человека. В связи с этим автором психолингвистического исследования был сделан вывод о том, что «для индивидуального сознания деление слов на образные и безобразные нерелевантно» [Колодкина, 1986, с.75–79].

На наш взгляд, первичная чувственно-наглядная образность как компонент содержания слова полностью укладывается в языковую категорию конкретности. Такие единицы, вслед за О.И. Блиновой [Блинова, 1983], мы считаем «потенциально образными» в том смысле, что их чувственно-наглядный образный потенциал используется в процессе словопроизводства и текстопорождения при ассоциативно-образной номинации и/или характеристике обозначаемых объектов.

Ряд определений образности как лексико-семантической категории отражают именно эту ситуацию «использования» первичного перцептивного образа для характеристики референта образной но-

минации: «Образность – это семантическое свойство языкового знака, его способность выразить определенное внеязыковое содержание посредством целостного, наглядного представления-образа для характеристики обозначаемого им объекта и выражения эмоциональной оценки со стороны говорящего лица» [Лукьянова, 1986, с. 268]. Если в цитируемом определении Н.А. Лукьяновой роль первичного чувственно-наглядного образа в выражении характеристики референта образной номинации рассматривается с позиции «кодирования» образной информации в языковой единице, то следующее определение, предложенное Ю.П. Солодубом, ориентировано на процесс «декодирования», «расшифровки» образного содержания при восприятии языковой единицы: «Образность как реальное свойство языковых единиц различных уровней проявляется в их способности вызывать в нашем сознании наглядное представление, яркие картины, на фоне которых мы воспринимаем предметно-вещественное и понятийно-логическое содержание этих единиц. Одно из основных лингвистических средств создания образности – смысловая двуплановость компонента, возникающая при его семантической переориентации, при одновременном совмещении в одном языковом знаке его старых и новых гносеологических связей» [Солодуб, 1989, с. 4]. (Разграничение когнитивных процессов метафоризации – кодирования и декодирования метафор предложено О.Н. Алешиной [Алешина, 2003, с. 4]). Приведенные определения отражают трактовку лексической образности как сугубо семантического свойства, без учета языковой формы воплощения образа.

Семасиологический статус лексической образности как способности слова реализовать вторичный ассоциативный образ метафорического характера с учетом языковых способов его воплощения в формально-содержательной (звуко-буквенной) структуре слова связывается исследователями, вслед за А.А. Потебней, с понятием внутренней формы (ВФ) слова [Потебня, 1976, 1990, 1999; Блинова, 1983, 1984, 1995; Телия, 1986, 1990; Юрина, 1994, 1995 и др.].

По мысли Потебни, внутренняя форма слова выступает в качестве «центра образа». Слово создается художественным творчеством человека и имеет «внешнюю форму» – звучание, содержание – лексическое значение и внутреннюю форму – образ, легший в основу наименования, подобно художественному произведению, в котором система образов (внутренняя форма) воплощает идею, содержание, поэтому «всякое слово с живым представлением... есть эмбриональная форма поэзии» [Потебня, 1976, с. 179].

Феномен внутренней формы трактуется в трудах А.А. Потебни достаточно противоречиво. В ряде его работ ВФ определяется как сугубо семантический, содержательный компонент слова: «Слово выражает не всю мысль, принимаемую за её содержание, а только один её признак. ...Под словом *окно* мы разумеем обыкновенно раму со стеклами, тогда как, судя по сходству со словом *око*, оно значит то, куда смотрят или куда проходит свет. В слове, следовательно, есть два содержания: одно, которое мы назовём объективным, а теперь можем назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда включает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. ...Первое содержание есть та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли. ...Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Там же, с. 114]. Другие определения свидетельствуют о понимании ВФ как билатерального, материально-идеального компонента: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой предыдущего» [Потебня, 1999, с. 91]. В современных исследованиях ВФ слова чаще всего интерпретируется именно как мотивировочный признак наименования, «след» производящего имени в структуре производного» [Телия, 1996, с. 67]. В этом случае не всегда четко разграничиваются синхронный и диахронный подходы.

Трактовка понятия внутренней формы слова занимает центральное место в теории лексической мотивации, разработанной О.И. Блиновой, её учениками и последователями В.Г. Наумовым, Н.Г. Нестеровой, Т.А. Демешкиной и др., чьи работы составили особое направление в современной русистике – мотивологическое [Блинова, 1984, 2004]. В русле этой теории ВФ слова определяется как «морфо-семантическая структура, позволяющая объяснить связь его звучания и значения» [Блинова, 1984, с. 26], а в более позднем варианте формулируется как «морфосемантическая структура слова, позволяющая осознать взаимообусловленность его звучания и значения» [Блинова, 2004, с. 16].

Принципиальными для определения роли ВФ в выражении воплощенного в семантике языковой единицы образа, и следовательно в выражении образности как свойства языковой единицы, представляются следующие положения этой теории.

Во-первых, ВФ вычленяется в слове благодаря способности говорящего осознавать связь звучания и значения слова посредством соотнесения этого слова с другими единицами языка (однокоренными и одноструктурными) и с внеязыковой действительностью. Например, ВФ слова *зернистый* ‘состоящий из мелких округлых частиц (о структуре вещества)’ вычленяется на основе осознаваемой носителями языка соотнесенности со словами *зерно* (лексический мотиватор) и *бархатистый*, *серебристый*, *золотистый* (структурные мотиваторы).

Во-вторых, как видно из примера, ВФ является средством выражения в слове его мотивированности и включает все мотивированные на основе лексической и структурной соотносительности компоненты звучания и значения слова. При этом языковая единица в единстве её звучания и значения может быть мотивированной полностью (как в слове *зерн/истый*) либо частично (например, *снег/ирь?*, *ос?/ина*) [Блинова, 2004, с. 44].

В-третьих, ВФ представляет собой билатеральный, материально-идеальный компонент языковой единицы, посредством которого реализуется мотивированность языкового знака: идеальная сторона представлена мотивационным значением (МЗ), а материальная – мотивационной формой (МФ) слова. Например, *зернистый* – МФ: ‘ЗЕРН/ИСТЫЙ’*, МЗ: ‘напоминающий зерно’; *бархатистый* – МФ: ‘БАРХАТ/ИСТЫЙ’, МЗ: ‘напоминающий бархат’; *серебристый* – МФ: ‘СЕРЕБР/ИСТЫЙ’, МЗ ‘напоминающий серебро’. Компоненты мотивационной формы представлены значимыми сегментами звуковой оболочки слова, вычлененными на основе лексической и структурной соотносительности, а смысловые компоненты мотивационного значения складываются из значений сегментов мотивационной формы.

В-четвертых, в лингвистических исследованиях вычленение ВФ языковой единицы производится с опорой на показания языкового сознания носителей языка, отраженные в речевых произведениях (текстах и метатекстах), воспроизводящих мотивационно связанные слова и актуализирующие их мотивационные отношения. Например, мотивационные отношения слов *бархат*, *бархатистый*, *бархатник* актуализируются в следующих контекстах, отражающих речь носителей среднеобского диалекта: «*Бархатник* – *листья зелёные, белые, как*

* Мотивированные значимые компоненты звуковой оболочки слова обозначаются прописными буквами.

бархат, край реки под ярмом растет», «Бархатник пользительный. ... Он такой сверху зелёный, а снизу белый, бархатистый, мягкий».

Подобное понимание ВФ может быть приложимо не только к лексическим, но и к фразеологическим единицам языка (ФЕ), подавляющее большинство из которых являются образно мотивированными и характеризуются наличием внутренней формы.

В современных лингвистических исследованиях ВФ фразеологизма понимается как «способ организации значения идиомы» [Телия, 1990б, с. 42] и связывается с мотивировкой содержания оборота, со способом указания на денотат и образной составляющей. Анализ фразеологии с точки зрения характера внутренней формы и определение этого феномена представлены в трудах Э.И. Астаховой, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, А.В.Кунина, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Е.О. Опаринной, Ю.П. Солодуба, В.Н. Телия, Т.З. Черданцевой и др. По мнению В.Н. Телия, в основе мотивационного макрокомпонента значения ФЕ лежит «образ, адекватный возможному положению дел в мире реальном (бежать, высунув язык; носить на руках) или неадекватный действительности, принадлежащий ирреальному её представлению, причем этот образ составляет суть ВФ оборота» [Телия, 1990а, с. 5]. С образностью связывают понятие ВФ фразеологизма Т.З. Черданцева: «ВФ идиомы оказывается носителем образной основы идиомы» [Черданцева, 1990, с. 77]; А.В. Кунин, согласно которому внутренняя форма фразеологизма – это «его мотивирующая образность, основанная на деривационных связях его значения со значением прототипа» [Кунин, 1988, с. 149].

О связи ВФ фразеологизма и его образной основы пишут А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, разграничивая эти понятия: «Внутренняя форма не тождественна образной основе значения, хотя часто они совпадают в основных элементах. Образной основой слова или ФЕ является созданное в языковой форме представление (наглядно-чувственный образ предмета), которое выражается данным языковым знаком в его прямом, буквальном значении. Это представление служит базой переносных значений слова и ФЕ, создает семантическую двуплановость (или многоплановость). <...> Внутренней формой обладают и значения, лишённые образности, не ассоциирующиеся с образными представлениями. Внутренняя форма может создаваться семантикой отдельных морфем и/или лексических компонентов, входящих в состав слова или ФЕ» [Мелерович, Мокиенко, 1997, с. 19–20].

Разделяя положение о том, что ВФ фразеологизма связана с его мотивированностью и образностью, также считаем необходимым разграничить в теоретическом отношении эти понятия по аналогии с понятиями внутренней формы слова, лексической мотивированности и образности, определения которым были даны в теории лексической мотивации и теории лексической образности, представленной в трудах ученых томской лингвистической школы русистики.

Так же как мотивированность слова, мотивированность фразеологической единицы «определяется возможностью объяснить связь её значения с лексико-грамматическим способом выражения этого значения, т.е. связь содержания, смысла фразеологизма и его "формы"» [Блинова, 1984, с. 105]. Поскольку в составе ФЕ все или отдельные его компоненты претерпевают переосмысление, взаимообусловленность семантики и формы фразеологизма осознается посредством соотношения значения идиомы с прямым значением слов в составе выражения, его составляющего. Следовательно, в качестве мотивирующих единиц выступают составляющие фразеологизм словоформы в их прямых значениях, передающие в составе конструкции представление об определенных предметах (например, словоформы *кожа*, *кости* в составе выражения *кожа да кости* 'крайне худой (человек, животное)') или ситуациях (например, словоформы *сидеть*, *на иголках* в составе выражения *сидеть как на иголках* 'беспокоиться, нервничать').

Если мотивированность – структурно-семантическое свойство фразеологизма, то внутренняя форма – это компонент его формально-содержательной структуры, выражающий это свойство. В функциональном отношении ВФ ФЕ можно определить как средство выражения мотивированности фразеологизма, а в онтологическом плане (по аналогии с определением внутренней формы слова, предложенным О.И. Блиновой) – как лексико-грамматическую (лексико-синтаксическую) структуру фразеологизма, позволяющую объяснить связь его звучания и значения. Например, ВФ фразеологизма *сидеть (как) на иголках* включает мотивационную форму (МФ), представленную словосочетанием «глагол СИДЕТЬ + существительное в предложном падеже НА ИГОЛКАХ»; и мотивационное значение (МЗ), представленное буквальным содержанием этого словосочетания, передающим внеязыковую ситуацию «некто сидит на иголках»: 'сидеть на иголках – тонких, длинных, заостренных колющих предметах (обычно металлических)'.

В том случае, если связь звучания и значения не осознается, фразеологизм является немотивированным, не обладающим внутренней формой, например: *турусы на колёсах* ‘вздор’, *ничтоже сумняшеся* ‘без колебаний’, *ни зги* ‘ничего’ (*не видно*) и под.

Следовательно, внутренняя форма языковых единиц «считывается» по их внешней форме (мотивационной форме – в терминах теории лексической мотивации), выступающей во вторичной функции в составе мотивированных единиц: по звуко-буквенной структуре / морфемной структуре – для слов, лексико-грамматической структуре – для образных выражений. Содержание ВФ (мотивационное значение) складывается из буквального смысла значимых частей слова – морфем, его составляющих; в метафорических ЛСВ представлена прямыми значениями первичных наименований; во фразеологизмах связывается с буквальным смыслом выражения. Это содержание эксплицирует первичный чувственно-наглядный элементарный или комбинированный образ (образ-1), указывающий на денотат и характеризующий денотат, нетождественный, но уподобляемый этому образу. ВФ является средством воплощения двупланового ассоциативно-образного содержания (образа-2) в семантике языковых единиц, т. е. является внутрисловным средством выражения образности. Сам же феномен внутренней формы языковых единиц обусловлен деривационно-мотивационными языковыми процессами – созданием новых слов на базе уже существующих и осознанием мотивационных связей слов носителями языка.

Например, внутренняя форма слова *закостенеть*, осознаваемая на основании соотнесения с однокоренным словом *кость* и одноструктурными *задубеть*, *закаменеть*, передает ситуацию ‘стать как кость’. Мотивационная форма и мотивационное значение включают первичный чувственный образ, посредством которого выражается понятийное содержание ‘прекратить духовное и интеллектуальное развитие, стать невосприимчивым к изменениям’. Взаимодействие мотивационного значения и предметно-понятийного содержания слова рождает вторичный образ, основанный на уподоблении ситуаций: ‘прекратить духовное и интеллектуальное развитие, стать невосприимчивым к изменениям, как бы потерять духовную и интеллектуальную подвижность (о человеке, его мыслях, чувствах), подобно тому, как какой-либо предмет теряет физическую гибкость, пластичность, динамичность, становясь неподвижным и твердым, как кость’.

В основе его образного значения лежат следующие когнитивные модели: 1) метонимическая модель «твердый/жесткий = неподвижный» (ср. *остолбенеть, окаменеть* ‘стать неподвижным от страха, удивления’) плюс метафорическая модель «физически неподвижный = духовно, интеллектуально неразвитый» (ср. *дуб, пень, дубина* ‘глупый/эмоционально неразвитый человек’); 2) метонимическая модель «твердый/жесткий = непроницаемый» плюс метафорическая модель «физически непроницаемый = не способный к восприятию информации и эмоции» (ср. *твердолобый, толстокожий, сухарь, черствый человек*).

Осознание носителями языка образного содержания данного слова и коммуникативную значимость реализованного в нем образа демонстрируют контексты. Образное значение реализуется в текстовом пространстве за счет того, что лексическая структура контекстов поддерживает и усиливает этот образ, развивая ассоциации, в нем заложенные: «*Не закаменеть, но и не размякнуть, оставаться на посту, но и не стоять на месте, быть гибким, но несгибаемым, быть львом, но не звереть, не быть ни односторонним, ни двуличным – как это все трудно!*» (С. Лец); «*Сейчас не просто интересное время, и хотя в учебниках истории нашему десятилетию вряд ли будет уделено больше нескольких страничек, та мягкая и податливая, гибкая плоть сумбурного настоящего, которую делают массы и отдельные личности, уже успевают окаменеть и закаменеть, стать непререкаемой нормой общественной жизни, покрывает сознание коростой обыденности, становится образцом и входит в привычку. Процесс этот называется историей. Смена идеологии идёт полным ходом*» (А. Лазарчук); «*Они лишены движения вперед. Служба. На всём готовом и только по приказу. Ужасная жизнь. Благо, тебе это – всего на два года. От этой размеренной скованности можно закаменеть*» (Воин).

Образное слово включается в текстовые лексические парадигмы, основанные на синонимии понятийного содержания, выраженного посредством различных образов, реализующих одну когнитивную модель: *окаменеть, закаменеть, покрыться коростой обыденности; закаменеть, скованность*. В текстах противопоставляются антонимичные образные лексические парадигмы: *закаменеть – размякнуть, гибкий – несгибаемый; мягкий, гибкий – окаменеть закаменеть*. При этом слова *закаменеть* и *несгибаемый*, реализуя сходный прототипический образ, несущий идею устойчивости к воздействиям, демонстрируют противоположную её интерпретацию

в ценностном отношении: ‘перестать развиваться – плохо’, а ‘не поддаваться влиянию – хорошо’.

Контекст может эксплицировать не только образное содержание отдельной лексической или фразеологической единицы, но и воспроизводить целые фрагменты (более-менее развернутые) образного строя языка – лексические парадигмы, объединенные общностью образных ассоциаций. Такого рода контексты мы квалифицируем как образные и рассматриваем как средство внесловного выражения лексической образности.

Учитывая вышеизложенное, **образность** понимается нами как лексико-семантическая категория, обобщающая структурно-семантическое свойство единиц лексико-фразеологического уровня языка, проявляющееся в способности обозначить определенное явление внеязыковой действительности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, не тождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы.

Данное определение связывает образность как структурно-семантическую категорию со способностью языковой единицы – метафоры (*острый язык, колкое слово, заноза* ‘язвительный человек’), образной лексемы (*остряк, наежиться, еришстый*), образного сравнения и фразеологизма (*сидеть как на иголках, твои слова – нож в сердце*) – воплотить типовые для определенной языковой культуры вторичные конвенциональные ментальные образы, базирующиеся на метафорических и метонимических моделях.

Категория образности объединяет в единый класс образной лексики (включая образную фразеологию) слова и выражения, различные по структуре и семантике, на основании общности их структурно-семантических и коммуникативно-прагматических свойств – семантической двуплановости, метафоричности внутренней формы, ассоциативно-характеризующей функции в тексте. Являясь средством языковой репрезентации типовых образов культуры, отдельные образные слова и выражения можно рассматривать в качестве элементарных единиц образного строя языка – закрепленной в узусе национально и культурно-исторически обусловленной системы образов, регулярно воспроизводимой в актах коммуникации и формирующей языковую картину мира. Система образных представлений является результатом процесса метафоризации, продуктом метафорического и отчасти метонимического миромоделирования.

Обобщая существующие в лингвистике представления о разных типах образного отражения действительности в сознании личности и в языке, можно предложить следующую классификацию чувственно-ментальных образов с точки зрения характера отражения и типа восприятия объектов действительности, обуславливающую тип и характер языкового образа и образности языковых единиц.

Параметры языкового образа	ОБРАЗ		
	←	↓	→
Тип образа	элементарный перцептивный (первичный)	комбинированный (первичный)	ассоциативный (вторичный)
Характер отражения	Прямое отражение единичного объекта	Прямое отражение совокупности объектов – участников ситуации	Опосредованное отражение объекта на основе аналогии с другим объектом
Тип когнитивной структуры	«Картинка» Гештальт Прототип	Фрейм Сцена (слот) Сценарий	Метафорическая модель Метонимическая модель
Лексико-семантический статус	Эмпирический компонент значения	Глубинная про- позитивная структура	Двуплановость значения, реализованная посредством внутренней формы слова
Лексические единицы, эксплицирующие образ	<i>яблоко, конь, собака, огонь, гореть, плыть, кислый, острый...</i>	<i>война, спор, игра, механизм, армия, стадо, семья, дружить, сражаться...</i>	<i>кремень (о человеке), остряк, наёжиться, сидеть как на иголках, языки пламени...</i>

Следовательно, в лексико-фразеологических единицах языка закреплены все три формы образного отражения действительности. При этом в качестве образных единиц лексикона нами рассматриваются лишь те, которые воспроизводят вторичный ассоциативный образ метафорического характера.

Представляется, что три аспекта рассмотрения образа и образности (когнитивно-психологический, лексико-семантический и лингвостилистический) являют собой три неразрывных грани одного явления – своеобразные проекции триединства «мышление (языковая личность) – языковая система (языковая способность личности,

тезаурус) – коммуникация (речевая деятельность)». Образность как свойство человеческого мышления (способность отражать явления в конкретно-чувственных формах и ассоциативных связях) обуславливает образность значений языковых единиц (способность слова передавать конкретно-чувственное представление о называемом предмете посредством ассоциативного сближения с другим предметом). Последняя, в свою очередь, предопределяет образность текстов (речевых произведений), которая также проявляется в способности выразить внеязыковое содержание в конкретно-чувственной форме либо непосредственно (конкретно-чувственная, пластическая образность), либо на базе различных речевых и языковых средств, реализующих ассоциативные совмещения понятий (фигуральная, тропейческая образность).

1.2. Структурно-семантические типы образных единиц языка

При квалификации лексической единицы в качестве образной учитываются 1) системные критерии: мотивированность лексической единицы (для образных слов) или фразеологической единицы (для образных выражений); наличие семантической двуплановости в структуре её значения; наличие метафорической внутренней формы образного слова/выражения; 2) антропологические (психолингвистические) критерии: осознание образного значения единицы носителями языка; узуальность образного представления, реализованного в семантике языковой единицы, подтвержденная наличием других образных единиц, отражающих данное или сходное образное представление; 3) функциональные критерии: наличие образных контекстов (текстовых фрагментов), отражающих актуализацию образного значения данной единицы.

Например, слово *испелить* ‘растратить жизненные силы в борьбе с чем-л., в переживаниях’ квалифицируется как образное (языковая метафора), поскольку его внутренняя форма метафорична, связана с прямым номинативным ЛСВ этого глагола – *испелить* ‘обратить в пепел’. Это порождает семантическую двуплановость: ‘под воздействием негативных условий или эмоций утратить жизненные силы, энергию (о человеке), подобно тому, как под воздействием огня предметы превращаются в пепел, уничтожаются’. При-

знак называемого явления, легший в основу образного наименования и связанный с процессом 'утраты, исчезновения', выражается во внутренней форме слова опосредованно – через ассоциацию с процессом горения – и метафорически представлен как «превращение в пепел». Данное образное представление осознается носителями языка, является типовым (узуальным) для русской языковой культуры. Его можно рассматривать как аспект (вариант) более широкого базового образного представления о разрушительной силе огня как своеобразном «этalone» уничтожения (ср. в выражениях *сгореть на работе, планы/сроки горят, сжечь мосты* и др.), а образ *пепла* как конечного продукта сгорания символизирует конечный этап разрушения, уничтожения – «остатки былого» (ср. в выражениях *пепелище любви, посыпать голову пеплом* 'весьма сожалеть о чем-л. совершенном, утраченном').

Если использовать терминологию когнитивистики, можно говорить о том, что образное значение отдельной образной лексической единицы представляет фрагмент – «слот», входящий в состав общего «фрейма», задаваемого базовой когнитивной метафорой, на основе которой и формируется типовое образное представление [Баранов, 1991, с. 186–187; Чудинов, 2001, с. 44–45]. Под фреймом в соответствии с когнитивной теорией понимается единица ментальной информации, организующей миропонимание, – «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 187–188].

Языковая метафора *испепелить* экспрессивна, так как выражает крайнюю степень уничтожения (интенсивность) и повышенное эмоциональное переживание говорящего (эмотивность). Ассоциативно-образный план её значения реализуется в тексте при выполнении экспрессивной и эстетической функций. В контекстах лексический образ разворачивается до более широких ассоциаций в рамках типового образного представления «горение – разрушение – уничтожение – утрата»: «Я так много перенес в жизни горя, неудач, что *испепелил сердце* и стал стар душою» (Писемский); «Его *душа испепелилась*, Вся в бурях творчества *сгорая*» (Майков); «Вы, идущие мимо меня, Не к моим и сомнительным чарам, Если б знали вы, сколько *огня*, Сколько жизни растрачено даром, И какой героический *пыл* на минутную тень и на шорох, И как *сердце* мне *испепелил* Этот даром истраченный *порох*» (Цветаева). Образное слово *испепелить* оказывается в окружении других лексических единиц, входящих в семантическое поле «огонь»: языковые метафоры *сгорать*

‘утрачивать силы, энергию’, *огонь* ‘душевные силы, эмоциональная энергия’, *пыл* ‘воодушевление, энтузиазм, эмоциональность’ (ср. *пылкий, вспылчивый, вспылить*), речевая индивидуально-авторская метафора *порох* ‘душевные силы, эмоциональная энергия’.

Вопреки установившемуся мнению, в качестве критерия выделения образных слов не выдвигается экспрессивность их значения, рассматриваемая как факультативное свойство образной лексики. При этом наш материал полностью подтверждает тот факт, что подавляющее большинство образных слов (около 70%) являются экспрессивными и стилистически маркированными: образный способ представления денотата, как правило, оказывается задействованным для выражения эмоционально-оценочного отношения говорящего к называемому явлению [Лукиянова, 1986; Телия, 1986].

Тем не менее в качестве образных квалифицируются нейтральные слова и выражения, сохраняющие метафорические ассоциативные связи с мотивирующими единицами, даже в том случае, когда эта связь, осознаваемая говорящими, не актуальна в процессе коммуникации, но способна проявиться в метаязыковой рефлексии субъекта речи, реализоваться в тексте с целью намеренного обыгрывания внутренней формы слова или её эстетической актуализации. Примером эстетической актуализации неэкспрессивного собственно-образного слова *небоскрёб* может служить его использование в стихотворении Маяковского «Адище города»: «*В дырах небоскрёбов, где горела руда/ И железо поездов громоздило лаз – / Крикнул аэроплан и упал туда,/ Где у раненого солнца вытекал глаз*». Автор употребляет целый ряд метафор, изображающих антигуманную сущность цивилизации, калечащей естественный природный мир. В этом контексте актуализируется ВФ слова *небоскрёб*: ‘очень высокое здание, которое словно скребёт небо и калечит его’. Лексический образ становится частью целостного образного мира всего стихотворения, в котором само слово приобретает негативную эмоционально-оценочную окраску – ‘причиняет вред, наносит ущерб’.

Сохранению семантической двуплановости номинативных образных единиц способствует актуальность таких семантических признаков, передаваемых посредством соотношения с исходными мотивирующими единицами, как ‘форма денотата’ – «информация об особенностях денотата как пространственно-временной целостности» [Платонова, 1992, с. 115] (*баранка (автомобиля), гвоздика, глазуня, груша (боксерская), грушевидный, волнистый, волнообразный, вуалехвост, лирохвост, кувшинка, изрешетить, гуськом, калачиком,*

языки пламени); ‘сенсорное ощущение (визуальное, тактильное и пр.) от восприятия денотата’ (названия растений: *бархатник*, *калина*, *невеста*, *огонек*), часто связанные с эстетическим восприятием называемого объекта: «*Невеста есть у меня. Как невесту отдают замуж, дак она вся в цветочках, белая. Она [растение] такими цветочками вся вокруг сделается, как шапка. Красиво до того прямо!*»; «*Калина, она же как калёная стоит, красная вся, раскалилась. Тоже красиво, осенью кода её посмотришь, она, как горит, раскалённая как*»).

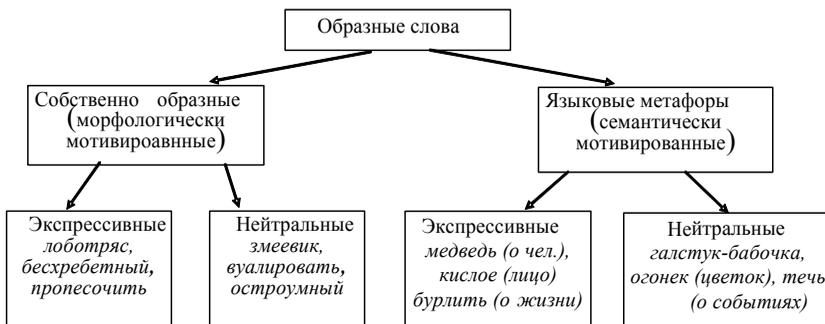
К числу образных не относятся слова, утратившие мотивированность, внутренняя форма которых не осознается носителями языка на современном этапе. Вслед за Г.Н. Скляревской назовем их «генетическими» образными. Например: *карга* ‘старуха’ – от диал. *карга* ‘ворона’, *мыкаться* ‘терпеть нужду’ – от диал. *мыкать* ‘чесать лён, пеньку’ (примеры из кн: [Скляревская, 1993, с. 42]), *канючить* ‘надоедливо просить о чём-л.’ от *канюк* ‘хищная птица, крик которой напоминает плач’ (пример из кн: [Прокуденко, 1988]), а также груб. *хайло* ‘рот’ – от диал. *хайло* ‘створ печи’, *морока* ‘хлопотливое, трудоемкое дело’ от диал. *морока* ‘облачность, туман’ и другие слова, в которых внутренняя форма восстанавливается только этимологически.

В отличие от классификации, предложенной М.И. Черемисиной (1979, 1990) и Н.А. Лукьяновой (1986, 1990, 2004), в число образных слов не включаются звукоизобразительные экспрессивы (*хмырь*, *фифа*, *олух*, *мымра*, *фря*) и нейтральные слова (*пищать*, *рычать*, *кукарекать*, *шаркать*, *скрипеть*), не имеющие первичной номинативной базы. Эти слова не квалифицируются как образные, поскольку в их формально-семантической структуре не закреплено ассоциативное, двуплановое видение явления; они лексически не мотивированы, хотя в высокой степени экспрессивны.

Если экспрессивность базируется на выражении эмоционально-оценочного отношения говорящего к называемому словом референту, то образность связана с особым способом передачи содержания. Предметно-понятийный план значения выражается в образном слове сквозь призму ассоциативно-образного плана его значения: представление о называемом объекте (референте образной номинации) интерпретируется на основании представлений об объектах, уподобляемых называемому (агентах образной номинации). Например, слово *гвоздика* передает представление о форме цветка через представ-

ление о форме гвоздя, слово *околпачить* ‘обмануть, одурачить’ выражает ситуацию обмана через представление о ситуации сокрытия чего-либо под колпаком, подобно тому, как это делает фокусник в цирке, а языковая метафора *надуть* передает то же значение обмана через ситуацию наполнения воздухом какого-л. предмета (шарика, мячика и т.п.), что символизирует отсутствие содержания. Т. е. в образном слове предметно-понятийное содержание интерпретируется на основании стереотипных образных представлений языковой культуры, выражаемых метафорической внутренней формой языковой единицы. Так, в собственно образном слове *околпачить* ситуация обмана интерпретируется как «сокрытие истины», а в языковой метафоре *надуть* – как «наполнение пустотой (незначимой, ложной информацией)».

Итак, в составе образной лексики, среди языковых метафор и собственно образных слов, можно выделить как экспрессивные, так и номинативные (нейтральные) образные слова, противопоставленные по критерию наличия/отсутствия в их семантике эмоционально-оценочной коннотации и интенсивности.

Различные образные средства языка тесно взаимосвязаны. Это наглядно проявляется в том, что одинаковое образное представление может быть вариативно реализовано различными лексическими и фразеологическими образными единицами.

Например, стереотипное образное представление, заключающееся в ассоциативном сближении длинного зигзагообразно/спиралеобразно изогнутого предмета с телом змеи реализуется в значениях существительного *змеевик*: 1) ‘изогнутая трубка’; 2) ‘минерал зеленоватого цвета с извилистыми разводами’; 3) ‘растение

семейства гречишных с толстым змеевидно изогнутым корневищем; в прилагательных *змеистый* ‘извилистый’, *змеевидный* и *змеобразный* ‘похожий по форме на тело змеи’ (*змеевидные косы, линии, трубки* и т.п.), в глаголе *змеиться*: 1) ‘тянуться извилистой линией’, 2) ‘блуждать, скользить взглядом’; в творительном сравнения *извиваться змеей* ‘образуя извивы, кольца, зигзаги’; в составе генетивных метафорических выражений *змейка дыма, змея кос*. Этот языковой образ воспроизводится и творчески интерпретируется в художественной речи: «*Пышных кос ее струя по хребту бежит змея*» (Блок); «*Эти серые хищные глаза, эти ямочки на щеках, эти змеевидные косы... и он стряхнуть, отбросить прочь всё это не в силах, не может?*» (Тургенев); «*От неё [проруби] бежали в разные стороны змеистые трещины*» (Ажаев); «*Ползет густой, змеится дым*» (Бальмонт); «*Русло ручья змеилось по степи серой высохшей лентой*» (Крымов); «*Синей змейкою колеблясь поднимается дымок*» (Соловьев); «*Наша речка извивалась змейкой, словно зигзагами... Бежала она по полю изгибами, как поломанная*» (Чехов).

Следовательно, образное слово можно рассматривать, с одной стороны, как элемент относительно замкнутой подсистемы лексического уровня, а с другой стороны, как элемент образного строя языка – системы образных средств языка, отражающей типовые ассоциативно-образные представления говорящих, организованной по принципу межуровневого семантического поля.

Все образные средства языка по критерию цельнооформленности / раздельнооформленности разделяются на лексические (цельнооформленные): 1) собственно образные слова (*буквоед, моховик, твердолобый, обезьянничать*) и 2) языковые метафоры (*кипятиться ‘злиться’; блестящий ‘выдающийся’ (о способностях); буря ‘интенсивное проявление чувств, эмоций’*); и фразеологические (раздельнооформленные) – образные выражения: 1) устойчивые образные сравнения: а) сравнительные обороты – *острый, как игла; холодный, как лед; плоский, как доска*; б) компаративные фразеологизмы – *дрожать как осиновый лист; упасть как снег на голову*; в) сравнение с ослаблением компаративного элемента и усилением обстоятельственного значения – *голодный как волк; работать как лошадь*; 2) образные словосочетания с творительным сравнением – *свернуться калачиком, лететь пулей, смотреть волком, выть волком*; 3) образные перифрастические выражения – *черное золото (нефть); желтый дьявол (золото); корабль пустыни (верблюд); ко-*

рабли мысли (книги); *стальная птица* (самолет); 4) образные идиомы – *точить зуб на кого-л.*; *отдать последнюю рубашку*.

Образная лексика представлена двумя структурно-семантическими разновидностями, различающимися способом реализации образного представления – характером внутренней формы слова (его морфо-семантической структуры) и типом мотивированности. Это языковая метафора (образные ЛСВ) и собственно образные слова (лексемы с метафорической ВФС).

Одну из структурно-семантических разновидностей образных слов представляют **языковые метафоры** – семантически мотивированные образные лексические единицы с переносным метафорическим значением. К ним относятся:

– всевозможные субстантивные метафоры, представляющие проекции в сферу «человек» из различных тематических областей: *актер* ‘лицемерный, неискренний человек’, *барин* ‘высокомерный, ленивый человек’; *дубина* ‘глупый, невосприимчивый человек’, *чурбан* ‘глупый человек’, *фонарь* ‘синяк под глазом’, *хвост* ‘вид прически’; зооморфизмы – *заяц* ‘трусливый человек’, *змея* ‘коварный, подлый человек’, *крокодил* ‘несимпатичный человек’, *ворона* ‘рассеянный человек’;

– метафорические наименования неодушевленных предметов и явлений: *каша, кисель* ‘полужидкая масса’; *сарай* ‘убогое жилище’; *болото* ‘застойные, консервативные социальные явления’, *верхушка, сливки* ‘высший слой общества’, *дно* ‘низший слой общества’, *водопад, каскад* ‘бурное проявление чувств, эмоций, событий’, *калейдоскоп* ‘быстрая смена событий’;

– образы большого и малого количества: *гора, груда, куча, море, океан, бездна, туча* ‘очень большое количество чего-л.’, *капля/капелька, кроха/крошка* ‘очень малое количество чего-л.’;

– признаковые метафоры, основанные на синестезии (перенос качества впечатления из одной модальности восприятия в другую модальность восприятия): *жидкий* ‘слабый, неинтенсивный (о красках, звуках)’, *кислый* ‘скудный, неэнергичный, недовольный (о человеке, характере, настроении)’, *сладкий* ‘приятный, нежный, ласковый, благозвучный (о голосе, звуках, речи)’, *горький* ‘печальный, грустный, скорбный, тоскливый (о словах, мыслях, чувствах)’, *жесткий* ‘принципиальный, настойчивый (о человеке)’, *мягкий* ‘добрый, нерешительный (о человеке)’;

– признаковые отсубстантивные метафоры, образно выражающие качество по его эталонному носителю: *золотой* ‘очень хороший, способный (о человеке)’, *масляный* ‘льстивый, подобострастный (о голосе, взгляде)’; *материнский* ‘ласковый, нежный (о чувствах и их проявлениях во взгляде, жесте и т.п.)’, *волчий* ‘жестокий, хитрый (о характере, поведении человека)’, *кремневый* ‘непреклонный (о человеке)’, *радужный* ‘приятный, радостный (о впечатлениях, мыслях, чувствах)’, *кристальный* ‘безупречный, честный (о человеке, поведении)’, *плакатный* ‘похожий на плакат яркостью красок, простотой рисунка (о внешности человека, о каком-л. изображении)’;

– разнообразные глагольные метафоры: *влететь* ‘ударить’, *драть* ‘брать слишком дорого’, *заводиться, кипятииться* ‘сердиться’, *закрасться* ‘появиться’, *жарить, чесать* ‘делать что-л. очень интенсивно’, *иссякнуть* ‘утратиться’, *надуться* ‘возгордиться’, *подцепить* ‘приобрести’, *развязаться* ‘освободиться’, *разнюхать* ‘разведать’, *сколотить* ‘создать’, *снюхаться* ‘вступить в близкие отношения’, *сцепиться* ‘начать спорить’, а также многие другие тематические и лексико-грамматические разряды метафорических единиц.

Языковые метафоры как единицы лексикона представляют собой узуальные метафорические лексико-семантические варианты лексем, которые находятся в отношениях семантической производности и лексической мотивации с исходным номинативным значением и выражаются с ним одной звуковой оболочкой. Вслед за И.А. Стерниным мы считаем, что «каждый ЛСВ существует в слове и шире – в лексико-семантической системе языка – как отдельная единица, оформленная синтаксически и парадигматически» [Стернин, 1979, с. 15]. В связи с этим языковые метафоры будут рассматриваться с

синхронных позиций как готовые устойчивые единицы лексикона, обладающие образным значением и воплощающие типовые образы языковой культуры. Двуплановость значения представлена здесь посредством семантического типа мотивированности [Блинова, 2001, с. 6].

Вторая структурно-семантическая разновидность образных лексических единиц обозначается как «собственно образные слова» [Блинова, 1983], поскольку семантическая двуплановость характеризует лексему в целом, а не один из её лексико-семантических вариантов.

Собственно образные слова – морфологически мотивированные лексические единицы с метафорической внутренней формой, среди которых встречаются образные наименования человека (*вертихвостка, верхогляд, головоотяп, головорез, горлодер, зубоскал, лизоблюд, подлиза, прихлебатель, проныра, пустозвон, сорвиголова*); животных (*вуалехвост, горихвостка, проволочник, утконос, шилохвость*); растений (*гвоздика, кувшинка*); артефактов и натурфактов (*глазунья, небоскрёб*); образные наименования различных явлений (*головомойка, головоломка, загвоздка, заковырка, смятение*); качеств и свойств (*бесхребетный, бессердечный, головастый, двужильный, вразлет, вразбивку, врасыпную, молниеносный, мимолётный*); процессов (*бычиться, вкорениться, внедриться, взвинтиться, гвоздить, змеиться, звереть, окрылить, осоветь, остолбенеть, разволноваться*) и др.

В подобных словах семантическая связь с мотивирующими единицами метафорическая, но образное (метафорическое) содержание воплощено в прямых номинативных значениях. Как отмечает В.В. Лопатин, «благодаря четкости их морфемного строения, сочетаемости в них определенных корней, ощущается и второй план, связанный с прямыми значениями мотивирующих слов. Взаимодействием буквального и переносного значений создается образ, живущий в семантической структуре подобных слов, а именно в этом обнаруживается их мотивированность» [Лопатин, 1975, с. 53].

Если в семантически мотивированных словах процесс метафоризации охватывает ЛСВ одной лексемы и для языковой метафоры образное значение является переносным, мотивированным прямым значением исходного ЛСВ (*медведь* ‘человек, неуклюжий, как медведь (животное)’), то в морфологически мотивированных словах метафоризация осуществляется на уровне морфо-семантической структуры лексемы, обладающей самостоятельным номинативным значением, которое и характеризуется образностью. Прямое значение та-

ких слов является образным, а значение мотивирующих единиц связано с ним метафорически (*вертихвостка* ‘легкомысленная женщина, которая как бы «вертит хвостом»’).

Собственно образные слова – в гораздо меньшей степени исследованный пласт лексики по сравнению с языковой метафорой. Со словообразовательных позиций они характеризовались в работе В.В. Лопатина «Метафорическая мотивация в русском словообразовании» (1975), где автор выделяет три группы слов с метафорической словообразовательной структурой: 1) случаи «метафорической мотивации», суть которой состоит в том, что «переносный смысл возникает у определенных слов только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре» (*чистоплюй, проноухать, завуалировать*); 2) случаи передачи образного смысла посредством мотивации фразеологизмом (*головоломный – ломать голову, очковтирательство – втирать очки, пенкосниматель – пенки снимать, горемыка – горе мыкать, хлебосольный – хлеб да соль, сорванец – с цепи сорвался*); 3) случаи мотивации переносным значением, когда «присущий словам метафорический смысл унаследован ими от мотивирующего слова» (*плевый, наплевательский – наплевать, пролаза – пролезть, прилипала, прилипчивый – прилипнуть, озвереть – зверь, остолбенеть – стоять столбом*) [Лопатин, 1975, с. 55–56]. С синхронных семасиологических позиций все вышеуказанные единицы можно квалифицировать как собственно образные слова, характеризующиеся семантической двуплановостью, выраженной морфологическим типом мотивированности.

Между лексическими и устойчивыми фразеологическими образными средствами языка нет жесткой границы. На зону лексико-фразеологической переходности указывалось в работах А.В. Жукова, Ю.П. Солодуба, В.Н. Телия и др.

Промежуточное положение между лексическими и фразеологическими образными средствами языка занимают, во-первых, **двухкомпонентные номинации** (например, названия растений *кукушкины сапожки, бабий язык, венерин баשמачок, мать-и-мачеха, анютины глазки*; анатомические названия *глазное яблоко, адамово яблоко, солнечное сплетение, грудная клетка*). Данные образные номинации являются раздельноформленными, но на основании денотативного содержания и референтной отнесенности, характерной для предметной лексики (выделенность, единичность обозначаемого предмета или понятия), а также выполнения исключительно идентифицирующей номинативной функции (невозможность употребле-

ния в позиции предиката, в отличие от двухкомпонентных идиом: *кожа да кости* ‘очень худой’, *кровь с молоком* ‘крепкого телосложения, здоровый’) относятся к лексическим образным средствам. Образные двухкомпонентные номинации могут быть отнесены к языковым метафорам в том случае, если обладают номинативной значимостью в своём первичном значении, например: *бычье сердце* ‘сорт помидоров’, *воробьяно семя* ‘растение с мелкими семенами’, *гусиная лапка*, *девичья красота* ‘комнатное растение колокольчик’, *вороний глаз* ‘растение с черной ягодой’, *царские кудри* ‘растение жёлтая сарана’ и др. Двухкомпонентные номинации могут быть отнесены к собственно образным словам, если метафорическое образное значение является для них единственным, например: *анютины глазки* / *анютины слёзки*, *ванька мокрый*, *вшивый лук* ‘полевой лук, не представляющий пищевой ценности’, *кукушкины лапти* / *кукушкины сапожки* / *кукушкины слёзки* / *кукушкины сережки* ‘травянистое растение ирис’, *мартын с балалайкой* ‘водоплавающая птица сем. чайковых’ и др.

Среди **генетивных метафор** различаются устойчивые образные лексические единицы (метафорические ЛСВ), вступающие в свободные сочетания с существительными в родительном падеже (языковые генетивные метафоры): *капля* / *крошка (кроха)* / *крупница (крупинка)* ‘малая часть чего-л.’ (*жалости, надежды, радости, старания, усилия, терпения* и т.п.), *круговорот* / *калейдоскоп* / *водоворот* / *вереница* / *цепь (цепочка)* ‘бесперывная последовательная смена явлений’ (*событий, впечатлений, лиц, городов* и т.п.), *осколки* / *обрывки* ‘часть чего-л., сохранившаяся от прошлого’ (*воспоминаний, надежды*), *корень* ‘начало, источник, основа чего-л.’ (*ошибок, дружбы*), в которых метафорический смысл и образное значение закреплены за первым лексическим компонентом, – с вошедшими в узус образными двухкомпонентными номинациями, построенными по модели генетивной метафоры: *корень зла*, *круг друзей*, *поле деятельности*, *угол рассмотрения*, *сфера интересов*, – и речевыми образными выражениями: *лохмотья туч*, *когти страха*, *паутина коррупции*, *лабиринты власти*, *омут застоя*.

Генетивная метафора выделялась в качестве образного языкового средства и анализировалась в работах Г.Н. Склиаревской (1988), О.В. Платоновой (1992), Л.О. Чернейко (1997). Это конструкция, состоящая из двух лексических компонентов: 1) устойчивого образного компонента: существительного в именительном падеже, выражающего «агент образа» – явление, уподобляемое называемому и в

образной форме характеризующее его отличительное свойство; 2) переменного компонента: существительного в родительном падеже, называющего непосредственно референт образной номинации (*иглы инея* ‘иней, застывший в форме мелких, тонких, заостренных кристаллов’, *шатер ветвей* ‘ветви деревьев, сплетенные в форме купола, напоминающие шатер’, *лохмотья туч* ‘тучи, напоминающие по форме обрывки ткани’) или сферу образной референции (*вереница событий* ‘последовательность сменяющих друг друга событий жизни человека’, *изнанка жизни* ‘негативные явления жизни, которые скрывают от постороннего наблюдателя, подобно тому, как недоступна для восприятия изнаночная (оборотная) сторона одежды’).

В первом случае в качестве референта образной номинации выступает предмет из области материальных объектов, обозначенный именем идентифицирующего типа, а агент образной номинации вносит информацию о специфике его формы, размера и прочих особенностей через аналогию со «стандартными», «эталонными» носителями подобных параметров: *зеркало реки (озера)*, *столб огня (дыма)*, *тростники мачт*, *языки пламени*. В этом случае «генетивная метафора – это предоставляемая языком возможность ослабить гетерогенность семантических компонентов в идентифицирующей лексеме», возможность преобразовать чувственную информацию в рациональную, опосредовать индивидуальный опыт коллективным языковым сознанием [Платонова, 1992, с. 116].

Во втором случае референт образной номинации относится к области отвлеченных, нематериальных явлений из сфер эмоционально-психической (*искра восторга*, *изгибы души*, *капля жалости*, *когти страха*, *луч надежды*, *панцирь отчужденности*, *паутина подсознания*, *стена враждебности*), ментально-речевой (*вереница / караван / рой / хоровод мыслей*, *нить / ход рассуждения*, *плод воображения*, *калейдоскоп фантазий*), социальной (*болезнь общества*, *война компроматов*) абстрактно-категориальной (*поле деятельности*, *ядро концепции*). Здесь отвлеченное понятие приобретает зримые черты и моделируется языком по образу и подобию вещного мира, поскольку агент образной номинации вносит информацию о пространственно-временной целостности прообраза. Генетивная метафора в этом случае дает возможность предикатной лексеме функционировать в качестве идентифицирующей [Там же, с. 118]. Генетивную метафору подобного типа Л.О. Чернейко называет «символической метафорой» – это «особый тип генетивной метафоры, созданный соединением конкретного существительного с абстрактным и создающей

особый тип переносного значения... Это способ чувственно воспринимаемого представления умозрительных, воплощение бестелесных вещей» [Чернейко, 1997, с. 244].

Подавляющее большинство генетивных метафор носят узуальный характер, их образный смысл выражается устойчивым компонентом сочетания, а сфера референции закреплена за узуальным понятийным содержанием метафорического ЛСВ, которое зафиксировано в словаре. В связи с этим они будут рассмотрены как лексические образные единицы в составе языковых метафор.

Творительный сравнения. Предельно сложно провести жесткую границу: а) между образными отсубстантивными наречиями *калачиком, пулей, дугой, змеей, ёжиком*, диал. *пулом* 'выпукло'; б) устойчивыми оборотами с творительным сравнения: *бить ключом, лететь птицей / стрелой, выть волком, глядеть / смотреть волком, стоять столбом, держать хвост пистолетом*; в) речевым метафорическим оборотом с творительным сравнения: *рукава пузырярём* («С ослажками рукава всё шили, от плеча пузырярём»); *цветет пуговичками* («Пижма пуговичками маленькими цветёт»), *хвост пропеллером* («Тетёрка – она меньше, серая, косач побольше, чёрный, хвост пропеллером»). Критериями разграничения здесь выступают степень семантической спаянности элементов сочетания, а также степень его устойчивости и узуальности. Устойчивые образные (метафорические) ЛСВ, закреплённые за формой творительного падежа существительного, способные вступать в свободные сочетания с глаголами и существительными, квалифицируются как образные существительные в значении наречия. Устойчивые обороты с ограниченной сочетаемостью представлены фразеологизмами, а окказиональные сочетания – речевыми оборотами с творительным сравнения. Однако в силу сложности разграничения промежуточных случаев и с определенной долей условности все вышеуказанные образные средства будут рассмотрены в группе фразеологических образных средств – оборотов с творительным сравнения.

Данная конструкция включает два или три лексических компонента: а) словосочетания существительного с существительным в творительном падеже (*носик уточкой, губки бантиком, брови дугой, хвост трубой, рога калачом*); б) словосочетания глагола и существительного в творительном падеже: (*бить ключом, выть волком, лежать пластом, лететь пулей, свернуться калачиком*); в) трехчленная конструкция «глагол + существительное в винительном па-

деже + существительное в творительном падеже» (*выгнуть спину дугой, выпятить грудь колесом, сложить ноги калачиком*).

По наблюдениям Е.В. Рахилиной, творительный сравнения возможен в двух ситуациях: 1) «в стативной ситуации, когда описывается особая форма объекта»; 2) «в динамической ситуации, когда описывается особый характер движения» [Рахилина, 2000, с. 81]. В первом случае существительное в творительном падеже обозначает предмет, являющийся агентом образной номинации и выступающий эталоном формы, с которым сопоставляется референт образной номинации, обозначенный существительным в именительном падеже или в винительном падеже в глагольных конструкциях с предикатом «местонахождения (*стоять, лежать, располагаться...*) или каузации местонахождения (*положить, сложить, вставить...*)» [Там же]. При этом «сама форма может быть канонической: *углом, дугой, подковой, петлей, горой* и менее канонической *мешком, стоял столбом, сидел барином* и др. – главное, чтобы она была достаточно характерной, внешне выделенной» [Там же]. Во втором случае, при описании динамической ситуации, существительное в творительном падеже называет предмет, выступающий в роли эталона определенного качества движения или действия: скорости, интенсивности, направления (*вверх – пружиной, пробкой, птицей, горизонтально – стрелой, пулей, молнией, вниз – камнем; движение жидкости вниз – рекой, потоком, вверх – фонтаном, ключом*); качества звучания (*выть волком, квакать лягушкой*) [Там же].

Устойчивые образные сравнения как одно из образных языковых средств русской фразеологии характеризовались в работе В.М. Огольцева (1978), по мысли которого, данные образные выражения лишь построены по модели логического сравнения как средства познания, но служат «иным целям языкового выражения» (с. 27). Если в логическом сравнении, содержащем два заданных элемента сравнения (что с чем сравнивается) и основание сравнение (общий существенный признак), сравниваются однородные предметы на основании общего родового признака с целью нахождения различительных видовых признаков, то в языковом образном сравнении всегда сопоставляются разнородные предметы. При этом заданными элементами являются эталонный предмет, с которым сопоставляется некое переменное понятие, и его характерный отличительный признак: *белый, как стена / мел / снег* (широкий круг предметов, лицо человека); *сладкий, как мед* (вкус, запах, звук, голос, речь, манеры, выражение лица); *холодный, как лед* (широкий круг

предметов, темперамент человека, взгляд); *лететь, как стрела, нестись, как бешеный* (о характере движения и перемещения широкого круга предметов и человека); *пыхтеть, как паровоз* (о характере звучания широкого круга предметов и человека); диал. *один как перст / как палец / как блин на сковородке* (об одиноком человеке). Сопоставление элементов в образном сравнении носит характер уподобления: переменный компонент, выражающий референт образной номинации, уподобляется агенту образной номинации (предмету-эталону), обозначенному устойчивым именным компонентом образного сравнения, на основании их общего или подобного свойства, обозначенного устойчивым предикатным компонентом сравнения.

Образное сравнение сохраняет все звенья компаративной цепи трехкомпонентного логического сравнения, однако необходимым элементом языковой компаративной структуры являются показатели сравнения – языковые средства выражения: а) сравнительные союзы: *как, точно, словно, будто, как будто, что, как бы, ровно, вроде* и др.; б) падежные и предложно-падежные формы имени: *покатился клубком, ловкость кошки*; в) формы сравнительной степени прилагательных и наречий: *темнее ночи, быстрее лани*; г) слова со значением сравнения: *похожий, подобный, в виде, напоминает, смахивает, уподобиться, выглядеть, длиною в, ростом с, шириною в* и т.п. [Там же, с. 34].

Перифразы как особые номинативные единицы языковой системы анализировались с лексико-семантических позиций в работе Т.И. Бытевой (2002). Специфическим свойством перифрастического сочетания является, по мнению автора, «его способность заменяться словом... не входящим в состав этого сочетания» [Бытева, 2002, с. 28]. «Перифрастическое сочетание – это оборот, который используется не вместо обычного названия предмета, а вместе с обычным названием предмета» [Там же, с. 31], оно состоит из трех компонентов: «1) номинат, обозначенного перифрастическим сочетанием, и собственно перифрастического сочетания, включающего 2) перифразирующий компонент и 3) предцизируемый компонент: *мех* (номинат) – *мягкое* (предцизируемый компонент) *золото* (перифразирующий компонент)» [Там же, с. 30].

К числу образных, на наш взгляд, относятся перифрастические сочетания, характеризующиеся семантической двуплановостью и метафоричностью внутренней формы, т. е. те, которые обозначают «номинат» (референт образной номинации, представление о котором составляет денотатив образного значения перифразы) через ассоциа-

тивное сходство с нетождественным ему явлением (агентом образной номинации, представление о котором составляет ассоциатив образного значения): нефть – *черное золото*, лес – *зеленое золото*, золото – *желтый дьявол*, кукуруза – *янтарное зерно*, аукцион – *соревнование кошельков*, книги – *корабли мысли*, самолет – *стальная птица*, уголь – *хлеб промышленности*, металл – *хлеб индустрии*, цемент – *хлеб строительства*, весна – *утро года*, пули – *свинцовые пчелы*, лев – *царь зверей*, медведь – *хозяин тайги*, соль – *белый яд*, спид – *чума 20 века*, журналисты – *акулы пера*. В безобразных перифразах перифрастическое сочетание характеризует номинат непосредственно, на основании его реального отличительного признака: газ – *голубое топливо*, материк – *большая земля*, вертолет – *вертокрылая машина*, кинотеатр – *большой экран*, Карелия – *страна голубых озер*.

Образные идиомы – наиболее яркое образное языковое средство, составляющее «ядро фразеологического состава языка» [Телия, 1996, с. 58]. Исследования образной идиоматики чрезвычайно популярны в современной русистике. К их числу относятся работы Д.О. Добровольского (1990), М.Л. Ковшовой (1999), А.М. Мелерович (1997, 1999), В.М. Мокиенко (1997, 1999), Е.О. Опариной (1999), Ю.П. Солодуба (1989), В.Н. Телия (1990, 1995, 1996), Т.З. Черданцевой (1990) и др., посвященные анализу фразеологии и идиоматики в семантическом, культурологическом, когнитивном, лексикографическом, сопоставительном, историческом и других аспектах. Образные идиомы представляют собой комбинации слов, выполняющие номинативную функцию, под которой понимается «способность имени, выраженного сочетанием слов, указывать на объект, соотносимый с одним денотатом (классом реальных, свойств, событий, явлений, фактов и т.п.), ни один из признаков которого не соотносится с отдельным именем, входящим в сочетание слов» [Телия, 1996, с. 60]. Они обладают метафорической внутренней формой и метафорическим характером мотивированности. Ассоциативная связь предметно-понятийного содержания идиомы с исходным буквальным мотивирующим значением этого выражения, основанная на сходстве впечатлений от соотносимых ситуаций, осознается носителями языка на основании структурно-семантической связи образного выражения с мотивирующими единицами в их исходных значениях. «...Идиомы – двуплановые сочетания слов: они обозначают нечто и образно мотивируют это обозначение. ...При этом прямой смысл слов-компонентов словосоче-

тания – только мотивирующая аналогия для формирования нового значения и никогда не исчерпывает полностью номинативного замысла и даже может противоречить ему. Например, значение идиомы *держать язык за зубами* не означает ‘молчать, не произносить ни слова’, но только ‘не говорить того, что следует скрывать от непосвященных’... Таким образом, именно во взаимодействии номинативного замысла и образа-подобия, объединяющем в единое целое признаки того и другого, и заключена особенность значения идиом» [Телия, 1995, с. 11–12]. Это такие выражения, как *дубина стоеросовая* ‘дурак, болван’, *мелкая сошка* ‘незначительный человек’, *ни рыба, ни мясо* ‘без определенно выраженных свойств, посредственность’, *с ног сбиваться / сбиться* ‘устать до изнеможения’, *сердце (душа) разрывается (рвется на части)* ‘мучительно сильное ощущение душевной боли’, *стереть с лица земли* ‘полностью уничтожить’, *глаза на лоб лезут* ‘неожиданно возникает чувство удивления, недоумения, реж – страха’, *раз плюнуть* ‘не стоит никаких усилий; сразу, легко, быстро’, *как баран на новые ворота (смотреть)* ‘ничего не соображая, с тупым непониманием’, *идти на поводу* ‘безвольно подчиняться, находясь под чьим-то влиянием’, *поджать / поджимать хвост* ‘испугавшись последствий своих дел, поведения, утрачивать самоуверенность, становиться более осторожным, уступчивым’; диал. *душа заходится* ‘испытывать состояние сильного переживания’ («С такого места приехали. Там у нас горы, рыба, живность. Мы туды, к Телецкому озеру жили. Была я там, плакала, душа заходилась»), *зубы точить* ‘сплетничать’ («Ко мне кто пришел, я сразу – «Сиди»! Про других неча зубы точить. Сплетничать – грех»); *клюнуло в голову* ‘появилась внезапно какая-л. мысль’ («Потом-то мне клюнуло в голову, что теперь-то вот замуж уже выхожу»).

Периферию образной идиоматики «образуют сочетания, частично идиоматичные по тому или иному признаку – лексико-семантическому, синтаксическому, морфологическому или всем вместе» [Телия, 1996, с. 63], например: *приходить в голову, выскокить из головы, схватывать на лету, шутить с огнем, не от мира сего*, диал. *пасть в голову / на сердце / на ум* ‘о постоянной навязчивой мысли’ («Вот мне пало на ум: что же мне с этим мясом делать?»), *попасть в мялку* ‘попасть в сложное, затруднительное положение’ («Катя подъехала, хоть бы задержалась, а то в мялку попала – пол мыть»), *горя принять* ‘испытать лишения, невзгоды’ («Горя приняла много, и смертушки нету, и живота нету»), *не своя*

короста ‘о чужой боли, чужих проблемах’ («*Ежели не своя короста, и не помнишь, выбросишь из головы*»).

В настоящем исследовании, посвященном анализу образной лексики, фразеологические образные средства будут рассматриваться фрагментарно. В сферу исследовательской рефлексии попадают лишь те устойчивые образные выражения, которые имеют структурно-семантические связи с образными лексическими единицами и выражают общее образное представление:

1) являются мотивирующими единицами (*втирать очки* – *очковтирательство*, *повторять как попугай* – *попугайничать*, *лизать пятки / руки / ноги* – *подлиза, подлизываться*, *быть под каблуком* – *подкаблучник*);

2) входят в мотивационно-образные парадигмы (*остроглазый*, диал. *вострошарый* ‘обладающий хорошим зрением’, *наострить уши* ‘начать внимательно прислушиваться’, *сверлить глазами* ‘пристально смотреть’; *остряк / острослов* ‘насмешливый, язвительный человек’, *нож острый* ‘о чем-л., причиняющем душевные страдания’, *словно ножом по сердцу* ‘об ощущении внезапной душевной боли от какой-л. неприятности, беды’);

3) входят в состав ассоциативно-образных лексико-семантических полей (*тяжелый* ‘требующий большого труда, усилий, напряжения для осуществления (о действиях человека), подобно тому, как требует больших усилий перемещение тяжелых предметов, обладающих большим весом // выдерживаемый, переносимый с большим трудом, трудный (об обстоятельствах жизни, состояниях человека, его чувствах и мыслях, требующих большого напряжения сил)’ ⇒ *тяготить / отяготить / обременить / давить / подавлять ЯМ / угнетать СО* ‘доставлять хлопоты, вынуждать тратить физические и душевные силы, мучить, как бы отяжеляя, подобно грузу’; *угнетать СО / подавлять ЯМ* ‘ограничивать свободу, права, волеизъявления, как бы придавливая гнётом (тяжелым грузом) // вызывать мучительные душевные состояния тоски, сожаления, которые тяготят, подобно грузу’, *угнетённый / подавленный ЯМ* ‘испытывающий социальные ограничения // испытывающий мучительные душевные состояния’; *тягостный / гнетущий СО* ‘трудный, мучительный, неприятный; доставляющий физические или душевные страдания’; *грузить ЯМ* ‘создавать проблемную ситуацию, вынуждать тратить физические и душевные силы’, *загруженный ЯМ* ‘озабоченный, обеспокоенный необходимостью решать различные проблемы’; *гнёт / бремя / груз (забот, дел, проблем, ответственности)*

ЯМ / *тяготы* СО ‘различные явления и обстоятельства жизни, чувства и мысли человека, которые, подобно тяжелому грузу, вынуждают тратить много душевных и физических сил, мучают’; *давление* ЯМ ‘насильственное воздействие на кого-л, принуждение, подобное воздействию тяжестей’, *обременительный* СО ‘доставляющий много хлопот, затруднений’, *тяжкая ноша* ЯМ ‘что-л. доставляющее заботы, хлопоты’; *лежать мёртвым грузом* ФЕ ‘быть неиспользованным’; *камень (свинец) на сердце (на душе) лежит* ФЕ ‘о болезненном душевном состоянии, переживании, сожалении, чувстве тоски’; диал. *взять на себя всю котомку* ФЕ ‘взять на себя заботы о ком-, чем-л.’ («В пятнадцать лет отец помер, и я всю котомку взял на себя: нас такая лесенка была»).

Таким образом, лексические средства экспликации типовых образных представлений будут рассматриваться во взаимосвязи с другими образными языковыми средствами.

1.3. Образное значение слова

Образность создается благодаря взаимодействию в семантической структуре слова предметно-понятийного плана значения, включающего определенный набор интегральных и дифференциальных сем, и ассоциативно-образного основания – компонента значения, складывающегося из семантических микрокомпонентов, соответствующих предметно-понятийному содержанию мотивирующих лексических единиц, «внедренных» в образное слово посредством его внутренней формы.

Следовательно, образное содержание создается взаимодействием предметно-понятийных семантических микрокомпонентов, распределенных по двум планам содержания образной единицы, соответствующим отражению называемого словом явления (референта образной номинации) и явления, ассоциируемого с называемым (агента образной номинации). При таком подходе представляется целесообразным рассматривать образное значение (ОЗ) языковой единицы (слова или выражения) как определенный «срез» («слой», «уровень») лексического или фразеологического значения, включающий те компоненты семантики, которые задействованы в выражении типового образного представления.

Содержание, отражающее представление об агенте образной номинации, привносится в семантическую структуру посредством

внутренней формы слова, выражающей лексическую мотивированность, т. е. это содержание наследуется от мотивирующих единиц. В образных словах мотивационное значение идиоматично. Будучи выводимо из вычленяемых на основании лексической и структурной соотносительности значимых сегментов, МЗ ассоциативно соотносится с предметно-понятийным содержанием образной лексической единицы. Мотивировочный признак представлен в образном слове метафорически. Для примера сравним МЗ образных и безобразных слов: *подберёзовик* ‘гриб, <который растет> под березой’ – *моховик* ‘гриб <как бы покрытый> мхом’; *черника* ‘черная ягода’ – *ежевика* ‘ягода <как> еж’; *бракодел* ‘человек <который> делает брак’ – *сердцеед* ‘человек, <который как бы> ест сердце’.

Осознание образного значения слова и последующее его толкование носителем языка, обусловленное коммуникативными или исследовательскими целями, осуществляется путем соотнесения мотивационного значения и предметно-понятийного содержания слова.

ежевика

Понятийное содержание: ‘ягодный кустарник семейства розоцветных с ползучими стеблями, покрытыми шипами’

Лексический мотиватор: *ёж* ‘небольшой зверёк, спинка и бока которого покрыты острыми иглами’, *ежовый* ‘признак, связанный с ежом’

Структурные мотиваторы: *брусника*, *голубика*, *клубника*

МФ: ЕЖ/ев/ИКА или ЕЖЕВ/ИКА

ВФ

МЗ: ‘ягода <как> ёж’

ОЗ: ‘ягодный кустарник с колючими, как иглы ежа, шипами’

Образное значение отражает языковую интерпретацию характерного признака называемого явления, пути его метафорического переосмысления; раскрывает суть ассоциативных связей между уподобляемыми явлениями, передает образное представление, закрепленное в значимых сегментах звуковой оболочки слова.

В случае с семантически мотивированными образными словами в качестве сегмента выступает вся звуковая оболочка, а структурная соотносительность основана на закреплённой в языке модели метафоризации: *лиса* ОЗ: ‘человек, хитрый как лиса’ (ср. *медведь*, *змея*, *осел* и др.); *сарай* ‘жилище человека, убогое и неопрятное, как сарай’ (ср. *хлев*, *конура*, *свинарник* и т.д.). Специфика внутренней формы языковой метафоры состоит в том, что её мотивационная форма полностью включает звуковую оболочку лексически мотивирующей

единицы, в качестве которой выступает неметафорический ЛСВ. Мотивационное значение языковой метафоры, включая представление о явлении, названном лексическим мотиватором, кроме того, содержит представление о категориальной области (либо непосредственно об объекте) метафорической номинации за счет соотношения со структурными мотиваторами, в качестве которых выступают метафоры, созданные по той же модели. Именно наличие устойчивой метафорической модели, реализованной на лексическом уровне в целом ряде узуальных метафорических номинаций, позволяет носителю языка в минимальном контексте осознавать мотивационное значение определенной языковой метафоры и её образное значение, выраженное посредством внутренней формы. Например:

крошка ‘человек маленького роста’

ЛМ: *крошка* ‘маленький кусочек какого-л. вещества’

СМ: *кнопка* ‘человек маленького роста’

МФ: *КРОШКА*

ВФ

МЗ: ‘человек, <похожий на> маленький кусочек чего-л.’

ОЗ: *крошка* ‘человек маленького роста, напоминающий своими размерами мельчайший кусочек какого-л. вещества (крошку хлеба)’.

Образное значение языковой метафоры осознаётся посредством соотношения её предметно-понятийного содержания с мотивационным значением, выраженным внутренней формой единицы.

Образное значение может быть вербально выражено через соотношение толкований предметно-понятийного содержания слова, мотивационного значения слова и передачу смысловой связи между этими содержательными компонентами, отражающей ассоциации между уподобляемыми явлениями действительности: *звездика* ‘дикорастущее и садовое растение с цветками красной, белой и розовой окраски’ – МЗ: ‘цветок <как> гвоздь’, ОЗ: ‘растение с крупным пушистым цветком на длинном тонком стебле, по форме напоминающее гвоздь’; *шилохвость* ‘птица сем. утиных с двумя длинными перьями в хвосте’ – МЗ: ‘птица, <у которой> хвост <как> шило’, ОЗ: ‘утка с двумя длинными тонкими перьями в хвосте, похожими на шило’; *волокита* ‘хлопотливое, канительное дело, связанное с выполнением многих формальностей’ – МЗ: ‘то, что <как бы> волочится’, ОЗ: ‘дело, которое медленно, с трудом продвигается к завершению, как бы волочится по поверхности чего-л., как нечто тяжелое, грузное’; *буквоед* ‘формалист, педант, придающий значение внеш-

ней стороне дела в ущерб смыслу' – МЗ: 'тот, кто <как бы> ест буквы', ОЗ: 'взедливый, дотошный формалист, педант, сверяющий все до буквы, как бы въедаясь в каждую букву'; *вуалировать* 'намеренно делать что-л. не совсем ясным' – МЗ: 'покрыть вуалью', ОЗ: 'намеренно делать что-л. неясным, затемнять смысл, как бы покрывать вуалью'; *тараторить* 'быстро говорить' – МЗ: 'говорить <как бы> тр-тр-тр', ОЗ: 'говорить быстро, стремительно, как бы произносить тр-тр-тр'; *врассыпную* 'в разные стороны, врозь' – МЗ: '<как бы> рассыпаясь', ОЗ: 'в разные стороны, как бы рассыпаясь, подобно крупе, мелким предметам и пр.'

Образное значение – это двуплановая содержательная структура языковой (лексической) единицы, в которой взаимодействием предметно-понятийного и ассоциативно-образного планов содержания передается стереотипное (прототипическое) конкретно-чувственное представление о называемом явлении посредством метафорического воплощения признаков этого явления.

Характер образного значения обусловлен спецификой внутренней формы слова (мотивационной формы и мотивационного значения), что позволяет рассматривать образное значение как аспект («слой») семантики, актуализированный внутренней формой образного слова.

Структура образного значения изоморфна структуре метафоры в широком смысле этого термина. Традиционно в структуре метафоры выделяются три основных структурных компонента: 1) то, что метафорически именуется, – «субъект метафоры» (Арутюнова, 1979), «референт образа» (Мезенин, 1983; Ощепкова, 1989), «образ цели» (Баранов, Караулов, 1991); 2) то, посредством чего именуется, – «вспомогательный субъект метафоры», «термин сравнения» (Арутюнова, 1979), «агент образа» (Мезенин, 1983; Ощепкова, 1989); «образ источника» (Баранов, Караулов, 1991); 3) общие свойства первого и второго, на основании которых происходит сближение, – «основание образа» (Мезенин, 1983; Ощепкова, 1989), «символ метафоры» (Скляревская, 1993).

В связи с этим в структуре образного значения слова (устойчивого выражения) можно выделить три основных составляющих его семантических компонента:

1. **Денотатив** образного значения. Этот компонент содержит представление об отраженных в семантике предметах, признаках, процессах, являющихся объектами (референтами) образной номинации. Этот компонент составляет денотативно-сигнификативное ядро лексического значения образного слова, формирует номинативный

аспект их семантики. Так, денотативами образного значения следующих образных слов являются: *осел* – ‘глупый человек’; *ротозей* – ‘рассеянный человек’; *ериистый* – ‘задиристый, неуступчивый’; *мягкосердечный* – ‘добрый’; *пылать* (о щеках) – ‘краснеть’; *остолбенеть* – ‘стать неподвижным от удивления, потрясения’.

2. Ассоциатив образного значения содержит представление о классе тех предметов, признаков, процессов, которые, по мнению языкового коллектива, обладают максимальной степенью проявления характерного признака денотата и поэтому служат для его обозначения. Данный компонент отражает представление об агентах образной номинации. В приведенных словах ассоциативами являются следующие понятия: *осел* – ‘родственное лошади вьючное животное небольшого роста, с длинными ушами, серой окраски’; *ротозей* – ‘очень широко раскрывать рот’; *ериистый* – ‘мелкая рыба с колючими плавниками’; *мягкосердечный* – ‘мягкое сердце’; *пылать* – ‘гореть ярким пламенем’; *остолбенеть* – ‘бревно, толстый брус, укрепленный вертикально’.

Если в семантически мотивированных образных словах денотативом является понятие, выражаемое метафорически переносным значением слова, а ассоциативом – исходное, первоначальное значение лексемы, то в морфологически мотивированных образных единицах денотатив формирует прямое, номинативное значение слова, а ассоциативом является исходное значение лексических мотиваторов (мотивирующих лексических единиц).

Ассоциатив образного значения слова соотносится с денотативным содержанием мотивирующего слова, причем соотношение их семной структуры может быть различным, так как иерархия семантических микрокомпонентов ассоциатива подчинена образному выражению мотивировочного признака. Например, в ассоциативе слова *медведь* ‘неуклюжий, грузный человек’, соотносимом с денотативным содержанием слова *медведь* ‘крупное хищное всеядное млекопитающее с большим, грузным, покрытым шерстью телом с короткими ногами’, на первое место выходят семы, актуализирующие признак ‘неуклюжий’: ‘крупное’, ‘с большим грузным телом’, ‘с короткими ногами’, а такие семы, как ‘хищное’, ‘всеядное’, ‘покрытое шерстью’, ‘впадающее в зимнюю спячку’ и т.д., отходят на периферию либо вовсе не входят в содержание ассоциатива; в ассоциативе слова *осел* ‘глупый, упрямый человек’ на первое место выходят потенциальные семы семантического мотиватора, связанные с поведением животного, с традиционными культурно-национальными пред-

ставлениями об осле как о глупом, упрямом животном, а в ассоциативе слова *ершистый* иерархия семантических микрокомпонентов подчинена обозначению признака ‘колючий’, который является одной из дифференциальных сем лексического значения мотиватора.

Своеобразным семантическим центром, смысловым ядром образного значения слова, по направлению к которому располагаются «смысловые линии», организующие иерархию семантических микрокомпонентов денотативного и ассоциативного планов значения, является символ образного значения – третий структурный элемент, содержащий «квинтэссенцию» образного представления, реализованного в слове.

3. Символ образного значения. Термин «символ метафоры» вводит Г.Н. Скляревская для обозначения семантического элемента, на основании которого происходит перенос значения в языковой метафоре и осуществляется связь между прямым и переносным значением [Скляревская, 1988, с. 19–28]. «Под символом метафоры мы понимаем элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотаций, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [Скляревская, 1993, с. 47].

Символ образного значения – это компонент, являющийся связующим звеном между денотативом и ассоциативом, содержащий то общее, что объединяет первые два компонента (общий признак или ряд признаков, устойчивая смысловая ассоциация) и отражающий сходство между ними: сходство впечатлений, ощущений, возникающих у субъекта языка при восприятии ассоциируемых объектов, их визуальное сходство.

Примеры символа: *осел* – ‘упрямый / глупый’; *ротозей* – ‘открытый рот / невнимательность, глупость’; *ершистый* – ‘неуступчивый, задиристый / колючий, острый’; *мягкосердечный* – ‘мягкий / добрый; сердце / доброта’; *пылать* ‘красный / яркий, горячий’; *остолбенеть* ‘неподвижный, твердый / бесчувственный’.

Итак, под образным значением понимается определенный «слой» лексической семантики, который являет собой двуплановую структуру, включающую: 1) предметно-понятийный план содержания («денотатив» образного значения), отражающий представление о называемом предмете, свойстве, процессе (референте образной номинации); 2) связанный с ним по принципу модуса фиктивности

ассоциативно-образный план значения («ассоциатив» образного значения), отражающий представление о предмете, свойстве, процессе, уподобляемом называемому (агенте образной номинации); 3) представление о признаках, ассоциативно связывающих первые два компонента, – «символ образного значения».

Вычленение трех семантических компонентов в составе образного значения и рассмотрение семантики образных слов в этом аспекте позволяют проанализировать на едином месясиологическом основании различные по своей языковой структуре образные единицы как самостоятельный класс слов (шире – лексико-фразеологических единиц) лексической системы языка.

Соотношение структуры образного значения слова с макрокомпонентами его лексического значения заключается в следующем. Денотатив образного значения соотносится с предметно-понятийным содержанием данной ЛЕ, предметно-понятийным ядром её лексического значения. Символ ОЗ соотносится либо с дифференциальными ядерными семами лексического значения (*горихвостка, змеевик, шелковистый, попугайничать*), либо – с потенциальными семами, находящимися на периферии содержания (*остряк, осел, жарить* ‘интенсивно совершать какое-л. действие’), либо с культурно обусловленными ассоциациями, составляющими «культурный фон» (в словах с парадоксальной ВФ – *огорошить, буквоед, прощляпить*). Ассоциатив соотносится с понятийным содержательным компонентом, составляющим типовые фоновые культурно обусловленные ассоциации, закрепленные в содержании слова посредством ВФ образной единицы. Кроме того, ассоциатив и символ образного значения в экспрессивных образных словах соотносятся с эмоционально-оценочными коннотациями, поскольку включают такие признаки называемых и ассоциируемых явлений, на основании которых последние эмоционально оцениваются со стороны говорящего лица.

В семантической структуре образного слова, наряду с планом денотативным и планом метафорическим (ассоциативно-образным), можно выделить аксиологический план значения, связанный с выражением образным словом оценки называемых явлений действительности и уподобляемых им явлений и ситуаций с точки зрения общепринятых в обществе норм в различных оценочных шкалах: общая рациональная оценка (хорошо – плохо), этическая оценка (порядочно – непорядочно), утилитарная оценка (выгодно – невыгодно, полезно – вредно), эстетическая (нравится – не нравится) и

др. Если план номинативный и метафорический связаны с объективной сферой действительности, отражают сопоставляемые предметы, понятия или ситуации, то план аксиологический связан с субъективной сферой внеязыковой действительности, т. е. с сознанием коллективного языкового субъекта.

Формирование образного значения слова осуществляется на базе закрепленных в языковой картине мира стереотипных **образных представлений** (ОП), которые вариативно реализуются в семантике отдельного образного слова и его морфемной структуре. Содержание, передаваемое образным значением лексической единицы, отражает лишь определенный аспект (фрагмент) общеязыкового типового образного представления, существующего на ментальном, когнитивном уровне языковой личности в виде ассоциативного уподобления целостных типовых ситуаций (пропозиций, фреймов, сцен), в которых задействованы объекты уподобления, их статические (онтологические) и динамические (функциональные) свойства, оцениваемые субъектом восприятия как подобные. Образное представление содержит в себе целостный ассоциативный комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих смысловых элементов, включающий представления об уподобляемых разнородных предметах, их статических (конститутивных) свойствах и динамических проявлениях, реализациях этих свойств.

В структуре образного представления выделяются: 1) зона референтов образной номинации: денотат, его статические и динамические свойства; 2) зона агентов образной номинации: агент (уподобляемый активный субъект) или эталон (канонический уподобляемый объект) образной номинации, их статические и динамические свойства; 3) аксиологический план образного представления, отражающий рациональную и эмоциональную оценку ассоциативно связанных ситуаций со стороны субъекта восприятия (обобщенного носителя языка).

Например, образное представление, воплощенное в образных значениях слов, составляющих мотивационно-образную парадигму метафоризации признака «кислый»: *кислый* ЯМ ‘недовольный чем-л., огорченный (о человеке) // выражающий недовольство (о взгляде, выражении лица)’; *кисляй* СО ‘вялый, скучный, вечно ноющий человек’; *кислятина* ЯМ ‘вялый, скучный, унылый человек’; *киснуть* ЯМ ‘проводить время в бездействии, скучая и ноя // быть в подавленном, угнетенном состоянии’; *кисло* ЯМ ‘выражая недовольство, скуку, подавленность’; *закиснуть* (несов. *закисать*) ЯМ ‘поте-

рять интерес к жизни, стать вялым, унылым, безразличным к окружающему», *прокиснуть* ЯМ ‘стать скучным, вялым’, – выражает подобие следующих ситуаций:

«[референты образной номинации:] человек (денотат образной номинации), эмоционально подавленный, вялый, апатичный, грустный, равнодушный, унылый (статические свойства денотата), проявляет свое недовольство, ноет, жалуется, бездействует (динамические свойства денотата) <и этим производит неприятное впечатление на субъекта восприятия (эмоциональная оценка референта), подобное тому не очень приятному, резкому вкусовому ощущению (эмоциональная оценка эталона образной номинации), которое производит> [агенты образной номинации:] продукт: лимон, уксус и т.п. (эталон образной номинации), кислый на вкус (статические свойства эталона) и раздражающий вкусовые рецепторы (динамическое свойство эталона)». В угловые скобки заключено толкование аксиологического плана образного представления.

Образное представление отражает совмещение двух пропозиций, передающих типовые ситуации, в которых эталоны и денотаты образных номинаций проявляют свои ассоциативно уподобляемые характерные качества. Смысловым ядром таких пропозиций являются ассоциации на уровне динамических свойств эталонов и денотатов (динамические предикаты). Именно характер ассоциаций на уровне динамических предикатов определяет аспект метафоризации одного определенного признака, связанный с формированием устойчивого образного представления.

На языковом уровне, в образном значении отдельной языковой единицы, любой элемент из сферы референтов образной номинации (денотат, его статические и динамические свойства) может быть ассоциативно выражен посредством апелляции к любому «участнику» из сферы агентов образной номинации (эталону, его статическим и динамическим свойствам). При этом отдельные элементы уподобляемых ситуаций могут быть вербально невыраженными, но «достраиваться» на ментальном уровне благодаря типичности, стереотипности образного представления, входящего в структуры знания языковой личности.

Смысловые отношения между «участниками» метафорической интеракции, входящими в структуру типового образного представления на его «буквальном» и «фигуральном» уровнях, характеризуются различными типами подобия («модуса фиктивности»), которое может быть выражено в толковании при помощи различных средств

экспликации. Так, отношения между денотатами и эталонами можно обозначить как отношения подобия, эксплицируемые при помощи союза «как» («человек как лимон»), отношения между статическими признаками референта и эталона / агента представляют собой квази-подобие, выражаемые союзными словами «как если бы» («вялый, скучный как если бы кислый»); между динамическими проявлениями признаков эталона и денотата наблюдаются отношения уподобления, вербализуемые союзом "как бы" («своим поведением производит неприятное эмоциональное впечатление как бы доставляет неприятное вкусовое ощущение»).

Характер типового образного представления как концептуальной структуры и образного значения отдельного слова как семантической (языковой) структуры обусловлен категориальными сферами внеязыковой действительности к которым относятся уподобляемые явления, обозначенные в предметно-понятийном и ассоциативно-образном компонентах семантики языкового средства. Здесь возможны две принципиально различные ситуации: 1) уподобление явлений в пределах одной понятийной сферы и 2) уподобление явлений, относящихся к различным понятийным сферам (категориальный сдвиг из области материального мира в область идеальных «концептуальных» явлений).

В первом случае образное представление основано на реальном сходстве явлений, обнаруженном воспринимающим субъектом на основании его чувственного опыта, что выражается на уровне толкования символа образного значения в виде общих семантических компонентов ассоциатива и денотатива, отражающих общность внешнего вида подобных явлений (форма, размер, цвет и т.п.), общность функционального проявления их свойств (характер использования, тип проявления свойства, поведения и т.п.). В классификации Г.Н. Складневской метафоры, реализующие данный тип уподобления, обозначены как «мотивированные языковые метафоры» [Складневская, 1993, с. 49–52]. Например, *сарай* ‘убогое жилище’ (помещение для человека – помещение для животных; ср.: *хлев*, *конура*, *курятник*, *свинарник*, *гнездо*); *барин* ‘высокомерный, ленивый человек’ (человек с определенным типом поведения – человек определенной социальной группы со свойственными этой группе чертами, ср. *артист*, *клоун*, *принцесса*, *рыцарь* и др.); *башмак (техн.)* ‘приспособление, служащее в качестве опоры, колодки’ (артефакт определенного вида, употребляемый в профессиональной сфере деятельности человека – артефакт определенного вида, широко употребляемый в

бытовой сфере деятельности человека, ср.: *баранка, вилка, капюшон, рукав*); *мраморный* ЯМ1 ‘рисунком, цветом похожий на мрамор (о предметах)’, ЯМ2 ‘белый, гладкий (о коже)’ (качество поверхности широкого круга предметов – качество поверхности определенного предмета, ср.: *восковой, зеркальный, бархатный, шелковый, огненный* и др.); *одеревенеть* ЯМ1 ‘стать твердым, жестким (о предметах)’, ЯМ2 ‘потерять гибкость, чувствительность (о частях тела)’ (приобрести нехарактерное для широкого круга предметов свойство – характерное свойство определенного предмета-эталона, ср.: *закостенеть, заледенеть, окаменеть*); *строчить* ЯМ1 ‘быстро писать’, ЯМ2 ‘быстро идти’ (физическое действие, совершаемое с большей интенсивностью – физическое действие, предполагающее высокую степень интенсивности, ср. *чесать, жарить*).

Во втором случае образное представление отражает общность субъективных впечатлений коллективного языкового субъекта (носителя языка) от уподобляемых ситуаций, на основании которых происходит осмысление сферы идеального по образу и подобию явлений реального, чувственно постигаемого мира: *дубина* ‘глупый, невосприимчивый человек’ (ментальные и психологические свойства человека – физические свойства предмета; ср.: *пень, чурбан, бревно, кисель, тряпка, тюфяк*), *дно* ‘низший слой общества’ (качество социальной группы – пространственный параметр натурфактов и артефактов; ср.: *верхушка, срез, слой, уровень*), *кристальный* ‘безупречный, честный (о человеке, поведении)’ (нравственно-этическое качество человека – физическое свойство предмета; ср.: *железный, каменный, взрывной*), *погрузиться* ‘прийти полностью в какое-либо состояние’ (изменение ментально-психологического состояния человека – пространственное перемещение предмета; ср.: *углубиться, всплыть (о воспоминаниях), приблизиться, удалиться*) и т.п. Согласно классификации Г.Н. Скляревской, подобный тип уподобления реализуют «синкретические» (*сладкий чай – сладкая мелодия*) и «ассоциативные» (*омут реки – омут жизни*) метафоры [Там же, с. 52–64].

Символ образного значения в подобных образных единицах не может быть выражен на уровне общности семантических микрокомпонентов предметно-понятийного содержания ассоциатива и денотатива, а представлен как общность субъективных впечатлений от проявления характерных свойств уподобляемых явлений на уровне аксиологического плана содержания.

Например, для выражения символа образного значения метафоры *кисель* ‘слабовольный человек, характер и поведение которого

напоминают вязкую и тягучую жидкость⁷ необходимо развернуть описание ситуаций уподобления до сопоставления динамического проявления характерных качеств объектов, производящих сходное впечатление: «[референты образной номинации:] человек (денотат) со слабой волей: не имеющий собственных убеждений, потакающий своим слабостям, идущий на поводу у окружающих (свойства денотата), который: а) не может четко проявить и сохранить свою личность; б) не может предпринять решительные действия (динамические свойства денотата), <и этим производит неприятное впечатление на субъекта восприятия, напоминающее то, как> [агенты образной номинации:] а) не сохраняет свою форму; б) медленно перетекает (динамические свойства эталона), являясь вязкой, тягучей жидкостью (статические свойства эталона) кисель (эталон)».

Образное значение рассмотренной метафоры *кисель (о человеке)*, отражает два типовых образных представления, первое из которых ассоциативно связывает представление о волевых качествах человека с представлением о физической плотности вещества или предмета (сила воли – высокая плотность, позволяющая сохранять форму и целостность: *кремень, железный, твердый* и др.; слабость воли – низкая плотность, нестабильность формы: *мягкий, мякотелый, бесхребетный, тюфяк, тряпка* и др.). Второе образное представление ассоциативно связывает впечатление о решительности человека с впечатлением об интенсивных физических действиях и процессах: *резкий* (резать), *взрывной* (взрываться), *пылкий* (пылать), *горячий* (гореть) и т.п.

Итак, характер образного значения лексической единицы определяется, во-первых, типом реализованного в нем ассоциативного уподобления на уровне сопоставления объектов, их статических и динамических свойств; во-вторых, совпадением или расхождением понятийных сфер и категориальных классов, к которым относятся объекты сопоставления и представления о которых формируют денотатив и ассоциатив образного значения.

Одно типовое образное представление может быть вариативно реализовано в целом комплексе образных языковых средств, образующих полевые лексико-фразеологические структуры.

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛЕВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА

Образ, который может быть придуман
только одним человеком, никого не
трогает.

Хорхе Луис Борхес

2.1. Модели полевой интерпретации образной лексики

Традиционно под семантическим полем понимается комплексная, иерархически структурированная, системно организованная, незамкнутая языковая единица, элементы которой объединены общностью инвариантного смысла («архисемы») и наличием семантических связей. Основные признаки поля выделяют З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.И. Беляева: 1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями. 2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию. 3. Поле может объединять однородные и разнородные элементы. 4. В структуре поля имеются микрополя. 5. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конститuentы. Ядро консолидируется вокруг компонента-доминанты. Периферия имеет зонную организацию. 6. Ядерные конститuentы наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функции поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для поля. 7. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций. 8. Граница между ядром и периферией, а также между зонами периферии является нечеткой, размытой. 9. Конститuentы поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот. 10. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов» [Полевые структуры в системе языка, 1989, с. 6]. Семантическое поле состоит из лексического поля и концептуальной сущности. Такая модель максимально приближена к реальным возможностям и особенностям функционирования языка в индивидуальном сознании [Там же, с. 10].

Выделяются первичные полевые структуры, строящиеся по денотативным признакам, и вторичные полевые структуры, объединенные по признаку наличия/отсутствия в значении слова эмоции

или оценки [Там же, с. 75]. В этом отношении метафорические ассоциативно-образные поля представляют собой комбинированные двухплановые полевые структуры, предполагающие объединение единиц на основании единства как денотативного содержания, так и коннотаций.

При исследовании поля используется метод моделирования языкового явления. Под моделированием понимается «метод изучения свойств и структуры реального объекта или явления на основании изучения свойств и структуры модели этого объекта или явления» [Алешина, 2003, с. 68]. Модель представляет собой «абстрактный идеализированный объект, имитирующий устройство оригинала, по отношению к которому модель является его аналогом» [ЛЭС, 1990, с. 304]. «Аналитическая конструкция под названием «модель» обладает двумя важными характеристиками... Это простота по сравнению с оригиналом и неперенная ему адекватность, проверкой чего является объяснительная сила сконструированной модели» [Чернейко, 2001, с. 443].

Полевые структуры, представленные более или менее обширными группировками образных средств языка по наличию семантических связей, основанных на общности их логико-понятийного и/или ассоциативно-образного содержания, получают в лингвистической литературе различные терминологические обозначения: «метафорическое поле» (Г.Н. Складарская); «ассоциативное поле» (О.Н. Емельнова), «ассоциативно-семантическое поле» (Н.А. Илюхина), «ассоциативно-образное семантическое поле» (Е.А. Шенделева (Юрина)). Различия в терминологии в данном случае не являются сугубо формальными, поскольку исследователями выявляются и описываются в принципе различные полевые структуры, как по характеру принципов группировки: по выбору интегрирующего компонента («архисемы», «базового образа», понятийной области), по лексическому составу (от исключительно языковых метафор до целостного комплекса образных лексико-фразеологических средств языка, реализующих общий базовый образ); так и по аспекту анализа системы образных средств.

Впервые метафорическое поле, которые образуют лексические единицы, имеющие непосредственные и опосредованные метафорические смысловые связи с «архилексемой» ВОДА, было системно представлено в работе Г.Н. Складарской «Метафора в системе языка» (1993). Двуплановость семантики языковой метафоры закономерно проявилась и на уровне комплексной единицы – метафорического поля, представляющего, по-существу, два накладывающихся

друг на друга поля – номинативное и метафорическое (*течет вода, утонуть в реке... – текут мысли, утонуть в делах*), что характерно для образных структур различных типов в целом. Автором была разработана и описана структура и системная организация поля ВОДА, определены его границы, четко обозначаемые для ядерной части поля и более размытые, открытые по направлению к периферии, отмечены зоны пересечения с другими метафорическими полями. Поскольку в качестве интегрирующего компонента была взята лексема с вещественным значением, образное основание метафор конкретизировалось в наименованиях различных предметов, процессов, состояний, связанных с формами существования воды: *болото, море, ливень, обрызгивать, ледяной, кипящий*, и др. В связи с этим в пределах поля был объединен целый комплекс разнородных образов, входящих в различные прототипические ситуации.

Исследовательская задача описания образного семантического поля, эксплицированного лексикой, воплощающей в качестве ассоциативного плана содержания единый образ (образный комплекс), была разрешена в монографии Н.А. Илюхиной «Образ в лексико-семантическом аспекте» (1998), где детально анализируется ассоциативно-семантическое поле, интегрированное архилексемой КОНЬ/ЛОШАДЬ. Предметный характер семантики интегрирующего образа, связанного с наименованием животного, непосредственно задействованного в хозяйственной деятельности человека, и высокая метафорическая активность базового образа (широта ассоциативных употреблений) позволили рассмотреть ключевой образ в его многоаспектных проявлениях. Исходный образ включается в структуру типовых ситуаций («сценариев», «фреймов», «гештальт-структур»), включающих коня в качестве субъекта, объекта, орудия действия и т.п.: наименования коня – *кляча, кобыла, сивый мерин...*; человека по отношению к коню – *наездник, кучер...*; упряжи – *повозка, хомут...*; а также характерных для них признаков, действий, ситуаций – *взнуздать, запрячь, тянуть воз...* Таким образом, при структурировании поля был осуществлен «денотативно-ситуативный принцип объединения образных средств языка» [Илюхина, 1998, с. 184], при этом в качестве лексических средств экспликации образа рассматривались как языковые метафоры, так и собственно образные слова, фразеологизмы, генетические, речевые метафоры. Принципиально общим в рассмотренных полевых группировках является структурирование образных полей вокруг обозначенного архилексемой эмпирического

образа реалии, выступающего в качестве компонента ассоциативно-го содержания образной лексической (фразеологической) единицы.

Подобная модель полевого описания с различной степенью детализации реализуется (или может быть реализована) при описании образных полей, отражающих в качестве ассоциатов такие эталоны языковой культуры, как «огонь», «дерево», «зеркало», «война», «механизм» и др. В рамках этой же модели могут строиться образные поля с более абстрактной по семантике интегрирующей «архисемой», объединяющей целый комплекс образов-эталонов и соответственно, которые включают в свою структуру целый ряд «микрополей», например: ЖИВОТНОЕ [Рыжкина, 1987], ДЕРЕВО / РАСТЕНИЕ [Демидова, Пак, Шенделева, 2000], ДОМ / СТРОЕНИЕ [Мартынова, 2002] и др.

Рассмотренный принцип группировки и аспект описания системы образных средств высвечивает, демонстрирует типовые образы-эталоны, сквозь призму которых человек конкретизирует, интерпретирует более абстрактные явления окружающего мира.

Описание полевых структур в образной лексике может разворачиваться и в другом ракурсе, когда в качестве интегрирующего понятия, обозначенного архилексемой и обуславливающего семантические связи единиц в пределах поля, рассматриваются явления духовной, интеллектуальной, социальной сфер действительности; концепты, характеризующие психические, рече-мыслительные, социальные стороны существования человека, получившие разнообразную образную интерпретацию в системе языковых форм и значений. Подобные группировки образных слов и выражений гораздо реже интерпретируются как полевые структуры, поскольку исследовательский интерес, как правило, сосредоточен на анализе глубинной семантической структуры самих культурных концептов, отразившихся в зеркале метафор и фразеологизмов (на понятийном уровне). Так, например, Е.С. Кубрякова, анализируя концепт ПАМЯТЬ, выявляет такие компоненты его когнитивной структуры, которые на лексическом уровне эксплицируются образными средствами языка и связаны с представлениями о *хранилище, вместилище, складе, кладовой, библиотеке, ёмкости, отпечатке, следе* [Кубрякова, 1991, с. 85–91]. Анализируются концепты «истина» [Арутюнова, 1991, с. 21–30], «вопрос» [Рябцева, 1991, с. 72–77], «говорить» [Телия, 1994, с. 93–99], «мышление» [Барашкина, 1996, с. 72–75], «судьба»

[Чернейко, 1997, с. 283–315] и др. Авторами выявляется метафорическая составляющая, или «образный компонент», в структуре концепта.

В некоторых исследованиях лексико-семантические структуры образной экспликации концепта интерпретируются как «лексико-фразеологические поля» [Ротова, 1984; Бердникова, 2000], «семантические поля» [Зубова, 1998, с. 140–141], «ассоциативные поля» [Емельянова, 1993, с. 73–75]. Так, рассматривая систему образных лексических средств экспликации эмоций человека, О.Н. Емельянова обозначает данную парадигму термином «ассоциативное поле существительных с семантикой чувства», включающую различные образные обозначения таких наименований чувств, как *радость, счастье, горе* и т.д., ассоциируемые с природными явлениями – *гроза, буря...*; зрительными, вкусовыми впечатлениями – *сверкать, вспыхнуть..., горький, сладкий...* и др. [Емельянова, 1993, с. 73–75]. К такого рода группировкам можно отнести «образы множества» – *море, капля, бездна...*; «образы единства» – *связаться, узы, приклеиться, прилипла...* и др. Более ограниченные парадигмы образов (лексико-семантические группы, тематические группы), такие как «зооморфные образы человека», «предметные образы человека», видимо, можно рассматривать как часть обширного семантического поля «образ человека». Данные парадигмы ориентированы уже на общность логико-понятийного содержания образных средств языка (на единство «денотатива» образного значения единицы).

Ещё одной из возможных моделей описания полевых структур в образной лексике (его «третьим измерением») является объединение единиц лексико-фразеологического уровня на основании общности метафорически переосмысленного физического признака материальных объектов (представляющего свойства физического порядка, воспринимаемые органами чувств). Различные аспекты образной интерпретации этого признака входят в семантику целого комплекса образных средств.

Например, П.Ф. Бесединым были представлены типичные модели метафоризации признаков вкуса, ориентированные на образное воплощение сфер «человек», «внутреннее состояние человека», «состояние окружающей действительности» [Беседин, 1998, с. 94–96]. Были описаны образные представления, связанные с переосмыслением вкусовых признаков: сладкий – приятный, нежный, ласковый, ласкающий, благозвучный, пленительный, чарующий; соленый – неприятный, грубый, резкий; горький – исполненный печали, скорби, печальный, грустный, скорбный, тоскливый, жалобный; кис-

лый – унылый, вялый, понурый, недовольный, неудовлетворенный, раздосадованный. Денотатами образных номинаций при этом являются: 1) человек, лицо (*горький неудачник, приторный собеседник*); 2) состояние человека (*сладкая мука, горькая скорбь, горькие воспоминания*); 3) внешнее проявление эмоций (*сладкая улыбка, кислая насмешка*); 4) жизненные обстоятельства (*горький удел, пресная жизнь*); 5) временной отрезок (*сладкая минута, горькое мгновение*); 6) речь (*сладкие слова, соленые словечки, приторные фразы*); 7) звучание (*сладкий шум*), 8) части тела (*кислое лицо, сладкие глаза*).

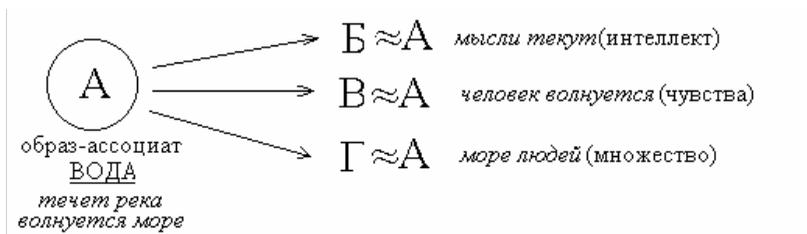
Роль признаковых концептов в традиционной славянской культуре, их символическое функционирование в обрядах и верованиях, а также образное воплощение в языковой картине мира были рассмотрены авторами сборника «Признаковое пространство культуры» (под ред. С.М. Толстой) (2002). Н.Ф. Спиридоновой рассмотрена метафоризация прилагательных, описывающих наличие/отсутствие влаги на поверхности или внутри объекта – *мокрый, влажный, сырой, сухой* [Спиридонова, 2002, с. 184–191]. Е.И. Якушкиной – метафорическое поле оппозиции «прямой – кривой» и «прямой – обратный». По наблюдениям автора, «разные корневые группы, входящие в поле *прямого – кривого*, реализуют примерно один и тот же набор значений, в том числе и в периферийной области, что придает организации данного поля системный характер и делает вторичные значения во многом предсказуемыми» [Якушкина, 2002, с. 163–183].

Исследование ассоциативно-образных семантических полей, отражающих аспекты метафоризации признаков «острый/тупой», «высокий/низкий», «твердый/мягкий», было проведено автором данной работы [Шенделева, 1999а, 1999б; Юрина, 2003, 2004].

Обобщая опыт лингвистической интерпретации полевых структур в образной лексике и фразеологии, можно, несколько схематизируя, выделить 3 основные модели.

1. Образное поле, где в качестве интегрирующего компонента выступает **образ-эталон** – представление о чувственно воспринимаемом предмете материальной сферы действительности, служащее ассоциативно-образным основанием всевозможных метафорических номинаций.

Подобные полевые структуры отражают «центробежные» (термин А.А. Кретова [Кретов, 1980]) процессы метафорического миромоделирования сквозь призму образа определенного предмета. Схематично модель подобной полевой структуры можно представить следующим образом:

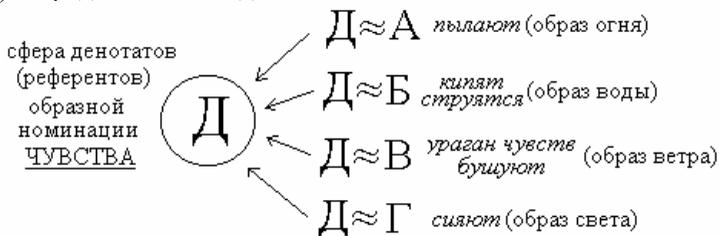

При этом в сферу образа-ассоциата включаются как предметные эталоны, обладающие свойствами прототипического образа, представленные лексическими единицами, находящимися в гиперогипонимических отношениях (*ВОДА*: море, река, океан...; *КОНЫ*: кляча, кобыла, скакун...; *ДЕРЕВО*: дуб, береза, ветви, корень... и т.п.); так и признаковые, процессуальные и ситуативно-динамические их свойства, представленные на языковом уровне признаковой и глагольной лексикой, синтаксически связанной с субстативной (*ВОДА*: прозрачная, жидкая, течет, бурлит; *ДЕРЕВО*: прочное, растет, пускает корни, дает побеги; *КОНЫ*: запрягать, наездник, всадник, поехать, повозка и т.д.).

Подобная модель образного (метафорического) поля позволяет целостно представить фрагмент действительности, связанный с определенным предметным образом-эталонем, послужившим источником метафорической интерпретации не предметных (идеальных) сфер действительности и средством метафорической характеристики (оценки) человека и его свойств с точки зрения носителя языка. Такие группировки образных средств языка выражают ассоциативное воплощение первичного образа-эталона и позволяют представить его в целостности, в многообразных связях, в типовых ситуациях (в понимании, близком к терминам *фрейм*, *сценарий*, *геиштальт-структура*).

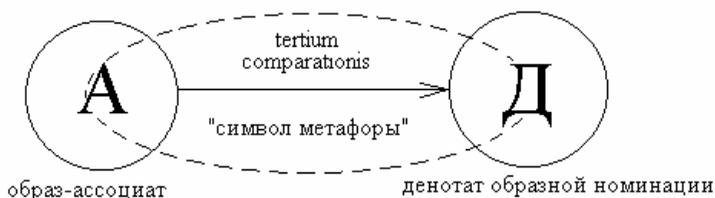
2. Вторая модель в качестве интегрирующего основания имеет общность **денотата образной номинации**, в качестве которого выступают представления-концепты из области мира идеального (понятия, обобщающие свойства и отношения), сформировавшиеся в результате языковой концептуализации и языковой интерпретации нематериальной сферы бытия человека сквозь призму чувственно воспринимаемых образов: «чувство», «душа», «жизнь», «время», «пространство» и др.

Данную модель, реализующую «центростремительные» метафорические процессы, можно обозначить как «X (нечто) в зеркале метафоры» (а точнее – «в зеркале типовых образов языковой культуры») и представить в виде схемы:

В данном случае метафорическое поле, представленное совокупностью образных средств, отражает систему образов, репрезентирующих центральное понятие-концепт, причем для ряда концептов именно метафорический способ концептуализации является ведущим, например для сферы чувств и эмоций [Емельянова, 1993; Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., 1993; Апресян, 1995].

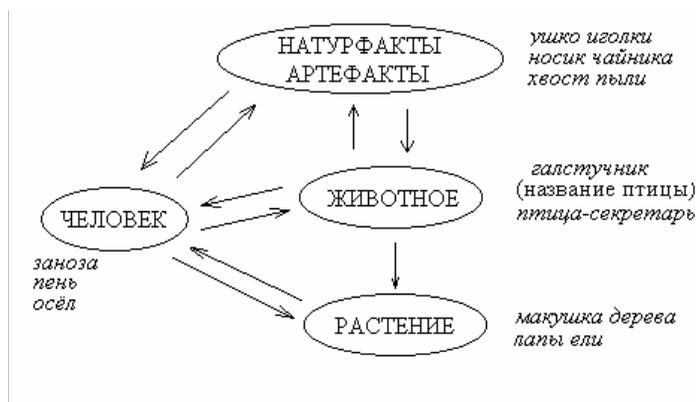
Как видим, модели структуризации ассоциативно-образных / метафорических полей изоморфны структуре метафоры, в которой со времен Античности выделяли 3 основных компонента: *primum*, *secundum* и *tertium comparationis* – две области сопоставления и основание подобного сближения.

Таким образом, полевые структуры первого типа объединяют все возможные метафорические модели, сконцентрированные вокруг общего «левого» компонента – образа-ассоциата, а полевые структуры второго типа представляют собой объединение образных средств языка, произведенных на базе метафорических моделей с общим «правым» элементом – денотатом образной номинации и характеристизации.

Многочисленные исследования, посвященные изучению метафорического миромоделирования, связаны с описанием различных метафорических моделей, задействованных в языковом обозначении достаточно обширных тематических сфер (например, «политика» [Баранов, Караулов, 1991; Чудинов, 2001], «эмоции» [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., 1993], «человек» [Апресян, 1995], «звучание» [Мишанкина, 2002], «мышление» [Барашкина, 1996]) и под. В этом случае в образном воплощении фрагмента действительности задействованы различные пересекающиеся метафорические (ассоциативно-образные) поля, моделируемые как по первому типу (вокруг образа-эталона), так и по второму типу (вокруг денотативной области).

Метафорическое воплощение сферы «человек» в языке представлено разнообразными моделями, реализующими взаимонаправленные переносы, например, как антропоморфной (соматической) метафорой, так и всевозможными проекциями на человека: *пень, дубина, орел, ягодка, квашня* и т.д.

3. Третью модель описания полевых структур в образной лексике демонстрирует совокупность единиц лексико-фразеологического уровня, объединенная общностью метафорически переосмысленного конкретного, чувственно воспринимаемого признака (характерного для определенного ряда материальных объектов), лежащего в основе ассоциативно-образного содержания целого комплекса образных средств:

ВЫСОКИЙ 'имеющий большое протяжение снизу вверх // расположенный на значительном расстоянии вверх от какого-л. уровня' ⇒ *высокий уровень чего-либо, высокое мастерство, верх совершенст-*

ва, вершина успеха, быть на высоте, высокопробный ‘качественный’, правящая верхушка, верховный правитель, верховод, верховодить, взять верх, возвысить ‘продвинуть по службе’, высокопоставленный, высокомерный, высокомерие, птица высокого полета, высокий порыв, возвышенное чувство, нравственно поднять, творческий взлет, полёт фантазии, окрылить, окрыленный, небесный ‘прекрасный, нравственный’, поднять (расправить) крылья.

НИЗКИЙ ‘имеющий небольшое протяжение снизу вверх // расположенный на незначительной высоте’ ⇒ *низкий уровень развития, низкие цены, низкое качество, низы общества, низость, низменный ‘безнравственный’, низвергнуть, низложить, низвести, низкопоклонник, низкопоклонничать, низкопробный, низойти, унизиться, унижение, унижительный, падиший, падкий ‘имеющий пристрастие к чему-л.’, грехопадение, опуститься, опустить (подрезать) крылья, упасть в чьих-то глазах, катиться по наклонной плоскости, дно общества (жизни).*

Метафорическое переосмысление данных качеств воплотилось в четырех образных представлениях:

ОП 1. Пространственные признаки ⇒ обобщенное качество предметов и явлений: ‘крайне положительное, как бы находящееся в самом верху, и крайне отрицательное, как бы находящееся в самом низу, качество каких-либо предметов или явлений’. Это образное представление отражено в семантике следующих образных слов и выражений: *высокий уровень чего-л., высокое мастерство, верх совершенства, вершина успеха, находиться на высоте славы, быть на высоте, высокопробный – низкий уровень, низкое качество чего-л., низкопробный.*

ОП 2. Пространственные свойства ⇒ общественно значимые социальные свойства: ‘выдающийся по значению, почётный, находящийся на самом верху социальной иерархии – недостаточно развитый, отсталый, находящийся в низу социальной лестницы’: *высокая награда, высокая должность, верхи общества, правящая верхушка, верховный главнокомандующий, верховодить ‘распоряжаться, руководить кем-л.’, верховод, чей верх?, возвысить ‘продвинуть по служебной лестнице’, возвыситься ‘достичь более высокого социального положения’, высокородный, высокопоставленный, птица высокого полёта – низкий уровень культуры, низы общества, низвергнуть*

‘лишить власти, признания’, *низвести, низложить, падать в чьих-л. глазах, полететь с работы, дно жизни.*

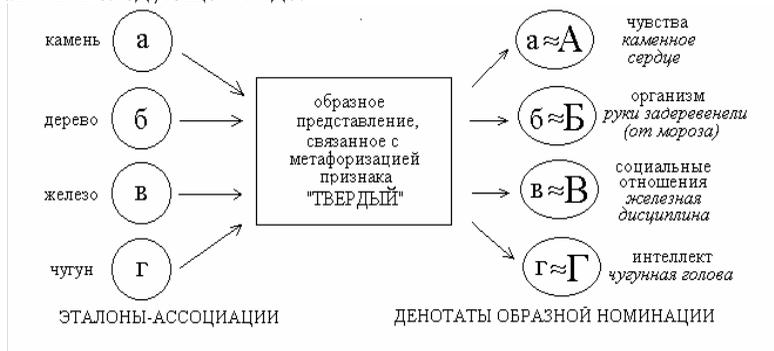
ОП 3. Пространственные признаки ⇒ сфера духовно-нравственной, эмоциональной жизни человека: ‘полный глубокого содержания, благородных чувств, нравственно безупречный, находящийся на вершине духовности – лишенный глубокого содержания, бесчестный, подлый, опустившийся в моральном отношении’: *высокий порыв, возвышенные чувства, возвысить, нравственно поднять, небесное создание, неземные чувства, полёт* ‘устремление, творческий порыв’, *взлёт* ‘сильное воодушевление’, *крыло* ‘символ творчества’, *опустить крылья* ‘потерять энергию’, *подрезать крылья, расправить крылья* – *низкий поступок, низкопоклонник, низкопоклонничать, унизиться, унижение, низложить, низость, опуститься морально, падать нравственно, падение (духовное), падаший, приземлённый* ‘лишенный творческого порыва’, *идти ко дну.*

ОП 4. Пространственные признаки ⇒ эзотерическая, божественная, надличностная сфера: ‘божественный, находящийся на вершине мироздания – земное, низменное, греховное начало’: *высшие силы, высший суд, отец небесный, царь небесный, царица небесная, ангел небесный, гром небесный* – *падаший ангел, грехопадение.*

Данные полевые структуры, обозначенные термином «ассоциативно-образное лексико-семантическое поле», представляют собой комплексные, семантически емкие единицы лексико-фразеологического уровня, включающие лексику разных частей речи и лексико-грамматических разрядов, а также различной денотативной отнесенности, объединенную общностью ассоциативно-образного (метафорически) представленного признака.

Структурирование ассоциативно-образного поля по третьей модели, где в качестве интегрирующего смыслового компонента выступает семантический комплекс предикативного характера, позволяет представить сложный механизм взаимодействия разнородных по смыслу элементов (денотатов образной номинации и эталонов-ассоциатов), объединяющий в целостный образный комплекс представления об ассоциируемых предметах и явлениях.

Схематично и упрощенно подобную группировку можно представить в следующем виде:

Рисуя воображаемую пространственную модель образного строя языка в целом, можно представить трехмерную, объемную структуру, состоящую из пересекающихся образных полей, при этом пересечение может идти по линии общности эталона образной номинации, общности денотата или общности свойства (статического или процессуально-динамического), выступающего основанием метафоризации.

Таким образом, интегрирующим основанием образного поля может выступать каждый из трех структурных элементов модели метафоры: 1) образ-ассоциат, воплощающий концепт из сферы-«донора»; 2) денотат, представляющий собой концепт из сферы-«мишени», получающий в языке различные образные воплощения, и 3) их характеристики, служащие основанием уподобления объектов из разнородных сфер действительности при ассоциативно-образной номинации.

В связи с этим можно выделить три типа образных полевых структур:

1) поле образа-эталона (например, полевые структуры типа «конь/лошадь», «дерево/растение», «камень», «вода», «огонь» и т.п.),

2) поле метафорически воплощенного концепта /концептуальной сферы («душа», «чувства», «мысль», «воля», «звук» и т.п.);

3) поле предикативного образного представления: а) атрибутивного (например, полевые структуры «твердый – мягкий», «острый – тупой», «холодный – горячий», «легкий – тяжелый», «светлый – темный», «чистый – грязный», «соленый», «кислый» и т.п.); б) процессуального («лишение», «разрушение», «соединение», «разделе-

ние» и т.п.); в) пропозитивного («находиться в центре – находиться на периферии», «находиться внутри – находиться вовне», «быть открытым – быть закрытым» и т.п.).

Каждое из подобных объединений представляет собой, с одной стороны, определенную модель описания парадигматики образного строя языка, а с другой стороны, реконструирует, выявляет определенный «срез», определенную грань или аспект интегральной модели общеязыковой образной системы, многомерная целостная картина которой складывается из совмещения этих граней.

2.2. Признаковое пространство образного строя языка

Наименее изучены в современной метафористике образные лексико-семантические поля предикативного типа. В частности, полевые структуры, включающие образные языковые средства, реализующие метафоризацию одного ключевого признака. Они и составили предмет настоящего исследования. Дальнейшее описание параметров изучения образного строя языка будет проводиться на примере анализа ассоциативно-образных лексико-семантических полей, воплощающих метафорическое переосмысление чувственно воспринимаемых свойств в русском языке: «*твердый*», «*крепкий*», «*прочный*» – «*мягкий*», «*гибкий*», «*шаткий*», «*хрупкий*»; «*тяжелый*» – «*легкий*»; «*острый*» – «*тупой*»; «*горячий*» – «*теплый*» – «*холодный*»; «*высокий*» – «*низкий*»; «*чистый*» – «*грязный*». Фрагменты данных полевых структур уже рассматривались в предыдущих разделах работы.

Вся совокупность образных средств языка, выражающих метафорическое воплощение интегрального признака, системой своих значений воспроизводит три элемента модели метафоры, входящие в структуру типового образного представления.

1. Предметные образы-эталоны, служащие прототипическими носителями интегральных признаков.

Например, образы камня, дерева, металла, кости, служащие в языке эталоном твердости/прочности, образно воплощают представления о таких качествах, как сила, выносливость, смелость, надежность, постоянство: «*В нем было что-то жестокое, непреклонное и властное. Сразу чувствовался в адмирале человек железной воли*» (Станюкович); «*А ведь они-то, старики, характерные, упорные, кремнёвые*» (Гл. Успенский); «*Молю святое провиденье: // Оставь*

мне тягостные дни, // Но дай железное терпенье, // Но сердце мне окамени» (Языков), а также символизируют глупость, упрямство, бесчувственность, равнодушие: «*Надя чувствовала, как она каменила, превращалась в бездушное существо»* (Помяловский); «*На этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч»* (Гоголь).

Образы ваты, пуха, шёлка, бархата, тряпки, пластилина, воска – эталоны мягкости, бесформенности, пластичности – образно выражают нежность, уступчивость, слабость, бесхарактерность, ненадежность: «*Шатаясь, Поля поднялась на свой этаж; всегда после бомбоубежища ноги становились ватными»* (Леонов); «*Характер у него особенный: грубого слова не слыхивали, обиды не знали. Шёлк, а не парень»* (Мамин-Сибиряк); «*Мысленно браня себя за тряпичное безволие, он вяло полпелся за Веткиным* (Куприн).

Образы неба, птицы, крыла символически воплощают идею высоты, верха и служат эталоном чего-л. высокого или стремящегося к высоте, метафорически выражая такие качества, как одухотворенность, нравственность, совершенство: «*Ежели я ещё дорожку жизнью, то дорожку только потому, что надеюсь ещё встретить такое небесное существо, которое бы возродило, очистило и возвысило меня»* (Л. Толстой); «*Я вышел окрыленный радостью, восторгом и надеждами»* (Скиталец), а образы бездны, пропасти, ямы, дна – выражают идею низкого и обозначают в семантике образных слов такие качества, как опасность, бездуховность, безнравственность, грех: *быть на краю пропасти* ‘подвергаться опасности’, *толкать кого-л. в пропасть* ‘губить’, *скатиться на дно жизни*.

Образы иглы, шипа, шила, ножа, являющиеся прототипами острых предметов, символически передают идею неуживчивости, неуступчивости, болезненности психологического воздействия: *сидеть как на иголках, шило в штанах (у кого-л.)* ‘о непоседливом, излишне активном человеке’, *ножом по сердцу*, диал. *шипшиная баба* ‘злая, язвительная женщина’. Образы бревна, пня, полена, пробки, валенка как эталоны тупых предметов, передают идею глупости, бесчувственности: *тупой, как пень/бревно/пробка/валенок*. Образы огня, костра, пламени, искры как эталоны «горячего» символизируют интенсивность действий и процессов, эмоциональную чувствительность, сильное воздействие на субъекта восприятия: «*Сама суди: характер огневой, упорный, вся в бабушку»* (А. Островский). Образ льда как эталон «холодного» символизирует идею неподвижности, отсутствия развития, равнодушия, бесчувственности: «*Одна мысль об этом*

леденила мозг Марьи Сергеевны своей чудовищностью» (Мамин-Сибиряк).

2. Компоненты образного представления предикативного характера.

1) Атрибутивные образные параллели. Например, 'твердый/крепкий/прочный предмет – физически и морально сильный, выносливый, надежный, здоровый человек: организм, нервы, характер, воля...': «*Бешеным шквалом бросался и налетал враг на советских моряков, но они оставались **тверды**, непоколебимы (Новиков-Прибой)*»; 'мягкий/хрупкий/шаткий предмет – физически и морально слабый, ненадежный человек': «*В ту пору я чувствовал себя **шатко** и ненадежно» (Горький)*»; 'высокий/возвышенный предмет – качественный, значимый, нравственный, одухотворенный, священный человек, явление: «*Любовь должна **возвышать** человека, а не тянуть его вниз» (Толстой)*»; 'низкий/низменный предмет – некачественный, ничтожный, безнравственный, греховный человек, явление': «*Как бы благородны ни были намерения, она всегда подозревала в них мелкие или **низменные** побуждения» (Чехов)*»; 'чистый предмет – истинный, нравственный, одухотворенный': «*Ирэн ответила не задумываясь, с детской **чистосердечностью**...» (А. Кожевников)*»; «*Любил ли ты когда-нибудь по-настоящему, хорошей, **чистой** любовью?» (Скиталец)*»; 'грязный предмет – безнравственный, порочный': «*Зачем он мне рассказывал всю эту гадость? ...Он перевернул всю мою душу и наполнил её **грязью**» (Куприн)*»; 'холодный предмет – неподвижный, апатичный, бесчувственный, жестокий человек, явление': «*С удивлением и горечью заметил Возницын, что его опустошенная жизнь, очерствевая душа оставалась **холодной** и неподвижной» (Куприн)*»; 'теплый предмет – нежный, приятный, ласкающий, добрый человек, явление': «*Как-то **тепло** и хорошо стало мне от сочувствия этого чужого и хорошего человека (Л. Толстой)*», «*Любовь её, снисхождение и доброта покоятся на **теплом** доверии к добру и людям» (Гончаров)*»; 'горячий предмет – активный, интенсивный, сильно действующий, эмоциональный человек, явление': «*При всей своей **горячности** он умел быть терпеливым» (Чернышевский).*

2) Процессиальные образные параллели. Например, способность твердых предметов оказывать сопротивление внешним воздействиям ассоциируется с силой, здоровьем: *стойкий иммунитет, несгибаемая воля*, а их способность сохранять свою форму, размер, местоположение в пространстве ассоциируется с надежностью, стабильностью, постоянством: *неразрывные связи, устойчивые привычки*. Спо-

способность мягких, пластичных предметов легко поддаваться внешним воздействиям, изменяя форму, ассоциируется со слабостью, уступчивостью, бесхарактерностью: *податливый характер, гибкий человек*, а их способность вызывать приятные тактильные ощущения при физических контактах ассоциируется с приятными зрительными, слуховыми, вкусовыми, температурными впечатлениями, нежностью и добротой. Способность острых предметов хорошо колоть и резать, проникая в структуру объекта воздействия, ассоциируется с хорошими перцептивными, эмоциональными и интеллектуальными способностями человека (*проницательный человек, проницательность*) и сильным воздействием на органы восприятия (*проникновенный голос, пронизывающий ветер, резкий свет*), а отсутствие этих качеств у тупых предметов – соответственно с плохими перцептивными, эмоциональными и интеллектуальными способностями человека и слабым воздействием на органы восприятия.

3. Концептуальные сферы, образно характеризующиеся в языке:

1) предметы (натурфакты и артефакты) и явления (стихии, физические свойства, действия и процессы) материального мира – и их физические свойства; 2) животные – и их физические, физиологические и психические свойства; 3) человек как биологический организм – и его физические и физиологические свойства; 4) человек как индивидуум – и его психические, эмоциональные, интеллектуальные и речевые качества; 5) человек как социализированная личность и общество – поведенческие и социальные характеристики; 6) мир идей – абстрактно-категориальные понятия.

Ассоциативно-образное лексико-семантическое поле как комплексная языковая единица образного строя языка имеет план выражения – экстенционал поля, его лексико-фразеологический состав и план содержания – интенционал поля, его понятийный уровень, включающий стереотипные образные представления, отражающие направления метафоризации исходного признака и способ его ассоциативного воплощения в языке. При этом рассмотренная выше концептуальная структура образного представления предопределяет структурирование как лексического, так и смыслового (понятийного) уровня поля, а также обуславливает этапы его описания.

2.3. Методика анализа признакового ассоциативно-образного лексико-семантического поля

Первый этап анализа предполагает выявление максимально полного лексического состава АОСП: образных средств языка, выражающих типовые образные представления метафоризации интегрального признака качества, а также необразных мотивирующих единиц, называющих статические и динамические свойства, концептуально связанные с интегральным признаком, и их прототипических «носителей».

Экстенционал признаковых ассоциативно-образных полей составляют:

1. Существительные, включающие представления об эталонных носителях интегральных признаков в качестве предметно-понятийного или ассоциативного образного содержания, и мотивированные ими слова других частей речи и включающие их фразеологизмы: *заноза (в пальце) – заноза ‘язвительный человек’, искра костра – искра чувства, кремль – упорный, сильный человек’, металл (в голосе), бремя славы, обременительный, железный характер, пламенный, задубеть, окостенеть.*

2. Прилагательные, включающие в качестве предметно-понятийного или ассоциативного образного содержания представления о статических свойствах предметов и явлений, концептуально связанных со свойством, обозначенным интегральной лексемой, а также мотивированные ими слова других частей речи и включающие их фразеологизмы: *горячий (чай) – горячий (темперамент), острый (нож) – острый (взгляд, язык, слово), тяжелый (груз) – тяжелые (мысли), тяжеловесный, легкомысленный, твердолобый, мягкотелый, смягчиться, остряк, остроота, остроумный, горячиться, походить.*

3. Глаголы, мотивированные ими слова других частей речи и включающие их фразеологизмы, называющие: а) процессы, в которых функционально реализуется свойство (совокупность свойств), формирующее признаковый концепт, обозначенный интегральной лексемой: *давит (что-л. тяжелое) – давит, подавляет (власть), шатается (опора) – шатается (авторитет), режет (нож) – режет (сильный звук, свет), разгорелся (огонь) – разгорелись (страсти), подавленность, резкий, колкий, колкость, колебания, непробиваемый;* б) процессы, приводящие к появлению, усилению, ослабле-

нию данных свойств: *застыла (вода) – застыли (чувства), закалилась (сталь) – закалился (характер), растаял (лед) – растаял (человек), точить (нож) – оттачивать (мастерство), закалка, закаливание, замороженный, падиший, грехопадение.*

В результате лексическая структура каждого поля будет представлена совокупностью слов и выражений, задействованных в образной номинации различных явлений действительности на базе метафорического переосмысления типовых пропозиций, отражающих реализацию интегрального качества:

острый ‘имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край’, колючий ‘обладающий способностью колоть’, колоть ‘касясь чем-л. острым, причинять боль’, резать ‘действуя чем-л. острым, разделять на части’, пилить ‘разрезать пилой’, пронзить ‘проколов, проткнув, нанести рану’, пронизать ‘продеть сквозь отверстие / пробить насквозь’, точить ‘делать острой колющую или режущую часть чего-л.’, сверлить ‘делать сверлом отверстие в чем-л.’, царапать ‘зацепляя ногтями, когтями, наносить царапины’, поразить ‘нанести удар оружием’, проникнуть ‘преодолев какую-то преграду, войти вглубь чего-л.’, игла, колючка, нож, шип, зуб, заноза, пила, когти, ёж, ёрш ⇒ *острый ум, острый язык, острый слух, остроумный, колкие слова, колкость, острота, остроглазый, поразительный, пронизательный (ум, человек), пронзительный (крик, взгляд), пронизывающий (ветер), проникновенный (слова, речь), пронзить душу (сердце) ‘причинить страдание’, пронзить взглядом, заноза ‘надоедливый человек’, пилить ‘надоедать придираками’, зубастая критика, наёжиться, еристый, ерищаться, сверлить глазами, сверлит тревожная мысль, точат сомнения, точить зуб на кого-либо, как ножом по сердцу, наострить уши, сидеть как на иголках и др.;*

тупой ‘недостаточно отточенный, такой, которым трудно резать, колоть, пилить и т.п.’, валенок, пень, полено, бревно ⇒ *тупой (ум, человек), тупица, тупарь, тупость, тупоголовый, тупоумный, притупиться, притупленный (слух, зрение, обоняние), отупеть; тупой, как сибирский валенок / как пень / как полено / как бревно (человек).*

Второй этап предполагает исследование лексической семантики единиц поля и выявление на основе анализа структуры, иерархии и взаимосвязей этих элементов.

Экстенционал ассоциативно-образного поля в целом представляет собой двуплановую структуру. Лексика, эксплицирующая образ-

ное воплощение интегрального признака, распределяется по двум уровням ассоциативно-образного лексико-семантического поля: первичному мотивирующему (неметафорическому) и образно мотивированному (метафорическому). (В примерах лексика, составляющая исходный мотивирующий и образно-метафорический уровни поля, разграничивается знаком « \Rightarrow »).

Описание плана выражения поля предполагает структурирование его элементов от ядра к периферии с учетом степени актуальности доминантного признака в первичном значении мотивирующих единиц и в образном значении метафорически мотивированных единиц. Так, ядро поля составляют на мотивирующем уровне поля – наименования ключевых признаков, наименования эталонных носителей признаков и наименования прототипических проявлений этих свойств (*острый, колючий, игла, нож, колоть, резать, точить*), на образном уровне поля – метафорически мотивированные ими наименования. Околоядерное подмножество составляют необразные мотивирующие и образно мотивированные единицы, обозначающие явления, выступающие в качестве видовых (гипонимических) по отношению к свойствам, процессам и предметам, названным ядерными элементами поля (*пилить, точить, сверлить, царапать, колочка, шип, заноза, пила*). Периферию поля составляют единицы, обладающие более широким значением по отношению к ядерным элементам поля. Семантика таких единиц включает представление об интегральных свойствах в качестве неосновных, факультативных смысловых компонентов (*поразить, проникнуть, ёж, ёрш*). Дальнюю периферию, представляющую собой зону пересечения с другими полевыми структурами, составляют образные единицы, входящие в центральную часть других АОСП, но синонимичные образным единицам данного поля по понятийному содержанию и имеющие концептуальное сходство образного основания. Например, слово *жгучий* (о пище) ‘острый, пряный на вкус’ входит в ядро поля «горячий» и составляет дальнюю периферию поля «острый», *дубина, пень* (о человеке) ‘тупой, глупый человек’ – ядро поля «твердый» и дальняя периферия поля «тупой».

Внутри каждого поля на основании структурно-семантических связей словарный материал группируется в мотивационно-образные лексическое парадигмы (МОП). Под МОП понимается объединение образных слов и выражений и мотивационно связанных с ними не-

образных единиц, имеющих структурно-семантическую общность. Такое понимание не противоречит общелингвистическому определению термина парадигма – «(1) любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации», а также «(2) модель и схема организации такого класса или совокупности» [ЛЭС, 1990, с. 366].

Вершиной МОП выступает исходное непроемное и лексически не мотивированное наименование. В соответствии с частью речи исходной лексической единицы МОП делятся на предметные, знаковые и процессуальные. По своему лексическому составу и структуре мотивационно-образная парадигма напоминает словообразовательное гнездо, но имеет с последним ряд существенных различий. Во-первых, в состав МОП включаются только образные лексемы и лексемы, имеющие в своей структуре метафорические ЛСВ. Во-вторых, связывающие единицы парадигмы отношения лексической мотивации, устанавливаемые рядовыми носителями языка, могут не совпадать с деривационными отношениями, отражающими процесс словопроизводства.

В качестве примера приведем признаковую мотивационно-образную парадигму метафоризации прилагательного *мягкий*:

МЯГКИЙ ‘такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает приятные ощущения’ ⇒ ЯМ1 *мягкий* ‘приятный для глаз, слуха, тела, не раздражающий, не резкий (звук, свет, температура)’, ЯМ2 *мягкий* ‘тихий (звук)’, ЯМ3 *мягкий* ‘плавный, сглаженный (движения, линии)’, ЯМ4 *мягкий* ‘кроткий, уступчивый, поддающийся влиянию, напору (человек)’, ЯМ5 *мягкий* ‘добрый (человек) // выражающий доброту (взгляд, жест, мимика, речь)’, ЯМ6 *мягкий* ‘нестрогий, снисходительный (приговор, оценка, суждение)’, ЯМ *мягко*, ФЕ *мягко выражаясь* ‘употребляется как указание на то, что говорящий намеренно избегает грубых, категоричных выражений’, СО *мягкосердечие* / *мягкосердечность* ‘доброта, отзывчивость’, СО *мягкосердечный*, ЯМ *мягкость*, СО *мягкотелый* ‘бесхарактерный’, СО *мягчить* ‘добреть’, ЯМ *мягчить* / *размягчить* и *размягчать* / *размягчиться* и *размягчаться* / *смягчить* и *смягчать* / *смягчиться* и *смягчаться* / *смякнуть* / *обмякнуть* ‘делать/делаться (стать/становиться) менее суровым’, ЯМ *мякнуть* и *размякнуть* / *смякнуть* / *обмякнуть* ‘становиться вялым, расслаб-

ленным', ЯМ *размягчение* / СО *размягченность* / СО *смягченность* 'состояние расслабленности, умиления, душевной кротости', СО *смягченно* 'не сурово', ЯМ *смягченный* 'утративший строгость, суровость'. В составе данной парадигмы насчитывается 28 лексем и 1 фразеологизм. Необразных лексических единиц – 20, образных лексических единиц – 45: метафорических ЛСВ – 38, собственно образных слов – 7.

Далее в пределах каждой МОП ассоциативно-образного поля выявляются направления метафорического переосмысления интегрального признака и образная лексика поля в целом группируется в семантические «микрополя» на основании общности понятийного содержания. Поскольку образная номинация всегда связана с ценностной характеристикой называемого явления, для каждой образной параллели определяются оценочные смыслы (рационально-оценочное или эмоционально-оценочное отношение говорящего к называемому), формирующие коннотативное содержание образных единиц тематического «микрополя». Например, признак мягкости служит образным основанием для выражения следующих качеств:

1) Расслабленность, вялость, апатичность – *обмякнуть, размякнуть, идти на ватных ногах* и др. Данные психо-физиологические качества человека связаны с некоторым отклонением от физиологической нормы и чаще всего вызваны такими факторами, как возраст, усталость, опьянение и т.п. Коннотации содержат ситуативно обусловленную рациональную оценку данного качества, чаще негативную, и сему интенсивности: «*Шампанское уже сделало своё дело: собеседник мой окончательно **размяк***» (Короленко); «*Виновато улыбнувшись, Софья садится на стул и как бы вдруг стареет, **мякнет**, опускает голову*» (Горький); «*Алексеев неподвижно сидел в кресле, грузный, **обмякший**, привычно давая отдых всему своему большому телу*» (Кетлинская).

2) Уступчивость, слабыхарактерность – *мякотелый, мягкий, податливый, тряпка, тряпичный* и др. Эти волевые психологические качества человека с нравственно-этических позиций оцениваются отрицательно, поэтому образная лексика данной группы характеризуется выражением неодобрительного эмоционально-оценочного отношения, входящим в структуру коннотаций: «*Вы **мякотелый** какой-то. Кулагин издевается над человеком, а вам безразлично*» (Рыбаков); «*Я бы не хотел, чтобы ты в жизни был такой **тряпкой**,*

как я, чтобы эта **тряпичность** привела тебя к таким же странным поступкам...» (Чайковский).

3) Доброта, отзывчивость, доброжелательность – *мягкий, мягко-сердечный, мягкосердечие, смягчиться* и др. Данные этические психологические качества человека соответствуют нравственно-этической норме, вызывают одобрение. Коннотации содержат положительное эмоционально-оценочное отношение и сему интенсивности: «*Отец был **мягкая душа***» (Чехов); «*Как бы за все это ужасное время **размягчилось** его сердце. Он упал перед нею, он ноги ей целовал, и оба, обнявшись, плакали*» (Достоевский); «*Первоначально он отнесся ко мне неприязненно и даже оскорблял меня... Однако, послушав меня, он стал **смягчаться**, – продолжал Иешуа, – наконец бросил деньги на дорогу и сказал, что пойдет со мною путешествовать...» (Булгаков).*

4) Либеральность, лояльность, отсутствие суровости, строгости – *мягкий приговор, смягчить наказание, выразиться мягко, смягчающие обстоятельства*. Оценка данных социально-нравственных качеств является ситуативно обусловленной, не сопровождается выражением эмоционального отношения: «*Он вдруг подумал, что нельзя ни повиниться перед отцом, ни загладить, ни **смягчить** вину, – смерть, конец всему*» (Горбатов); «*Буду стараться изо всех сил, чтобы вымолить у князя ваше освобождение. Во всяком случае, участь ваша, верно, **смягчится***» (Гоголь).

5) Способность вызывать приятные сенсорные (зрительные, температурные, акустические, вкусовые) ощущения – *мягкие тона, мягкий голос, мягкий свет, мягкий климат* и др. Данные физические качества материальных объектов оцениваются положительно по линии рациональной утилитарной (гедонистической) оценки. Эмоционально-оценочные коннотации отсутствуют. «*Дышать стало гораздо легче, и голоса под липами теперь звучали **мягче**, по-вечернему*» (Булгаков).

6) Плавность формы, линий, очертаний, движений – *мягкие черты лица, мягко шагать* и др. Образные наименования физических качеств материальных объектов, как правило, не связаны с эмоционально-оценочными коннотациями: «*Вообще в ландшафте здесь господствуют **мягкие линии**. Ни одного излома, ни одного резкого поворота или подъема*» (Чехов); «*[Райский] чуть-чуть изменил ли-*

нию губ на портрете, провел лёгкий штрих по верхней губе, смягчил какую-то тень» (Гончаров).

Таким образом, в задачу описания экстенционала поля входит, во-первых, характеристика его словарного состава с точки зрения объема и границ поля, а также с точки зрения семантических и структурно-семантических связей единиц в пределах лексических группировок.

Эта задача решается с опорой на следующие методы и приемы: прием компонентного анализа структуры значения слова («семного» анализа содержания лексико-семантических вариантов лексемы), дефиниционного анализа словарных толкований ЛСВ, дистрибутивного анализа сочетаемостных возможностей лексических единиц, контекстного анализа [Ю.Д. Апресян (1974), И.А. Стернин (1985), Э.В. Кузнецова (1989) и др.]; прием мотивологического анализа морфо-семантической структуры мотивированных слов посредством выявления соотношения их звучания и значения со звучанием и значением мотивирующих единиц (в основном – приемом интроспекции, т. е. с опорой на языковое сознание исследователя, но также и по данным экспериментально выявленных показаний языкового сознания носителей русского языка) [О.И. Блинова (1984) и др.]; приём полевого моделирования, или «полевой метод» [В.В. Воробьев (1997), Ю.Н. Караулов (1976), С.Г. Шафиков (1996) и др.].

Наглядно модель лексической структуры ассоциативно-образного лексико-семантического поля, отражающего метафоризацию интегрального признака, может быть представлена на рис. 1.

Экстенционал поля представляет собой двуплановую структуру, состоящую из первичного уровня поля и метафорического уровня поля, на каждом из которых выделяются ядро, околоядерная зона, зона ближней и дальней периферии. Каждый из уровней поля включает три группы лексических единиц: признаковую, предметную и процессуальную лексику, которые представлены на схеме в виде секторов. Каждая группа, в свою очередь, включает определенный набор мотивационно-образных парадигм, распределенных от ядра к периферии (рис. 2).

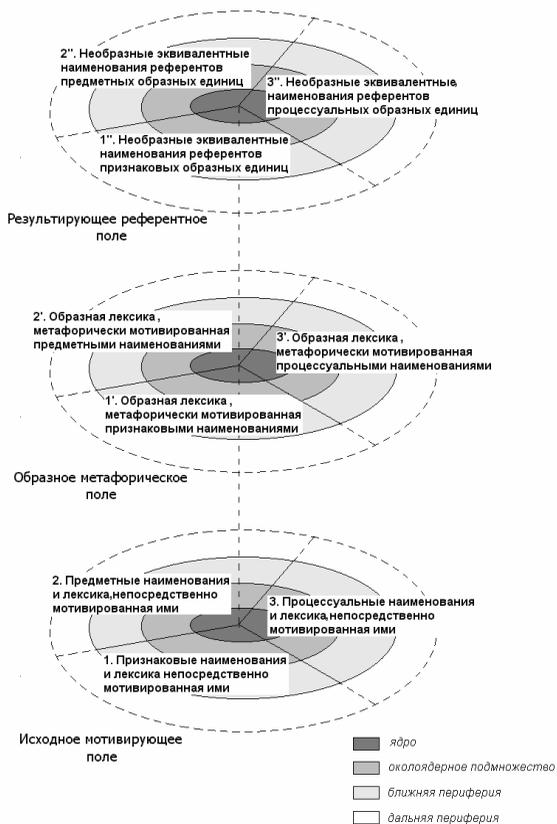

Рис. 1

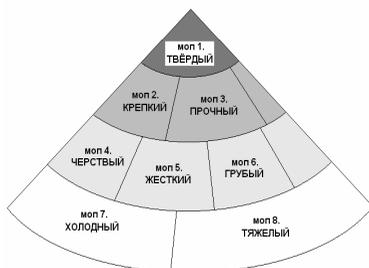

Рис. 2

Так как денотативное содержание образных языковых средств, входящих в поле, связано с обозначением явлений из различных сфер внеязыковой действительности, имеющих в языке и необразные обозначения, метафорический уровень поля коррелирует с необразным референтным уровнем, присутствующим исключительно в смысловом отношении. Лексика, номинирующая явления референтного уровня ассоциативно-образного поля, не включается в состав его экстенционала, однако используется на метаязыковом уровне при толковании значений образных единиц поля.

Третий этап описания АОСП нацелен на анализ понятийного (концептуального) уровня поля, абстрагированного от семантики дискретных элементарных лексических единиц поля и являющего совокупность типовых образных представлений, сформированных на базе метафорического переосмысления ключевого признака в культуре и языке. Это предполагает: 1) выявление системы предметных образов-эталонов, представлений атрибутивного, процессуально-динамического и пропозитивного характера, ассоциативно интерпретирующих фрагмент внеязыковой действительности в рамках, заданных интегральной единицей поля; 2) выявление концептуальной структуры типовых образных представлений и их ценностных ориентаций; 3) выявление когнитивной структуры признакового концепта, обозначенного интегральной единицей поля.

Решение данной задачи предполагает выход за рамки описания языковых значений образных средств на когнитивный уровень анализа понятийного содержания образа. Методологическую базу такого описания составляет концептуальный анализ, разработанный в русле когнитивного подхода к исследованию языковых фактов [Арутюнова, 1991, 1997, 1999; Вежбицка, 1990, 1996, 2001; Кубрякова, 1991, 1996, 1997; Рахилина, 2000; Рябцева, 1991; Лакофф, 1987, 1988, 2004; Филлмор 1988; Чейф, 1983 и др.]. Когнитивный подход к изучению языковых явлений предполагает анализ «связи языка с познавательными процессами, со всеми способами получения, обработки, фиксации, хранения и т.п. информации о мире в её корреляции с языковыми формами» [Кубрякова, 1997, с. 12]. Концептуальный анализ ориентирован на выявление прототипических концептов и типовых ситуаций (фреймов, сценариев), лежащих на глубинном уровне семантики языковых единиц и отражающих способ языковой «упаковки знания» о внеязыковой действительности, проявленной в

наречении отдельных фрагментов мира, а также в последствиях этого наречения – категоризации действительности [Чейф, 1983, с. 39].

Когнитивная структура образного представления включает две противопоставленные и одновременно сопоставленные понятийные сферы: сферу-источник и сферу – «мишень». Каждая из них подразделяется на семантические страты, представляющие (1) участников метафорической интеракции, а также (2) их статические и (3) динамические свойства.

Первую группу таких «участников» составляют уподобляемые субстанции: эталоны образной номинации – вата, пух, камень, опора, груз, воск, игла, нож и т.п. и денотаты образных номинаций – человек, организм, часть тела, характер, голос, слово, походка, знание, память, власть, порядок, дружба, семья, государство, овощи, растения и т.п. Группа эталонов представлена концептами из понятийной области-источника (сферы-донора), в терминах которой осмысливается понятийная область цели (сфера-мишень), представленная концептами, составляющими группу денотатов.

Вторую группу составляют соотносимые свойства уподобляемых субстанций: статические признаки эталонов – мягкий, легкий, твердый, тяжелый, гибкий, острый, тупой и т.п.; и денотатов – добрый, веселый, слабый, сильный, стойкий, простой, сложный, уверенный, здоровый, бесчувственный, умный, глупый и т.п.

Третью группу составляют соотносимые процессы, связанные с проявлением свойств уподобляемых объектов: динамические признаки эталонов – изменяет/сохраняет форму, приятный/неприятный на ощупь, обладает большим/небольшим весом, подвижный/малоподвижный, хорошо/плохо режет, колет и т.п.; и денотатов – хорошо/плохо противостоит внешним обстоятельствам, изменяет/не изменяет решения, хорошо/плохо воспринимает информацию, способен/не способен причинить душевную боль и т.п.

Итак, концептуальная структура образного поля «по горизонтали» включает две зоны, задействованные в метафоризации: зону эталонов, представленную объектами материального мира и их свойствами, и зону денотатов, представленную объектами материального или идеального мира и их свойствами. Каждое образное представление, входящее в понятийный план поля, основано на совмещении двух пропозиций, отражающих типовые ситуации, в которых эталоны и денотаты образных номинаций проявляют свои ассоциативно уподобляемые характерные качества. Смысловым ядром таких пропозиций являются ассоциации на уровне динамических свойств эта-

лонов и денотатов (динамические предикаты). Именно характер ассоциаций на уровне динамических предикатов определяет тот или иной аспект метафоризации признака, связанный с формированием устойчивого образного представления.

Концептуальная структура поля «по вертикали» включает все воплощенные в языке типовые образные представления, связанные в определенной культуре с метафорическим переосмыслением того или иного физического признака.

Приведем в качестве примера систематизированную концептуальную структуру ассоциативно-образного поля «МЯГКИЙ».

Таблица

Зона эталонов (исходная понятийная область, сфера-донор)			Зона денотатов (результативная понятийная область, сфера-мишень)		
«1»	«2»	«3»	3	2	1
эталон	статические свойства эталонов	динамические свойства эталонов	динамические свойства денотатов	статические свойства денотатов	денотаты
Вата Пух Бархат Шелк Тряпка	<i>Мягкий</i> 'такой, который легко поддается, уступает при надавливании, прикосновении и вызывает приятные ощущения'	I. Изменяет форму при воздействии извне v S → O (Р'мягкий') S – субъект, O – объект, V – действие, P – признак II. Слабо воздействует на объект при тактильных контактах (не способен изменить структуру объекта, повредить его) v S → O (Р'мягкий')	I. ОП1. Изменяет свои решения, мнения под влиянием других людей, обстоятельств. Негативная оценка II. ОП2. Слабо воздействует на органы восприятия при визуальных, акустических, температурных контактах Ситуативная оценка, чаще позитивная	Уступчивый Бесхарактерный Кроткий Покорный Слабый Нерезкий Нестрогий Несуровый	Человек Свет Звук Погода Климат Решение Приговор Суждение Оценка Критика Тон голоса

		тивно-правовых) контактах Ситуативная оценка, чаще позитивная		
	III. Вызывает приятные ощущения у субъекта восприятия при тактильных контактах v S+↔O (P ⁺ «мягкий»)	III. ОП4. Вызывает приятные ощущения у субъекта восприятия при визуальных, акустических, температурных контактах Позитивная оценка	Приятный Нежный Красивый	Голос Свет Цвет Взгляд Улыбка Черты лица Погодные явления
		III. ОП5. Вызывает приятное впечатление при социально-психологических контактах Позитивная оценка	Добрый Воспитанный Деликатный	Человек Характер Манеры
	IV. Имеет неплотную, рыхлую структуру; нежесткую, не фиксированную форму O (P ⁺ «мягкий»)	IV. ОП6. Не имеет четких очертаний; не имеет резких перегибов Позитивная оценка	Плавный Закругленный Нерезкий	Форма предмета Ландшафт
		IV. ОП7. Не проявляет в полной мере свои личностные (волевые, физиологические, психологические) качества <i>Ситуативная оценка чаще негативная</i>	Вялый Апатичный Расслабленный	Человек

Как видим, семь типовых образных представлений, входящих в концептуальную структуру поля, формируются на базе переосмысления четырех исходных пропозиций, характерных для концептуализации признака «мягкий» в сознании носителей русского языка. «Рикошетный эффект» метафоры [Мишанкина, 2001] высвечивает актуальные для личности говорящего аспекты проявления данного

качества. С точки зрения наивной (обиходной) картины мира прототипически мягкий объект является пластичным, неплотным, нестабильной (изменчивой) формы, оказывающим слабо осязаемое, приятное тактильное воздействие.

Четвертый этап описания поля связан с верификацией данных, полученных методом моделирования языкового АОСП. Семантический потенциал поля анализируется с точки зрения его соответствия реальной языковой способности носителей русского языка. Соответствие типовым образным ассоциациям определяется по данным «Русского ассоциативного словаря» (РАС) под ред. Ю.Н. Караулова. Регулярность воспроизведения в речи типовых образных представлений выявляется посредством анализа текстовых фрагментов разной функционально-стилистической отнесенности (художественный текст, публицистический, разговорная речь).

Так, например, свободные лексические ассоциации на слово-стимул *мягкий* воспроизводят: а) эталоны образной номинации: *пух* (18 ответов), *пушистый* (7 ответов), *как пух* (4 ответа), *вата*, *воск*, *мех*, *плюш*, *тряпка* (по 1 ответу); б) денотаты образной номинации: *характер* (40 ответов), *человек* (15 ответов), *голос* (8 ответов), *свет* (5 ответов), *звук*, *климат* (по 3 ответа); в) статические свойства денотатов, метафорически осмысливаемые сквозь призму образа «мягкости»: *добрый* (5 ответов), *приятный* (4 ответа), *ласковый*, *слабый* (по 1 ответу). Кроме этого, словарная статья РАС на слово-стимул *мягкий* содержит ответы-реакции, представляющие собой синонимичные и антонимичные образы, указывающие на пересечение признаковых образных полей: *теплый* (10 ответов), *легкий* (6 ответов), *твердый* (34 ответа), *жесткий* (29 ответов), *тяжелый* (2 ответа), *дуб* (1 ответ) [РАС, т. 1, с. 85]. В качестве реакций на слово-стимул *слабый* были получены ответы *мягкий*, *тряпка* (по 1) [РАС, т. 3, с. 161–162].

Контексты, воспроизводящие фрагменты типовых образных представлений метафоризации признака, также демонстрируют взаимодействие и смысловое пересечение различных признаковых полевых структур по линии синонимии и антонимии образов. Например: «*Суждения его всегда резки, бранчливы, но благодаря мягкому, ровному, шутливому тону как-то всегда выходит, что резкость и брань не режут уха» (Чехов). Синонимия признаковых образов проявляется в том, что концептуально различные свойства – *мягкий* (тактильно воспринимаемое физическое свойство) и *ровный* (визуально воспринимаемое качество пространственных объектов) – сближаются в выражении образного значения ‘доброжелательный, спокойный’. Антонимия призна-*

ковых образов проявляется в противопоставлении различных качеств в их образном функционировании: *мягкий* антонимически противопоставляется *резкий*, *резкость*, *резать ухо* в значении ‘грубый, нарушающий этические нормы’ (лексика, воплощающая метафоризацию признака «острый»). Синонимия образного воплощения признаков *мягкий*, *теплый*, *легкий* в обобщенном значении ‘доставляющий приятные эмоции’ реализована в контекстах: «*Со своими пациентами он разговаривал как-то особенно мягко, тепло, задушевно (Кованов); «А вы, я вижу, шлёлковый! Вашей жене с вами будет легко» (Тургенев). Антонимическое противопоставление образов «мягкости» и «твердости», воплощающих идеи силы и слабости характера: «*Хорошо, быть по сему, – сказал он наконец твердым, решительным голосом, какой бывает у очень мягких, уступчивых людей, знающих свою мягкость и старяющихся скрыть её от окружающих» (Крымов), «Воспоминания способны размягчить крепкую душу старого рыбака» (Григорович).**

Пятый этап анализа признаковых ассоциативно-образных полей нацелен на выявление зон пересечения и смыслового взаимодействия признаковых полевых структур. Как уже было показано, пересечение может идти по линии синонимии или антонимии понятийного содержания, выражаемого посредством различных образов. Например, образная лексика, отражающая метафоризацию признака *высокий* и выражающая значения ‘хороший по качеству’, ‘добрый’, ‘нравственный’, ‘духовный’, ‘святой’ синонимически сближается с полевыми структурами, отражающими метафоризацию признаков *чистый*, *светлый*, *золотой*. Антонимически противопоставлены им поля, отражающие метафоризацию признаков *низкий*, *грязный*, *темный* – ‘плохой по качеству’, ‘злой’, ‘безнравственный’, ‘бездуховный’, ‘грешный’.

Поле признака «твердый» в выражении эмоционально-психологического качества личности ‘безучастный, равнодушный, не воспринимающий окружающего, <как если бы был твердым, непроницаемым для внешних воздействий>’ как черты характера, оцениваемой отрицательно, или временного психологического состояния, вызванного стрессом, пересекается с признаковыми полями «холодный» ‘<как если бы был замерзшим, застывшим>’, «тупой» ‘<как если бы не имел острых краев, концов и не мог легко проникать в структуру предмета>’, «пустой» ‘<как если бы не имел внутреннего содержимого>’: «*Капитан держал себя гордо и неприступно, с тою холодную вежливостью, под которой чувствовалось снисходительное презрение служебного баловня и черствость себялюбивой натуры» (Станюкович); «*Нельзя однако же сказать, что природа героя нашего была так сурова и черства и чувства его бы-**

ли до того притуплены, чтобы он не знал ни жалости, ни сострадания (Гоголь); «С удивлением и горечью заметил Возницын, что его опустошенная жизнью, очерствелая душа оставалась холодной и неподвижной» (Куприн). А в выражении нравственно-этического качества ‘сильный духовно, смелый, решительный’ АОСП «твердый» сближается с полем «высокий»: «Оглянувшись на эти минувшие шесть месяцев, и сам Клычков теперь не узнавал себя, – так он вырос, окреп духовно, так закалится в испытаниях» (Фурманов).

Пересечения семантических полей в образной лексике могут идти по линии полисемии образного основания, когда ассоциативно-образное содержание слов, основанное на метафоризации одного признака, расходится по аспекту метафорического переосмысления базового свойства и используется для выражения различных, а иногда и противоположных, явлений действительности. Например, образные единицы, реализующие метафорическое переосмысление пространственного признака «верх, верхний», *верхогляд* ‘тот, кто отличается поверхностным отношением к чему-л.’, *верхоглядство* ‘несерьезное, несущественное отношение к чему-л.’, *поверхностный* ‘неосновательный, несущественный, не вникающий в существо дела’, *нахвататься верхушек*, *скакать по верхам* лишь формально связаны с лексикой поля «высокий». На содержательном основании они относятся уже к другому семантическому полю метафоризации признаков «глубокий» – «мелкий/поверхностный». Глубина выражает идею содержательности, истинности, значимости, хороших интеллектуальных способностей, ассоциируется с возможностью интеллекта (мысли) глубоко проникнуть в суть явлений, а отсутствие таких способностей метафорически выражается через образы поверхности и чего-л. мелкого: *мелко плавать* ‘не иметь достаточных данных (способностей, сил, знаний, опыта и т.п.), чтобы совершить что-л. значительное’, *мелкий* ‘лишенный содержательности, внутренней значительности’, *мелкота* ‘ничтожность’. Следовательно, образ верха осмысливается в двух направлениях: метафорически выражает позитивные нравственно-этические качества в оппозиции «верх – низ» и негативные ментальные качества в оппозиции «поверхность – глубина»: «*Люди, которым не дано углубляться в сущность вещей, разделяются на староверов и на верхоглядов» (Белинский).*

Полисемия образного основания проявляется и в том, что определенный лексически выраженный предметный образ может выступать эталоном различных качеств и входить в состав разных признаков АОСП. Например, образ *КАМНЯ* выступает эталоном двух ка-

честв – твердости и тяжести, воплощая такие их динамические проявления, как способность к сопротивлению внешним воздействиям (непроницаемый, непробиваемый, сохраняющий форму и размер) и способность оказывать своей массой значительное давление на воспринимающую поверхность. Первая пропозиция реализуется в образных значениях слов поля «твердый»: *каменный* ‘равнодушный, безучастный’, *закаменеть/окаменеть* ‘стать равнодушным, безучастным’ («*На брэнность бедную мою// Взираешь, слов не расточая. // Ты каменный, а я пою, // Ты – памятник, а я летаю*». Цветаева), вторая – в семантике образных единиц поля «тяжелый», выражающих значение ‘трудности жизни, сложные обстоятельства, требующие от человека больших душевных или физических усилий’: *камень* на сердце лежит, *камень/гора* с плеч свалился (-лась) и т.п. («*Когда в кругу убийственных забот // Нам всё мерзет – и жизнь, как камней гряда, // Лежит на нас – вдруг, знает бог откуда, // Нам на душу отрадное дохнет, // Минувшим нас обвеет и обнимет // И страшный груз минутно приподнимет*». Тютчев).

Образ льда выступает эталоном холодного и твердого. Данные свойства сближаются в своем метафорическом функционировании, выражая в образных средствах языка представление о состоянии полной неподвижности от испуга, страха («*Мне ужас сердце леденит*». Некрасов), а также об отсутствии развития, эмоциональных переживаний («*Поток сгустился и тускнеет, // И прячется под твердым льдом, // И гаснет цвет, и звук темнеет // В оцепененье ледяном. //...Так и в груди осиротелой, // Убитой хладом бытия, // Не льется юности веселой, Не блещет резвая струя*». Тютчев).

Итак, анализ признакового АОСП предполагает описание и структурирование его лексического и понятийного уровней, выявление типовых образных представлений, связанных в языке и культуре с метафорическим переосмыслением интегрирующего поля свойства. В результате подобного описания высвечивается когнитивная структура самого ключевого признакового концепта, так как в образном миромоделировании задействованы особо значимые его черты, выделенные говорящим. Сверхзадачей исследования признакового пространства образного строя языка в целом является описание фрагмента русской языковой картины мира, отражающего направления и аспекты метафоризации качественных признаков предметов для образного обозначения различных сфер жизни человека и окружающего мира.

Полно и целостно опыт подобного исследования будет представлен на примере поля, отражающего аспекты метафорического переосмысления признака «твердый» в русском языке.

ОПЫТ ОПИСАНИЯ ОБРАЗНОГО ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРИЗНАКА «ТВЕРДЫЙ»

3.1. Лексическая структура поля «ТВЕРДЫЙ»

Критерии отбора лексических единиц, входящих в ассоциативно-образное поле «ТВЕРДЫЙ», были следующими.

1. Наличие в предметно-понятийном или ассоциативно-образном плане значения слова или выражения семантических компонентов, соответствующих представлению об интегральном признаке твердости. Например: *твердый* – 1) ‘способный сохранять свою форму и размер’ и 2) ‘такой, который с трудом поддается сжатию, сгибанию, резанию и другим физическим воздействиям’; *крепкий* – ‘такой, который трудно сломать, разбить, порвать’; *стойкий* – ‘долго сохраняющий и проявляющий свои свойства, не поддающийся разрушениям, изменениям’; *камень* – ‘всякая твердая нековкая горная порода’ и ‘отдельный кусок такой породы’; *каменеть* – ‘становиться твердым, как камень’, а также *твердый* ‘такой, который устоит, не отступит перед чем-л., останется верным своим убеждениям, целям, намерениям, стойкий, непоколебимый (о человеке)’; *твердолобый* ‘косный, консервативный; глупый, упрямый (о человеке)’.

2. Участие лексической единицы в метафорическом отображении явлений внеязыковой действительности либо в качестве образной номинации (*задубеть* ‘стать твердым, как дуб’/ ‘сильно замерзнуть’; *дуб, дубина* ‘глупый человек’), либо в качестве мотивирующей единицы, обозначающей ассоциативно-образное основание номинации – «ассоциатив образного значения» (*дуб* ‘дерево с особо прочной древесиной’).

На основании компонентного анализа отобранных в состав поля единиц было установлено, что выражение признака твердости предполагает наличие в семной структуре слова следующих микрокомпонентов: 1) ‘сохраняющий форму и размер’; 2) ‘сохраняющий целостность’; 3) ‘с трудом поддающийся физическим воздействиям (сжатию, сгибанию, резанию и др.)’; 4) ‘устойчивый (не шаткий, не колеблющийся и т.п.)’; 5) ‘грубый на ощупь’. Данные семы выступают в значениях лексических единиц поля в различных комбинациях и занимают различное положение в иерархической организации

их семной структуры. Например, сема 'грубый на ощупь' является периферийной для исходных ЛСВ лексем *твердый* и *черствый*; является ядерной, дифференциальной семой – для *жесткий*, *грубый* и *суровый*; не входит в семную структуру слов *прочный* и *крепкий*. Тем не менее присутствие одной или нескольких из данных сем в ядерной зоне семной структуры слова явилось критерием отбора этого слова в лексический состав поля с интегральным признаком «твердый».

Поскольку поле составляют как образные, метафорически мотивированные, так и необразные мотивирующие единицы, экстенционал поля в целом представляет собой дуплановую структуру. Лексика, эксплицирующая образное воплощение признака «ТВЕРДЫЙ», распределяется по двум уровням ассоциативно-образного лексико-семантического поля: первичному мотивирующему (неметафорическому) и образно мотивированному (метафорическому).

Первичный, мотивирующий образные наименования план экстенционала поля представлен прямыми исходными ЛСВ следующих лексем:

а) прилагательных, обозначающих различные аспекты свойства «твердости», – *твердый*, *прочный*, *крепкий*, *жесткий*, *грубый*, *черствый*, *суровый*; а также производных от них существительных, наречий и глаголов – *твердость*, *крепость*, *черствость*, *жестко*, *крепко*, *твердо*, *твердеть*, *грубеть*, *черстветь* и т.д.;

б) существительных, называющих предметы, для которых твердость является характерным, типичным свойством – *камень*, *кремель*, *гранит*, *железо*, *металл*, *дерево*, *дуб*, *кость*, *столб*, *цепь*, а также производных от них прилагательных, глаголов и наречий – *железный*, *железно*, *задубеть*, *каменеть*, *костность*, *оцепенеть* и т.д.;

в) слов различных знаменательных частей речи, мотивированных глаголами, называющих всевозможные процессы и состояния, характерные для твердых предметов, – *стойкий*, *упорный*, *нерушимый*, *неразрывный*, *закалить*, *закалка* и т.д.

Метафорический план лексической структуры поля «ТВЕРДЫЙ» составляют языковые метафоры (*твердая* / *железная* / *стальная воля*), собственно образные слова (*твердолобый* 'глупый') и образные выражения (*жить за кем-л. как за каменной стеной*), метафорически мотивированные единицами исходного уровня поля:

1) мотивированные признаковой лексикой: *твердое решение*; *твердый* / *жесткий* / *черствый человек*; *твердокожий* 'нечуткий'; *твердый* / *жесткий график*; *стоять твердой ногой* и т.п.;

2) мотивированные субстантивной и отсубстантивной лексикой: *каменное лицо; камень / кремень (о человеке); дерево / бревно / дубина / пень (о человеке); остолбенеть* ‘стать неподвижным от удивления’; *задубеть* – а) ‘стать твердым’, б) ‘замерзнуть’; *грызть гранит науки; стоять стеной; крепкий орешек; бесчувственный, как бревно* и т.п.;

3) мотивированные глаголами и отглагольной лексикой: *закалать нервы / характер / организм; непоколебимый / нерушимый / несгибаемый* (о человеке, воле, характере) и т.п.

В ассоциативно-образном компоненте содержания образных слов, мотивированных наименованиями признаков, оказываются выраженными, вербализованными, ассоциации со статическими (внутренними, онтологическими) свойствами твердых предметов. Этот тип ассоциаций включается в толкование образного значения слова посредством модуса фиктивности «как если бы». Ассоциации на уровне статических свойств уподобляемых объектов предполагают также наличие ассоциаций между динамическими проявлениями этих свойств, что в толковании выражается модусом фиктивности «как бы». Например:

ТВЕРДЫЙ / КРЕПКИЙ человек (воля, характер, сердце) – дено- татив образного значения (Д): ‘сильный духовно; стойкий, решительный, непоколебимый, непреклонный’; ассоциатив образного значения (А): как бы ‘с трудом поддающийся внешним физическим воздействиям; способный сохранять свою форму и размер’, как если бы был **ТВЕРДЫМ, КРЕПКИМ**, <как твердый предмет (камень, железо и пр.)>. «Тогда в этом **твердом, непреклонном женском сердце неотразимо созрел план удара**» (Достоевский); «Для того, чтобы быть **крепким коммунистом, требуется прежде всего твердое коммунистическое мировоззрение**» (М. Калинин); «–Интересно, кого наметили? – спросил Сидорчук. – Тут человека надо **крепкого, с железными нервами**» (Саянов).

ПРОЧНЫЙ / КРЕПКИЙ мир, семья, положение в обществе, отношения между людьми – (Д): ‘не подверженный переменам, надежный, верный, постоянный’; (А): как бы ‘с трудом поддающийся внешним физическим воздействиям; устойчивый, не шаткий’, как если бы был **ПРОЧНЫМ, КРЕПКИМ** <как твердый предмет (камень, железо и пр.)>. «Берг был исправный, храбрый офицер... с блестящей карьерой впереди и даже **прочным положением в обществе**» (Л. Толстой); «Сможет ли он дать ей не мимолетное, а **прочное счастье** – на всю жизнь?» (Борзенко); «Сталевар не уступал своего

первенства, и его авторитет **упрочился**» (В. Попов); «Все более и более росла и **крепла** моя к ней привязанность» (Достоевский).

ЖЕСТКИЙ / ЧЕРСТВЫЙ / ГРУБЫЙ / ТВЕРДОКОЖИЙ человек (характер, слова, душа) – (Д): ‘лишенный чуткости, отзывчивости; суровый, резкий’; (А): как бы ‘неприятный, грубый на ощупь’, как если бы был **ЖЕСТКИЙ / ЧЕРСТВЫЙ / ГРУБЫЙ / ТВЕРДЫЙ**, <как твердый предмет (камень, железо и пр.)> «Таня нашла в себе силы быть **жесткой** и требовательной» (Ажаев); «Тарантьев постоянно был **груб** в обращении со всеми, не исключая и приятелей» (Гончаров); «Нельзя однако же сказать, что природа героя нашего была так сурова и **черства** и чувства его были до того притуплены, чтобы он не знал ни жалости, ни сострадания» (Гоголь); «Она считала Борю бессердечным и все удивлялась, откуда у него такой **черствый** характер» (Паустовский).

В образных словах, мотивированных существительными, называющими предметы-эталоны твердости, образное содержание включает представление о целостно воспринимаемом предмете (не только тактильно, но и визуально). Метафоризация ключевого признака твердости приобретает здесь конкретно-чувственное воплощение, а образ твердого предмета-эталона в содержании образной единицы выполняет своеобразную роль «сенсорного конкретизатора». Сам признак твердости, лежащий в основе метафоризации, выступает в образном значении таких слов на фоне других признаков твердых предметов: признаков формы (сердце окаменело), размера (круговое оцепление), цвета (чугунная голова), звучания (металл в голосе), массы (камень на сердце лежит) и т.п. (Вспомним высказывание Л.В. Щербы о том, что существительное – это «связка» признаков). Все это делает образное значение слов данного типа более наглядным, ярким. В ассоциативном содержании слов, мотивированных предметными именами, выражены все три этапа метафоризации: на уровне динамических свойств, на уровне статических свойств и на уровне предметного сопоставления.

ЗАКАМЕНЕТЬ / ОКАМЕНЕТЬ / ОКАМЕНИТЬ / КАМЕНЕТЬ (о человеке) – (Д): ‘Стать (становиться, сделать) бесчувственным, равнодушным; ожесточиться (ожесточить) под влиянием негативных жизненных обстоятельств’. (А): как бы ‘повысить сопротивляемость к внешним воздействиям, перестать поддаваться внешним воздействиям, как если бы душа/сердце/человек стали бы твердыми, крепкими, жесткими, т.е. стали бы обладать высокой плотностью, как **КАМЕНЬ**’. «Надя чувствовала, как она **каменела**, превращалась в без-

душиное существо» (Помяловский); «Елена молиться не могла. Она **окаменела**» (Тургенев); «У меня сегодня много дела: Надо память до конца убить, Надо, чтоб душа **окаменела**, Надо снова научиться жить» (Ахматова); «Молю святое провиденье: Оставь мне тягостные дни, Но дай **железное терпенье**, Но сердце мне **окамени**» (Языков); «О господи, дай силы! Дай **твердости!** **Окамени** мне сердце!» (Островский); «С.: – Шибко плакала на похоронах она. В.: – А Валя? С.: – Ну, Валентина – я так-то её... Не так. В.: – Сердце, может, **закаменело**» (Том., Верш.).

В ассоциативно-образном содержании слов, мотивированных процессуальными наименованиями, закреплены ассоциации на уровне динамических свойств твердых предметов, которое в толковании образного содержания представлено посредством модуса фиктивности «как бы».

НЕПРЕКЛОННЫЙ / НЕКОЛЕБИМЫЙ / НЕПОКОЛЕБИМЫЙ / СТОЙКИЙ человек (воля, характер, решение, чувство) – (Д): ‘сильный духом, уверенный в своих убеждениях, решениях и поступках, способный их отстоять’ // ‘свойственный такому сильному человеку’; (А): ‘как бы не поддающийся внешним физическим воздействиям, не меняющий своей структуры и расположения; которого как бы нельзя **ПОКОЛЕБАТЬ**, **ПРЕКЛОНИТЬ**, который **УСТОИТ**’ <‘как если бы был твердым, крепким, прочным, как камень, железо и т.п.’>. «В нем было что-то **жестокое, непреклонное** и властное. Сразу чувствовался в адмирале человек **железной воли**» (Станюкович); «Я должен был сказать **жестко и непреклонно**: «Нет, я не согласен»» (Кузьмин); «Клебе видел, что он недоступен никаким доводам, что решение его **неколебимо**» (Федин); «Княжна Марья была молчалива и **непоколебима**» (Л. Толстой); «Лейтенант Паскин знал свою дружную и **стойкую** команду, но и он, следя за действиями матросов, изумлялся их боевым качествам» (Новиков-Прибой); «От этих книг в душе спокойно сложилась **стойкая** уверенность: я не один на земле и – не пропаду!» (Горький).

НЕРУШИМЫЙ / НЕРАЗРЫВНЫЙ / УСТОЙЧИВЫЙ (УСТОЙ) / НЕУКЛОННЫЙ о связях, отношениях людей; обещаниях, клятвах; социальных явлениях, процессах. (Д): ‘Постоянный, не подверженный изменениям, надежный’; (А): ‘как бы не поддающийся внешним физическим воздействиям, не меняющий своей структуры и расположения; которого как бы нельзя **РАЗРУШИТЬ**, **РАЗОРВАТЬ**, **НАКЛОНИТЬ**, который **УСТОИТ**’, <‘как если бы был твердым, крепким, прочным, как камень, железо и т.п.’>. «Обычным, **нерушимым**

порядком шла на хуторе жизнь» (Шолохов); «На Неве **нерушимо** стоят дворцы, памятники, мосты» (Вишневский); «Спаяла их всех боевая **неразрывная** дружба» (Первенцев); «Как **сплавить** все творчество с жизнью в единое, **неразрывное** целое?» (Овчаренко); «Я убедился, что все стройки в нашей стране так **неразрывно** связаны, что их почти невозможно разъединить, как нельзя разять на части живое существо» (Паустовский); «Черемшановцы – народ основательный, с **устойчивыми** нравами» (Славин); «Лишенный честолюбия и **устойчивых** политических взглядов, к войне Копылов относился как к неизбежному злу и не чаял ее окончания» (Шолохов); «Гарденинская жизнь выбита из колеи, и что-то трещит, что-то распадается в её вековых **устоях**» (Эртель); «Илья учился у нее этой неуклонной **твердости** в достижении цели своей» (Горький).

Всего было выявлено и проанализировано около 500 лексических единиц, включая фразеологизмы: 112 безобразных лексических единиц, мотивирующих (семантически или структурно-семантически) образные единицы поля, и 398 образных лексико-фразеологических единиц, включающих 243 языковые метафоры, – прочный ‘неподверженный переменам, надежный, постоянный’ (мир, семья, счастье, положение в обществе), крепкий ‘здоровый, выносливый’ (организм), очерстветь ‘стать бездушным, бесчувственным’ и др. 79 собственно образных слов – твердолобый, крепколобый ‘консервативный, упрямый’, остолбенеть ‘стать неподвижным от сильного удивления’, задубеть ‘сильно замерзнуть’, косность, косноязычие, черствость, закаливание, непоколебимый и др.; 57 генетических метафор, типа утвердить, утверждение, затвердить, укрепиться и т.п.; 19 фразеологизмов – стоять на твердой почве, стоять твердой ногой и др.

Все элементарные единицы ассоциативно-образного поля на основании структурно-семантических (мотивационных) связей группируются в мотивационно-образные парадигмы (МОП) – гнезда однокоренных слов (и фразеологизмов, включающих данные однокоренные слова), обладающих общим ассоциативно-образным содержанием. Например, парадигма исходной мотивирующей лексики твердый включает 19 лексем: твердый, твердо, твердость, твердыня, твердокаменный, твердокожий, твердолобый, твердить, затвердить, подтвердить (сов. подтверждать), подтвердиться (сов. подтверждаться), подтверждение, подтвердительный, утвердить, утвердиться (сов. утверждаться), утверждение. В числе 34

образных единиц данной парадигмы насчитывается 22 языковых метафоры (*твердый* ‘сильный духовно (о человеке); *твердый* ‘надежный, верный (о словах, клятвах)’; *утвердиться* ‘прочно установиться’ и др.); 10 собственно образных слов (*твердокожий* ‘лишенный чуткости, отзывчивости’; *твердолобый* ‘глупый, упрямый, консервативный’, *твердокаменный* ‘такой, которого нельзя ничем разжалобить, тронуть’ и др.); 2 фразеологические единицы: *стоять (где-л.) твердой ногой*, *стоять на твердой почве*.

Всего в составе поля обнаружилось 42 мотивационно-образные парадигмы, которые могут быть распределены на 3 группы в зависимости от частеречной отнесенности исходной мотивирующей лексемы:

1. Признаковые МОП, где в качестве исходной мотивирующей лексемы выступает качественное прилагательное, обозначающее свойство предмета. Было выявлено 7 мотивационно-образных парадигм, образные единицы которых мотивированы первичными ЛСВ лексем *твердый*, *прочный*, *крепкий*, *жесткий*, *грубый*, *суровый*, *черствый*.

В качестве примера приведем МОП с мотивирующей лексемой *крепкий*, в составе которой насчитывается 33 лексемы: *крепкий*, *крепко*, *крепкоголовый*, *крепколобый*, *крепко-накрепко*, *крепконогий*, *креплённый*, *крепнуть* (сов. *окрепнуть*), *крепость*, *крепостной*, *крепь*, *крепчать*, *крепить*, *крепиться*, *закрепить* (*закреплять*), *закрепиться* (несов. *закрепляться*), *закрепление*, *закрепостить* (сов. *закрепощать*), *закрепоститься* (несов. *закрепощаться*), *раскрепостить* (несов. *раскрепощать*), *раскрепоститься* (несов. *раскрепощаться*), *подкрепить* (несов. *подкреплять*), *подкрепиться* (несов. *подкрепляться*), *подкрепление*, *прикрепить* (несов. *прикреплять*), *прикрепиться* (несов. *прикрепляться*), *скрепить* (несов. *скреплять*), *скрепиться*, *открепиться* (несов. *открепляться*), *укрепить* (несов. *укреплять*), *укрепиться* (несов. *укрепляться*), *укрепление*, *укрепляющий*.

В числе 64 образных единиц данной парадигмы насчитывается 55 языковых метафор: *крепкий* ‘сильный духовно (о человеке)’; *крепкий* ‘надежный, верный (о словах, клятвах)’; *крепить* ‘делать более надежным, усиливать (о межличностных и социальных контактах)’; *закрепление* ‘повторение с целью запоминания’ и др.; 5 собственно образных слов: *крепкоголовый*, *крепколобый* ‘излишне упорный, упрямый (о человеке)’; *крепконогий* ‘выносливый в ходьбе, езде (о человеке, животном)’; *подкрепиться* ‘придать себе сил, бодрости едой’ и др.; 4 фразеологические единицы: *крепкое слово* (словцо); *крепкий сон*; *задним умом крепок*; *скрепя сердце*.

2. Предметные парадигмы – мотивационно-образные парадигмы эталонов образной номинации, где исходной мотивирующей лексемой выступает существительное, обозначающее предмет, являющийся прототипическим, эталонным носителем ключевого признака. В этой группе обнаружено 17 МОП, мотивирующие единицы которых представляют эталоны «твердости», реализованные в образной номинации. Это первичные ЛСВ лексем *металл, железо, сталь, чугун; камень, кремь, гранит; дерево, дуб, дубина, бревно, пень, орех; кость; лед; столб, цепь*.

Так, в МОП с исходной мотивирующей лексемой *кость* насчитывается 19 лексем: *костенеть, костяк, коснеть, косность, косноязыкий, косноязычный, косноязычие, косноязыко, косноязычно, косный, закоснеть, закостенеть, закоснелость, закоснелый, окостенеть* (несов. *окостеневать*), *окостенелость, окостенелый, окостенение*.

Образных лексических единиц в данной парадигме – 35: 1 языковая метафора *костяк* ‘основа, очень важная составляющая часть чего-л., опора, подобная скелету организма (о социальных группах и явлениях)’; 32 лексико-семантических варианта собственно образных лексем: *костенеть* 1) ‘холодея, становиться твердым’; 2) ‘терять гибкость, чувствительность, подвижность от холода (о человеке, частях тела)’; 3) ‘терять способность двигаться, замирать в каком-л. положении от смущения, испуга и т.п.’, *коснеть* СО 1) ‘приходить в состояние застоя, пребывать в неподвижности, погрязать в чем-л.’ (коснеть в невежестве), 2) ‘становиться малоподвижным, негибким (о языке)’; *косность* СО ‘состояние застоя, отсутствия развития’; *косноязыкий* и *косноязычный* СО 1) ‘неспособный внятно произносить звуки речи (о человеке)’; 2) ‘невнятный, неясный (о речи)’; 3) ‘изложенный, написанный невыразительно, с языковыми ошибками (о речевом произведении)’; *закоснеть* ‘потерять способность к дальнейшему развитию, совершенствованию (о человеке, социальной группе, обществе)’; *закостенелый* ‘отвердевший, потерявший гибкость, подвижность’ и др.; 2 фразеологические единицы: *язык без костей* ‘о чрезмерно болтливом человеке’; *стоять костью в горле* (*поперек горла*) ‘мешать кому-л., досажать, раздражать, быть ненавистным кому-л.’

3. Процессуальные МОП, где исходной мотивирующей лексемой выступает глагол, обозначающий процессы, осуществление которых возможно благодаря наличию ключевого признака. В группе процессуальных наименований было обнаружено 18 МОП, мотивированных следующими единицами, обозначающими процессы, кото-

рые могут (либо не могут) осуществляться по отношению к твердым предметам: не разрушается – *нерушимый*; не рвется – *непрерывный, неразрывный*; не гнется – *несгибаемый, негибкий*; не ломается – *несломленный*; не разбивается – *непробиваемый, непрошибаемый*; не пропускает свет и влагу – *непроницаемый*; стоит – *устойчивый, стойкий*; не колеблется – *неколебимый, непоколебимый*; не уклоняется (не отклоняется) – *непреклонный, неуклонный*; подвергается закалке, ковке, плавке, пайке (металлы) – *закаленный, закалить, закалка*; *скованный, закованный, прикованный, спаянный, сплав*; крепко, прочно, твердо соединенный (закрепленный) – *связанный, привязанный; сшитый, пришитый; прибитый, сбитый; приклеенный, прилепленный*.

Например, МОП слов, мотивированных глаголом (*не*) *колебать*, насчитывает 5 лексем: *неколебимый, неколебимо, непоколебимый, непоколебимость, непоколебимо*. Образными значениями обладают 2 языковые метафоры: *неколебимый* ‘уверенный, не изменяющий своим убеждениям (о человеке, его решениях, мнениях и т.п.)’, *неколебимо* ‘уверенно, неизменно’ и 3 собственно образных слова: *непоколебимый* ‘уверенный, не изменяющий своим убеждениям (о человеке, его решениях, мнениях и т.п.)’, *непоколебимость* ‘уверенность в своих убеждениях’, *непоколебимо* ‘уверенно, неизменно’.

Каждая мотивационно-образная парадигма в составе поля представляет собой «микрополе», обладающее двуплановой структурой. Единицы его исходного мотивирующего уровня объединены общим значением: а) интегрального признака; б) эталонного носителя этого признака; в) динамического проявления этого признака. А единицы метафорически мотивированного уровня объединены соответствующим общим значением ассоциативно-образного основания номинации.

В зависимости от степени смысловой близости / удаленности значения единиц мотивационно-образной парадигмы от ключевого признака определялась ядерная, околядерная зона поля, его ближняя и дальняя периферия.

В ядерную зону входит лексика, которая в своем прямом или образном значении непосредственно выражает набор семантических компонентов, связанных с определением в русском языке признака «ТВЕРДЫЙ». Так, например, среди признаковых наименований ядро составляют лексема *твердый* в своих первичных значениях – ‘сохраняющий форму и размер’ / ‘с трудом поддающийся сжатию, сгибанию, резанию и другим физическим воздействиям’ / ‘устойчивый, не шаткий’, её производные в первичных значениях *твердость*,

твердо и др.; а также совокупность метафорически мотивированных образных лексических единиц, составляющих ядро метафорического поля – *твердая рука, твердый график, твердые цены, твердить, твердолобый* и др.;

Околоядерную зону составляют лексические единицы, в содержании которых актуальны отдельные семантические компоненты первичного значения доминантной лексемы: *крепкий* ‘такой, который трудно сломать, разбить, порвать и т.п.’; *прочный* ‘с трудом поддающийся разрушению, порче / надежный, устойчивый’; а околоядерное подмножество метафорического уровня поля формируют их образные производные – *крепкая держава, крепкая семья, укрепиться в своем положении* и др.; *прочные нервы, прочный союз, упорчить отношения* и др.

В зону ближней периферии входят лексические единицы, в которых на ядерный признак «наслаиваются» дополнительные семантические компоненты, т. е. доминантный признак начинает варьироваться, выступать в окружении других сем, например: *жесткий* ‘твердый, крепкий, + грубый на ощупь’; *черствый* ‘ставший твердым + в результате высыхания утративший изначальную мягкость’.

В зону дальней периферии входят слова, в которых признак твердости выступает периферийным на фоне другого ядерного признака, например: *заледенеть* ‘стать холодным + стать твердым’; *чужунный, свинцовый* (в метафорических значениях) ‘тяжелый + твердый’ и др. Дальняя периферия поля является зоной пересечения с другими ассоциативно-образными лексико-семантическими полями с доминантными признаками «тяжелый» и «холодный».

Среди предметных наименований ядерными выступают лексемы *камень, дерево* (в вещественном значении ‘древесина’), *железо* и *кость*, а также мотивированные ими образные единицы – на метафорическом уровне поля. Околоядерную зону составляет лексика, обозначающая видовые разновидности референтов ядерных ЛЕ с безусловно актуализированным ядерным признаком **ТВЕРДЫЙ**: *кремень, гранит* (особо прочные, твердые разновидности камня); *дуб* (самое прочное дерево с особо твердой древесиной); *металл, сталь* (особо прочная разновидность металла). Ближнюю периферию представляют лексемы *пень* (остаток дерева – негативно), *бревно, чурка* (части ствола дерева, используемые в быту), *дубина* (примитивное деревянное оружие), а также *столб, орех, цепь*. Дальнюю периферию – *чугун, свинец, лед*.

Среди процессуальных наименований к числу ядерной отнесем лексику, в которой отразились свойства 'высокой плотности' и 'неподвижности' твердых предметов: не разрушается – *нерушимый*, не гнется – *несгибаемый, негибкий*, не ломается – *несломленный*; не разбивается – *непробиваемый, непрошибаемый*; стоит – *устойчивый, стойкий*; не колеблется – *неколебимый, непоколебимый*; не уклоняется (не отклоняется) – *непреклонный, неуклонный*. Околоядерную зону формируют МОП с доминантными лексемами не рвется – *непрерывный, неразрывный*; не пропускает свет и влагу – *непропускаемый*. Ближнюю периферию – подвергается закалке, ковке, плавке, пайке (о металлах) – *закаленный, закалить, закалка; скованный, закованный, прикованный; спаянный, сплав*; крепко, прочно, твердо соединенный (закрепленный) – *связанный, привязанный; сшитый, пришитый; прибитый, сбитый; приклеенный, прилепленный*. Дальнюю периферию – *застыть, замерзнуть, засохнуть*.

Данная модель поля позволяет в целостном и иерархически систематизированном виде представить лексику, воплотившую образные представления, связанные с метафоризацией одного ключевого признака «твердости».

3.2. Понятийная структура поля «ТВЕРДЫЙ»

В когнитивной структуре каждого образного представления, сформированного в русском языке на базе метафоризации свойства твердости, выделяются две понятийные сферы, к которым относятся уподобляемые явления:

(1) Уподобляемые субстанции – эталоны образных номинаций (*камень/кремень/гранит, дерево/дуб/дубина/пень/бревно, железо/металл/сталь/чугун, кость, столб, сухарь, стена*) и денотаты образных номинаций (*человек, организм, часть тела, характер, голос, слово, походка, знание, память, власть, порядок, дружба, семья, государство, овощи, растения*). Группа эталонов представлена концептами из понятийной области-источника (сферы-донора), в терминах которой осмысливается понятийная область цели (сфера-мишень), представленная концептами, составляющими группу денотатов.

(2) Свойства уподобляемых субстанций – статические признаки эталонов (*твердый, крепкий, прочный, жесткий, черствый*) и денотатов (*сильный, стойкий, уверенный, здоровый, бесчувственный, глупый, жестокий, стабильный, надежный, насыщенный*).

(3) Соотносимые процессы, связанные с проявлением свойств уподобляемых объектов – динамические признаки эталонов (*сохраняет форму, сохраняет внутреннюю структуру и целостность, не поддается разрушающим воздействиям, малоподвижный, устойчивый*) и денотатов (*противостоит внешним обстоятельствам, не изменяет решения, не изменяется с течением времени, не воспринимает / плохо воспринимает информацию, резко воздействует на органы чувств*).

Отношения между участниками метафоризации могут быть выражены при помощи «модуса фиктивности» и схематично представлены в виде развернутых толкований, эксплицирующих все этапы метафорического взаимодействия:

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХАРАКТЕР (воля, человек) «(1) человек (2) сильный духовно, не изменяет своим решениям, убеждениям, так как (3) умеет противостоять внешним условиям (чужому влиянию, трудностям и т.п.); как бы («3») не поддается разрушительным воздействием извне, сохраняет свою внутреннюю структуру, как если бы («2») был твердым, как («3») железо».

СУХАРЬ (о человеке) «(1) человек, (2) лишенный отзывчивости, чуткости, суровый, резкий, (3) не способен проявить эмоции, способен обидеть, не заметив чувств других людей; как бы («3») способен доставить физически воспринимаемые неприятные ощущения, как если бы («2») был неприятный, грубый, твердый на ощупь (на вкус); жесткий, черствый, как («1») утративший влагу вследствие высыхания кусок хлеба – сухарь».

Анализ образных значений единиц поля показал, что в метафоризации признака твердости задействованы три типовые пропозиции, связанные с проявлением этого признака у его типичных носителей (эталонных, прототипических твердых объектов). Данные ситуации отражают наиболее значимые для человека аспекты «твердости».

Общим прототипическим качеством, понимаемым под концептом «ТВЕРДОСТЬ», является ‘максимально высокая степень плотности предмета’. Данное качество может быть представлено в трех разновидностях:

а) высокая степень плотности характеризует вещество, из которого состоит весь предмет полностью (камень, железо, дерево, кость) – ‘плотность всего предмета’ (*твердый, крепкий*);

б) высокая степень плотности характеризует связь элементов в составе вещества или в структуре составного предмета (цепь, столб,

стена) – ‘плотность соединения составных предметов’ (*прочный, крепкий*);

в) высокая степень плотности характеризует поверхность предмета (орех) – ‘плотность поверхности предмета’ (*твердый, жесткий, грубый*).

При этом прототипические твердые предметы, такие как камень, металлы, дерево и их видовые варианты, обладают всеми указанными аспектами данного качества. А такие объекты, как орех (*крепкий орешек*), цепь (*оцепление, оцепенение*), почва (*стоять на твердой почве*), обладая лишь одним аспектом данного качества, не являются прототипическими, хотя и выступают в образных средствах языка в роли эталонов.

Динамические проявления признака твердости, связанные с ситуациями его реализации, следующие:

1) ‘сопротивляемость’ / ‘непроницаемость’ – проявляется при целенаправленных деструктивных воздействиях на твердый объект со стороны субъекта (резать, пилить, колоть, бить, ломать, гнуть, рвать и т.д.) как способность твердого предмета сохранять внутреннюю целостность, пространственную целостность формы, размера; как способность быть устойчивым к преднамеренной деформации, оказывать сопротивление внешним воздействиям;

2) ‘стабильность’ / ‘устойчивость’ – проявляется при использовании субъектом твердых предметов и их поверхностей в качестве опоры и защиты, предназначенной для выдерживания определенных предполагаемых нагрузок со стороны внешних по отношению к самому субъекту сил; эти качества проявляются как способность твердого объекта длительное время сохранять целостность, пространственную расположенность (или соположенность частей), быть устойчивым к предполагаемой деформации (не шатким, не ломким и т.п.), сохранять функциональную пригодность;

3) ‘орудийность’ / ‘потенциальная опасность’ – проявляется при целенаправленном использовании субъектом твердых предметов в качестве орудия, а также при непреднамеренном негативном тактильном воздействии твердых предметов на человека как способность оказывать осязательное негативное воздействие на воспринимающего субъекта при контактах.

Каждая из названных ситуаций задействована в ассоциативно-образном её переосмыслении, в результате которого формируются устойчивые образные представления, реализованные в целом комплексе образных средств языка. При этом каждое образное пред-

ставление всегда отражает определенный ценностный взгляд человека на мир, связанный со стереотипными нормами, принятыми в социуме. Отклонения от этих норм, маркированные образными средствами языка, сопровождаются эмоциональным отношением говорящего и оцениваются в различных оценочных шкалах: рациональной (хорошо – плохо), утилитарной (полезно – вредно), прагматической (выгодно – невыгодно), этической (этично – неэтично), эстетической (красиво – некрасиво), гедонистической (приятно – неприятно). В связи с этим подавляющее большинство образных единиц данного поля содержат коннотативные признаки – семы оценочности, эмотивности и интенсивности.

На базе первой ситуации (I), которая отражает «внутренние», онтологические качества твердых предметов, обусловленные высокой плотностью структуры вещества, из которых они состоят, формируются следующие образные представления.

ОП 1. Прототипически твердым объектам образно уподобляются материальные объекты (натурфакты и артефакты) – растения, овощи, фрукты, продукты питания (хлеб, сыр...), одежда, обувь, части тела человека и животного и т.д., которые под воздействием внешних факторов: в результате высыхания, замерзания, специальной обработки (дубить, дубление, дублёный) теряют изначально присущие им свойства мягкости, гибкости, пластичности, эластичности, подвижности, становятся жесткими, негибкими, твердыми сверх меры.

Так, образные слова *костенеть, закостенеть, закостенелый, окостенеть, окостенелый; каменеть, закаменеть, закаменелый, окаменеть, окаменелый; задубелый, задубенеть, задубеть, дубовый; деревянный, деревянистый* и др. выражают значение 'ставший твердым, жестким от высыхания, замерзания': «*Купивши сыру, похожего на мыло, и окаменевшей колбасы... мы отправились в трактир*» (Чехов); «*Земля задубенела от вечернего морозца*» (Тендряков); «*Когда от мороза закаменеет земля, то без разрыхлителей с этой плитой не справиться*» (Паустовский); «*Я снял шляпу и пожал ему руку с закостенелым, отсохшим пальцем*» (А. Толстой); «*Хлопцы приехали в задубевшей от мороза одежде...*» (Вершигора).

В данном образном представлении метафорически сближаются материальные объекты на основании сходства (или тождества) их физических свойств. Метафоризация не сопровождается категориальным сдвигом в область явлений иного порядка, в связи с чем реализуется образность «предметно-отождествляющего типа», основанная на сопоставлении, выражаемом при помощи модуса фиктив-

ности «как»: *земля твердая, как дуб/кость; палец отвердевший, как кость*. В оценочном отношении ситуация утраты изначальных нормативных свойств мягкости, пластичности и приобретение чрезмерной (выше утилитарной нормы) твердости интерпретируется говорящим, как правило, негативно и связана с эмоциями досады, сожаления. Не оценочно воспринимаются ситуации, обусловленные естественными природными процессами (*земля задубела от мороза*) и связанные с ожидаемым результатом воздействия (*гипс закаменел*). В последнем случае коннотации образных слов связаны с выражением интенсивности признака.

ОП 2. Ситуация устойчивости к внешним деструктивным воздействиям, характерная для твердых физических объектов, образно уподобляется ситуации физиологической сопротивляемости организмов негативным факторам (устойчивость к болезням, угнетенным состояниям, усталости и т.п.), а также психологической и интеллектуальной сопротивляемости человека подавляющим воздействиям (психологическая устойчивость, интеллектуальная независимость).

Ключевым качеством, на основании которого осуществляется уподобление, здесь выступает ‘сопротивляемость’. В процессе метафоризации происходит категориальный сдвиг из области физических признаков объектов в сферу 1) физиологических свойств, 2) психических свойств, 3) ментальных свойств.

1) Значение ‘здоровый, сильный, выносливый, бодрый’ (о человеке, организме, нервной системе и других системах организма, отдельном органе, части тела) выражают образные слова *крепкий, прочный, крепконогий, железный, стальной, закаленный, закалить, закалка, крепкий сон, крепиться, подкрепиться, подкрепление* ‘то, что придает сил, бодрости (еда, напитки)’ и др.: «*[Алексей] был среднего роста – не выше Никиты, но **крепче, прочнее** его*» (Бондарев); «*Это был **крепкий, коренастый** старик, очень свежий, с гладко выбритым лицом*» (Гаршин); «*Тут человека надо **крепкого, с железными нервами***» (Саянов).

2) Значение ‘смелый, решительный, независимый, верный своим убеждениям, целям, намерениям, упрямый’ (о человеке, характере, воле), а также ‘выражающий силу, независимость, уверенность’ (о взгляде, словах) передают образные слова *твердый, непоколебимый, неколебимый, непреклонный, твердокаменный, стоять твердой ногой, крепиться, крепкоголовый, крепколобый, железный, стальной* и др.: «*Бешеным шквалом бросался и налетал враг на советских моряков, но они оставались **тверды, непоколебимы***» (Новиков-Прибой);

«Тогда в этом **твердом, непреклонном** женском сердце неотразимо созрел план удара» (Достоевский); «В нем было что-то **жестокое, непреклонное** и властное. Сразу чувствовался в адмирале человек **железной воли**» (Станюкович); «**Решительный, твердый** тон командира действовал на матросов **успокаивающе**» (Степанов); «**Игнат Васильич был страшно упрям и крепколоб.** ...Не доказывайте ему ничего... коль скоро заметите, что он с вами не сходит-ся, – даром потеряете время» (Помяловский).

3) Значение ‘отчетливо, хорошо знающий что-л. (о человеке)’, ‘ясный, отчетливый, безошибочный (о знаниях, памяти)’ выражают образные слова *твердый, прочный, твердить, затвердить, задним умом крепок* и др.: «**Набоб вообще не отличался особенно твердой памятью и скоро забывал даже самые остроумные анекдоты**» (Мамин-Сибиряк); «[Учитель *Петр Степанович*] ума был великого и в науках **тверд**» (Достоевский); «Он занимался немецким языком, **твердил** слова, составлял фразы» (Б. Полевой).

Все вышеперечисленные образно обозначенные качества соответствуют верхним пределам нормативных представлений о физических, интеллектуальных и моральных свойствах человека, которые оцениваются, как правило, положительно и вызывают эмоции одобрения (за исключением упрямства, оценка которого ситуативно обусловлена). Коннотации слов, выражающих эти образные представления, содержат эмоциональную оценку одобрения и сему интенсивности.

ОП 3. Устойчивость твердых предметов к деформации со стороны внешних воздействий, которая проявляется в том, что твердый предмет характеризуется непроницаемостью – не пропускает воздух, влагу, его трудно проколоть, порезать, – образно уподобляется ситуации, в которой человек теряет восприимчивость или не обладает способностью хорошо воспринимать информацию эмоционального или рационального характера, как бы обладает психологической и интеллектуальной непроницаемостью. Категориальный сдвиг осуществляется в область 1) психической и 2) интеллектуальной сфер.

1) Значение ‘глупый, упрямый’ (о человеке; квазиденотаты – лоб, голова) выражают слова *пень, дубина, чурка, твердолобый, крепколобый, непрошибаемый, непрошибаемый* и др.: «**Упрется, хоть кол на голове теши, твердолобый такой**»; «**Ну, баба, кажется, крепколобая!** – подумал про себя Чичиков» (Гоголь);

2) Значения а) ‘суровый, такой, которого нельзя разжалобить, неспособный к сочувствию, состраданию’ (о человеке; сердце, душе) выражают слова *твердокожий, твердокаменный, каменное сердце*.

«Ни просьбы, ни посулы, ни лесть, ни упреки, ни даже бунт не могли повлиять на его **твердокаменное сердце**» (Куприн); б) ‘равнодушный, безучастный ко всему окружающему вследствие сильного эмоционального потрясения’ (о человеке, сердце, душе) – *столб, стоять столбом, бревно, каменеть, окаменеть, окостенеть, одеревенеть, остолбенеть, остолбенение, остолбенело* и др.: «А ты, парень, чего **окаменел**? Отец был стар, ветх плотью... Всем нам смерть уготована» (Горький).

Перечисленные образно характеризуемые качества оцениваются негативно, вызывают неодобрение, осуждение, сожаление.

На базе образного переосмысления второй исходной ситуации (II), связанной с функциональным использованием твердых предметов в утилитарных целях, формируются следующие представления:

ОП 4. Способность твердых предметов долгое время выдерживать влияние негативных воздействий, служить в качестве крепкой, прочной опоры, защиты, которая не разрушается, не портится с течением времени, является устойчивой (не шаткой, не зыбкой и т.п.), т. е. способность проявлять стабильность качества, образно уподобляется ситуации стабильности, постоянства, долговременности социальных институтов, общественных явлений, норм, ценностей и т.п., а также уподобляется стабильности, постоянству мнений, убеждений, решений, обещаний и т.п. человека. Метафоризация направлена: 1) в ментально-речевую (интеллектуальную) сферу (мнение, решение, убеждение, слова, клятвы человека и т.п.); 2) в социально-прагматическую сферу (власть, порядок, цены, авторитет, государство, социальные группы и т.п.). Основанием уподобления выступает стабильность качества.

Образные единицы, воплощающие это образное представление, выражают следующие значения.

1) В области ментально-речевой сферы: а) ‘такой, которому не изменяют; такой, который не изменяет; постоянный, верный, надежный’ (клятва, обещание, решение, намерение, слово, человек) – *твердый, твердить, упрочиться, крепкий, непоколебимый, неколебимый, непреклонный, нерушимый, неуклонный, железный, железо, металл в голесе* и т.п.: «Но царь произнес коротко: «Уведите его... Отрубите ему голову». Слово царя **твердо, как агат**» (Куприн); «Сговорчивый и поклядистый в обычное время, он был на этот раз **непоколебим**» (Марков); б) ‘достоверный, правильный, доказательный’ (слова, мнения, решения) – *подтвердить, подтверждение, утвердить, утверждение, крепкий, укрепить, закрепить, неуклонный*

и др.: «Народный бунт, прокатившийся... по всему государству, **утвердил** народ в том, что сил у него хватит, чтобы стать хозяйном земли своей» (А. Толстой).

2) В области социальной сферы: а) 'прочно установленный, неизменный' (порядок, режим, образ жизни, социальные институты, привычки, положение в обществе, цены, тарифы, штаты) – *твердый, стоять твердой ногой, стоять на твердой почве, твердыня, крепкий, прочный, прочность, упрочить, неколебимый, непоколебимый, нерушимый, стойкий, устой* и т.д.: «Правильной, **твердой** семейной жизни не было» (Толстой); «Семейная **твердыня**, вздвигнутая неумолимыми руками Анны Петровны, рухнула» (Салтыков-Щедрин); «Лаврецкий, на сколько мог, обеспечил и **упрочил** быт своих крестьян» (Тургенев); б) 'сильный, требующий безусловного подчинения' (власть, политический режим) – *твердый, утвердить, укрепить, закрепит, закрепит, закрепит* и др.: «Синельников понимал, что без **твердого** режиссерского руководства... спектакль создать невозможно» (Слонова); «Они, умеренные республиканцы, хотели **утвердить** во Франции республиканскую форму правления» (Чернышевский).

Оценочные смыслы, связанные с каждой образной параллелью в рамках общего образного представления, оказываются ситуативно и контекстуально обусловленными. Если обозначенное образным словом качество соответствует общепринятым социально-этическим и социально-прагматическим нормам, то оно оценивается положительно, если нет – то отрицательно. Ряд слов не выражают эмоциональную оценку и связаны с выражением интенсивности признака: *утвердить, закрепит, утверждение* и т.п.

ОП 5. Способность твердых, крепких, прочных предметов, используемых в качестве средств опоры и защиты, долгое время сохранять целостность и функциональную пригодность образно ассоциируется с постоянством и надежностью социальных связей между людьми; с богатством, силой и благополучием социальных групп. Перенос осуществляется в область 1) социально-этической (любовь, дружба, отношения в семье, в коллективе и т.д.) и 2) социально-прагматической сферы (семья, хозяйство, войско, оборона и т.д.). Оценка связана с позитивным, одобрительным эмоциональным отношением, так как данные качества удовлетворяют этическим и утилитарным нормам общества.

1) К области социально-этической сферы относится значение 'постоянный, надежный, не подверженный переменам', которое вы-

ражают слова *прочный, упрочить, крепкий, крепить, укрепить, неразрывный*: «Сможет ли он дать ей не мимолетное, а **прочное** счастье – на всю жизнь?» (Борзенко); «[Макар] любил мечтать о хорошем, – жило в нем **крепкое** чувство единства и родства с людьми» (Горький).

2) Значение ‘сильный, зажиточный, богатый’ относится к сфере социально-прагматической; его выражают слова *крепкий, твердо стоять на ногах. Крепкое хозяйство. «Стоит его, Фадее Назарова, мельница старая, но лучшая в округе, мирно, в почете проходит налаженная им **крепкая** хозяйственная жизнь»* (Горький); «Хозяева жили в колонии **крепкие**: дома каменные, виноградники большие» (Беляев).

ОП 6. Способность твердых, крепких, прочных предметов быть устойчивыми, нешаткими, сохранять стабильность формы образно уподобляется таким явлениям физической и физиологической сфер, как четкость, правильность, устойчивость походки, жестов, которые как бы не отклоняются от нормы. Метафорический сдвиг происходит в сторону физической и физиологической сферы. Образное содержание выражает позитивную оценку и одобрение. Значение ‘уверенный, устойчивый (шаги, походка, движения)’ выражает метафора *твердый*.

На базе третьей ситуации (III), связанной с потенциальной опасностью твердых предметов для человека, возможностью их использования в качестве орудия и оружия, со способностью причинять болевые и деструктивные воздействия, формируются следующие образные представления.

ОП 7. Существенные ощутимые воздействия твердых предметов на человека при тактильных контактах образно ассоциируются с резким воздействием на органы чувств со стороны других сенсорных раздражителей: яркого света, громкого звука, сильного ветра и мороза, резкого вкуса еды и напитков, тактильных ощущений от рукопожатия и т.п. Метафоризация осуществляется в пределах одной сферы на базе синестезии – переноса ощущений из одной модальности (тактильные ощущения) в область другой модальности (вкусовые, звуковые, температурные и т.п.).

Значение ‘очень сильный, резкий (голос, звук, мороз, ветер); насыщенный (вкус, запах)’ выражает метафора *крепкий, крепчать, крепленный (о вине), жесткий, жестокий, жесткость, грубый и др.: Ветер крепчает, мороз крепчает; «Кто-то зажег костёр, и оттуда, вместе с дымом, несся **крепкий** запах смолы»* (Закруткин); «Го-

лос его (Скитальца) был **крепкий**, приятный, грудной и выразительный бас» (Телешов); «Сильный, **жесткий** мороз; твердый, искристый снег» (Тургенев).

Данные образные единицы не несут эмоционально-оценочных коннотаций, но выражают высокую степень интенсивности признака.

ОП 8. Способность твердых предметов деструктивно либо негативно воздействовать на объект при контактах образно ассоциируется со способностью человека причинить моральный и физический ущерб: причинить боль, эмоциональную травму, дискомфорт и т.п. Категориальный сдвиг осуществляется в область социально-этической сферы. Оценивается негативно, вызывает эмоцию осуждения, так как данные качества находятся значительно ниже этической нормы.

Значение 'лишенный чуткости, суровый, резкий (характер, человек, слова)' выражают слова *твердокожий, крепкое слово, крепкий, жесткий, жестокий, жестокосердный, жестокость, черствый, черстветь, сухарь, грубый, грубиян* и др.: «Как мне досадно на себя: мои слова всегда так **жестки!**» (А. Островский); «**Жестокый** вы и бессердечный человек!» (Писемский); «Мое сердце уже размячено образованием, оно не **загрубеет** в пороке» (А. Островский); «Она считала Боря бессердечным и все удивлялась, откуда у него такой **черствый** характер» (Паустовский).

Таким образом, «вертикальную» структуру понятийного уровня ассоциативно-образного поля образует ряд образных представлений, обусловленных типовыми ситуациями, пропозициями, определяющими аспект метафорической интерпретации базового признака. Всего в структуре ассоциативно-образного поля ТВЕРДЫЙ были выявлены три типовые пропозиции, связанные с предикатами эталонов: (I) устойчивость твердых предметов к внешним воздействиям; (II) использование твердых предметов в качестве опоры и защиты; (III) использование твердых предметов в качестве орудия. А также восемь пропозиций, связанных с динамическими признаками денотатов. Подобная асимметричная структура обусловлена тем, что одна прототипическая ситуация может метафоризироваться в разных аспектах и образно характеризовать различные сферы внеязыковой действительности.

На лексическом уровне каждое образное представление эксплицируется комплексом образных средств, группирующихся в 8 микрополей, каждое из которых объединено общим образным представлением:

На базе первой ситуации:

1) *руки закаменели, деревянистое яблоко...* (предмет стал таким же твердым, как камень, дерево);

2) *крепкий человек, железные нервы...* (физиологические и психологические качества человека уподобляются твердым предметам на основании признака 'сопротивляемость внешним воздействиям');

3) *твердолобый, твердокаменный, пень, дубина...* (интеллектуальные и психологические качества человека уподобляются твердым предметам на основании общего признака 'непроницаемость', подобная 'интеллектуальной и эмоциональной невосприимчивости');

На базе второй ситуации:

4) *жесткий график, твердые цены, косность...* (социальные явления уподобляются прочным конструкциям из твердых материалов, способных долгое время служить в качестве опоры и защиты, на основании фактора 'стабильность');

5) *крепкая семья, прочный мир...* (социальные явления уподобляются прочным конструкциям из твердых материалов, способных долгое время служить в качестве опоры и защиты, на основании фактора 'целостность, надежность');

6) *твердый шаг...* (физические проявления человека уподобляются прочным конструкциям из твердых материалов, способных долгое время служить в качестве опоры и защиты, на основании фактора 'устойчивость');

На базе третьей ситуации:

7) *крепкий запах, мороз крепчает, жесткий ветер...* (ощущения от тактильного восприятия твердых предметов переносятся на обонятельные, температурные, вкусовые, зрительные ощущения на основании фактора 'резкое воздействие');

8) *черствый человек, сухарь, зачерстветь...* (психологические и социально-этические качества личности уподобляются орудийным качествам твердых предметов на основании фактора 'опасность, причинение вреда').

3.3. Концептуализация признака по данным его метафорического воплощения в языке

Анализ признаковых образных полей позволяет сделать некоторые выводы относительно концептуализации самих признаков в языковой картине мира. Так, например, становится очевидным, что

признаковый концепт формируется в онтогенезе и осознается, понимается, осмысливается через соотношение с типовыми (прототипическими) носителями данных признаков, с одной стороны, и через процессуальную реализацию этого признака – с другой. Как пишет С.М. Толстая, «признак не столько «принадлежит» объекту, сколько «задается» человеком; это та сторона познаваемого объекта, которая выделена познающим субъектом в качестве релевантной и как бы отторгнута от объекта; это инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты» [Толстая, 2002, с. 9]. Признаковый концепт входит в пропозицию, фрейм, типовой сценарий (ряд пропозиций), отражающий различные прототипические проявления признаков у предметов-носителей признаков: острый нож хорошо режет, игла – колет, тупой – плохо режет, колет, твердый камень не ломается, твердый металлический или деревянный стержень не гнется, прочная цепь не рвется. Структура пропозиции, лежащей в основе образной ассоциации, может выражаться следующим образом: 'X обладает свойством Y, которое позволяет / не позволяет ему осуществлять процесс P', а в семантике образного средства данная пропозиция удваивается, совмещая свойства объектов из разных категориальных сфер посредством модуса фиктивности. Удвоение пропозиции, совмещающее представления о метафорически соотносенных сферах действительности, формирует образное представление, реализованное в семантике языковых единиц.

На основании анализа метафорических средств языка, реализующих образ «твердости», реконструируется «наивная физика твердого тела». Это те знания о твердых предметах и их свойствах, которые входят в обыденное сознание русского человека, зафиксированы в языке и актуальны в процессе образного ассоциирования. Четко и явно в языковой картине «твердости» просматриваются только те черты, которые оказались значимыми в образном переосмыслении данного признака при метафорической характеристике или номинации преимущественно непредметных (чувственно не воспринимаемых), но также и предметных сфер действительности. Так, доминантным для квалификации какого-либо объекта как твердого является признак 'высокая степень плотности', представленный в разновидностях: а) 'плотность всего предмета' (*твердый, крепкий*); б) 'плотность соединения составных предметов' (*прочный, крепкий*); в) 'плотность поверхности предмета' (*жесткий, грубый*). К числу доминантных динамических свойств проявления «твердости» отно-

ются: а) ‘сопротивляемость – способность сохранять внутреннюю целостность при воздействии извне’ как проявление преимущественно свойства ‘высокой плотности всего предмета’; б) ‘стабильность – способность сохранять пространственную расположенность (или соположенность частей) при воздействии извне’ как проявление преимущественно свойства ‘высокая плотность соединения частей предмета’; в) ‘орудийность – способность оказывать осязаемое воздействие на воспринимающего субъекта при контактах’ как проявление преимущественно свойства ‘высокой плотности поверхности предмета’.

Признаковые концепты играют важную роль в формировании культурно значимых образных стереотипов языкового сознания личности. Они активно и регулярно выступают основанием образного (метафорического) моделирования различных непредметных сфер окружающего мира: сфер эмоций, ментальной деятельности, социальной жизни, абстрактных категорий. Сопоставление данных, полученных в результате реконструкции фрагмента русской языковой картины мира, отражающего образное воплощение признака твердости, с результатами ассоциативных экспериментов, представленными в «Русском ассоциативном словаре», позволило сделать вывод о релевантности этой картины языковому сознанию личности носителя языка. Реакции носителей языка на слова-стимулы, входящие в ассоциативно-образное лексико-семантическое поле «ТВЕРДЫЙ», регулярно воспроизводили типовые образные представления.

Например, реакции на слова-стимулы, называющие качества, образно выражаемые в языке посредством признака твердости, всегда включали слова, входящие в поле «ТВЕРДЫЙ»: *бездушный* – жестокий (4 ответа), камень (1), черствый (1) [РАС, т. 1, с. 16]; *нечуткий* – черствый (3), жесткий, жестокий (по 2), деревянный, каменный, пень (по 1) [Там же, с. 93]; *пустоголовый* – чурбан (8), пень (7), дуб, дубина (по 3), деревянный (2), дерево, дубовый (по 1) [Там же, с. 137]; *здоровье* – крепкое (45), железное (9), дерево, железный ком, железо, крепкий (по 1) [Там же, с. 57]; *нервы* – железные (13), стальные (7), крепкие (5), железо, не железные (по 1) [Там же, с. 107].

Реакции на слова-стимулы, называющие эталонные твердые предметы, связывались с их образным функционированием (выделено прописными буквами), а также воспроизводили целую серию эталонов твердости: *камень* – твердый (10), булыжник, гранит, кирпич (по 8), глыба, НА СЕРДЦЕ (по 5), гора, кремень, скала (по 4), валун, горы, НА ГОЛОВУ, СЕРДЦЕ (по 3), ЗА ДУШОЙ (2), ГОЛОВА, же-

лезо, жесткий, крепкий, лед, НА ДУШЕ, С ДУШИ, свалился, твердая порода, твердость (по 1) [Там же, с. 64]; *железо* – сталь (29), металл (28), твердое (17), медь (13), дерево, золото, твердый (по 5), твердость (4), бетон, камень, кремень, чугун (по 3), бетонно, броня, В ГОЛОСЕ, В ГРУДИ, ВЕК, ВЕЧНОСТЬ, закалить, каменное, крепкий, крепкое, металлическое, СИЛЬНЫЙ, стойкость, столб, твердо, ХАРАКТЕР, цемент, цепь (по 1) [Там же, с. 51]; *деревянный* – ЧЕЛОВЕК (15), дубовый, ЛОБ (по 7), дуб, железный (по 6), столб, доска (по 5), пень, УМ (по 3), ДУРНОЙ, каменный (по 2), ГЛУПЫЙ, ГОЛОВА, дубина, неподвижный, непробиваемый, прочный, стальной, твердый, ТУГОДУМ, чурбан (по 1) [Там же, с. 44].

Таким образом, в реакциях рядовых носителей русского языка на слова, называющие как образы-эталоны, так и денотаты образной номинации, регулярно воспроизводятся устойчивые образные представления, воплощенные в узуальных образных единицах языка.

Многие типовые образные представления, основанные на признаковой символической, отражают архаичные пласты сознания, практический опыт предков в освоении окружающего мира. Например, такие образные стереотипы, как ‘твердый/крепкий/прочный – здоровый, сильный выносливый’, ‘твердый/жесткий/острый – опасный, враждебный, болезненный’, являются основой «сюжетостроения» в архаичных заговорах от болезней, отражаются в древних обрядах и поверьях (игла, веретено – острые и твердые предметы, служащие оберегом, защитой от злых сил). Приведем фрагмент заговора, в котором металлы и камень выступают в магической функции как такие субстанции, которые не подвержены болезни и порче: *«Как лежыт медь и железо, не имеют в себе ни щепоты, ни болезни... так бы аз, раб Божий (имярек), не имел в себе ни болезни, ни щепоты... Как не имат в себе камень ни щепоты, ни болезни... так бы аз, раб Божий (имярек), не имел в себе ни болезни, ни щепоты...»*; «...И тот мужеведун заговаривает у раба Божия (имярек) *ураз[ы] деревянные, ураз[ы] костяные, ураз[ы] железные, ураз[ы] земляные»* [Топорков, 2002, с. 368–369]. В библейских текстах словосочетание «медь и железо» используются как символ упорства в своих заблуждениях.

В традиционной культуре концептуализация признака «проявляет себя в изофункциональности... предметов, обладающих данным признаком», при этом для языка культуры «характерна абсолютизация признака, необходимая для превращения его в символ: даже самая слабая степень присутствия или проявления признака достаточна для того, чтобы его обладатель мог выполнить свою символическую

скую функцию» [Голстая, 2002, с. 12–13]. Так, например, все острые орудия (коса, вилы, нож, игла и т.д.) используются в качестве оберега в защитных и отгонных ритуалах, направленных против нечистой силы. При этом игла как носитель признаков «острый» и «железный» («твердый») в своей магической силе отгона опасностей ничем не уступает топору или вилам.

В связи с этим типовые образные представления, закрепленные в языке, можно рассматривать как средство межпоколенной трансляции культурно значимой информации и как фактор формирования культурно-исторического сознания личности.

Анализ текстов современных авторов демонстрирует устойчивость и воспроизводимость данных образов, их активное функционирование в живой устной и письменной (в том числе художественной) речи: *закаменеть / закостенеть / окаменеть* ‘стать безучастным ко всему в результате сильного эмоционального впечатления’ – «– *Шибко плакала на похоронах она. – А Валя? – Ну, Валентина – я так-то её... Не так. – Сердце, может, **закаменело**...*» (разговор жителей с. Вершинино Томской области); «*Вице-губернатор предложил матери солдата помочь всем, чем сможет: в трудоустройстве, в лечении, в материальном плане, чтобы только не **закостенеть** ей в своем горе...*» (Ю. Соколова, «*Наши долг – быть рядом*». «АИФ»); «*У меня сегодня много дела: / Надо память до конца убить, / Надо, чтоб душа **окаменела**, / Надо снова научиться жить*» (Ахматова).

ОБРАЗНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ В ТЕКСТЕ

Язык не есть только материал поэзии, как мрамор – ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нем невозможна, если забыто наглядное значение слова.

А.А. Потебня

Под текстовой парадигмой, вслед за Н.С. Болотновой, понимается «совокупность лексических единиц, объединенных концептуально на основе какого-либо общего элемента: внешнего (экстралингвистического) и/или внутреннего (лингвистического). Общий внутренний (лингвистический) элемент членов текстовой парадигмы может быть формальным, содержательным (смысловым) и формально-содержательным» [Болотнова, 1994, с. 40]. Текстовые лексические парадигмы воплощают фрагмент «ассоциативно-смыслового поля» текста. «Под ассоциативно-смысловыми полями понимаются концептуально объединенные лексические элементы на основе их эстетических значений, т. е. системных текстовых качеств слов» [Там же].

Образная текстовая лексическая парадигма как разновидность текстовой парадигмы представляет собой актуализированный в тексте фрагмент узуального ассоциативно-образного лексико-семантического поля, включающий образные языковые единицы, объединенные общностью ассоциативно-образного и/или предметно-понятийного содержания и вариативно реализующие в своей семантике типовое образное представление об определенном концепте.

Методика описания текстовых лексических парадигм, актуализирующих типовое образное представление, выявленное на основе анализа семантики узуальных образных средств языка и верифицированное по данным свободного ассоциативного эксперимента, сближается с методами и приемами смысловой интерпретации художественного текста, разработанными Н.С. Болотновой и её последователями (И.А. Пушкарева, С.М. Карпенко, И.И. Бабенко и др.) в рамках коммуникативной стилистики [Болотнова, 1992, 1994, 2001, 2004 и др.]. В данном направлении лингвостилистики реализуется «системный лексикоцентрический подход к тексту как форме коммуникации, который отличается интегративностью и регулятивно-

стью, связан с ассоциативной деятельностью адресата, на основе которой создается представление о концептах текста, их взаимосвязи, формирующей и определяющей смысл целого произведения» [Болотнова, 2001, с. 13]. Методика смыслового анализа текста предполагает изучение «ассоциативных связей слов и лексических микроструктур, формирующих ассоциативно-смысловые поля концептов, которые, сопрягаясь, создают в сознании читателя представление о содержательно-концептуальной информации текста, т. е. его глубинном смысле» [Там же, с. 12]. При этом один из путей анализа художественного текста направлен «от изучения вербально выраженных в тексте ассоциативно-смысловых полей концептов к их сопряжению и обобщению» [Там же, с. 13]. Поскольку в нашем исследовании предметом анализа выступает образный строй языка, то и направление анализа будет идти, соответственно, от узуальных типовых образных представлений к их авторской эстетической интерпретации и текстовой реализации в виде актуализированных лексических парадигм, а затем – к обобщению на уровне авторской картины мира.

4.1. Образные лексические парадигмы в микроконтексте

Если образные слова имеют смысловую общность или тождество значения ассоциатива при сходном (иногда синонимичном) предметно-понятийном содержании, можно говорить о структурно-семантической аналогии в пределах одного образного поля. Такие единицы реализуют в своем значении одно образное представление, вариативно воплощенное в ассоциативном содержании использованных в контексте слов: *«Мы, женщины, можем себе позволить роскошь быть и слабой, и незащитной, но когда необходимо – твердой и настойчивой. Мужчины же всегда должны быть как кремль»* (О. Дроздова, журнал «Она»); *«Но это не безысходная скорбь... Не наивная и беспричинная жизнерадостность, а мудрый жизнеутверждающий оптимизм, прошедший через горнило страданий и закалившийся, окрепший в нем»* (Г. Волков, текст о музыке Моцарта); *«Стихия Дерева символизирует выход из оцепенения и задумчивости, нарушение равновесия и бурное развитие. В такие периоды появляются яркие лидеры, а закастневевшее и отжившее*

*отступает под натиском свежих перспективных идей» (Астрологический прогноз, журнал «Мари Клер»); «Любят, рубят – единый звук / Мертвенный! И сие любовью / Величаете? Мышиц игра – / И не боле! **Бревна дубовой / И топорнее топора»** (Цветаева. «Ариадна»)). Все образные слова, употребленные авторами в приведенных контекстах, относятся к общему ассоциативно-образному полю метафоризации исходного признака «твердый» и реализуют два образных представления, в первом из которых образы твердости воплощают идею духовной, эмоциональной и физической силы, верности своим взглядам, идеалам (*твердый* ‘сильный духовно, решительный’, *настойчивый* ‘решительный, всегда добивающийся своей цели’, как *кремень* ‘о сильном, решительном человеке’, *жизнеутверждающий* ‘проникнутый бодростью, радостным отношением к действительности, словно утверждающий, делающий сильной любовь к жизни’, *закалившийся* ‘ставший сильным, неизменным, неподверженным воздействиям негативных обстоятельств’, *окрепший* ‘ставший сильным, неизменным, неподверженным воздействиям негативных обстоятельств’); во втором – идею духовной, эмоциональной, социальной неподвижности, отсутствия развития (*оцепенение* ‘утрата эмоциональной отзывчивости’, *закостеневший* ‘прекративший развитие’, *бревно* ‘о бесчувственном человеке’, *дубовый* ‘грубый, невосприимчивый, нечуткий’, *топорный* ‘грубый, лишенный изящества’).*

Третья разновидность актуализации образного содержания слова в тексте посредством ассоциативного дополнения по структурно-семантической аналогии связана с употреблением образных слов, воплощающих одну базовую метафорическую модель. Образные значения таких слов реализуют общее направление переноса значения из одной понятийной области в другую: «[Ю. Шигарева:] – Как вы думаете, Фазиль Абдулович, почему сегодня не осталось писателей, которые могли бы создавать вещи **глубокие** и **серьезные**, но при этом написанные **лёгким** слогом? [Ф. Искандер:] – У молодого поколения **этические** и **эстетические** нормы изменились – они больше заняты **внешними** эффектами... Нам же казалось, что читательский интерес могут и должны привлечь **острота** поставленного вопроса, **глубина** прозы» (Интервью «АИФ»). Все употребленные образные слова реализуют в своем значении метафоризацию признака качества: перенос наименования со свойств объектов физического мира на свойства ментально-речевой сферы деятельности человека, следствием чего являются закрепленные за образными значе-

ниями языковых метафор концептуальные воплощения идеальных явлений по образу и подобию мира реального, чувственно постигаемого.

При актуализации образного значения путем ассоциативного дополнения по структурно-семантической аналогии может быть задействована структурная мотивация (столкновение в тексте одноструктурных образных единиц либо однокоренных образных единиц с различными аффиксами), подчеркивающая однотипность различных образных наименований, что делает лексический образ ярким, наглядным, выпуклым. Данный способ актуализации широко применяется в художественной речи (реже – в разговорной) как средство создания экспрессии, выразительности и, как правило, связан с использованием различных фигур речи и приемов художественной выразительности. Одноструктурность употребляемых в контексте образных слов подчеркивает, усиливает синонимичность или антонимичность их предметно-понятийного и ассоциативно-образного смысла, что используется в тексте для усиления соответственно сопоставления или противопоставления понятий, наделенных сходными образными характеристиками. Этим обусловлено использование однокоренных и одноструктурных образных слов при создании приемов градации и антитезы, а также при совмещении этих приемов в противопоставлении целых синонимических рядов. Приведем примеры.

Антитеза, построенная на использовании образных контекстуальных антонимов, объединенных общим образным представлением, воплощенным в их ассоциативном содержании: «Вон какие парни за ей ходили, всех **отшила**, **привязалась** к этому ироду»; «Загляни в себя, Паша, неужели ты успел **закостенеть**? Неужели тебе не хочется хоть иногда **разорвать цепи**, **оторваться** на полную катушку?» (Д. Липскеров. *Интервью*); «Вы станете более **раскованным** и веселым. Ваше обаяние и привлекательность возрастут по мере открытия вами самих себя, не **закovaných** в рамки чувства вины» (Н. Правдина).

Антитеза, построенная на использовании образных контекстуальных антонимов, реализующих в образном содержании различные ассоциаты: «Весь этот вечер Артем чувствовал себя то **окрыленным**, то, наоборот, **подавленным**» (Марков. «Строговы»); «Ишь, бездельник. Нячила, гадала – **богатырь** растёт, вынячила миру **захребетника**» (М. Горький. «Последние»).

Прием градации, построенный на использовании образных слов, реализующих общее образное представление: «К плохому обяза-

тельно **кусочки, крохоборы**, с изъяном людишки тянутся» (Еленин. «Тысяча отчаянных километров»).

Прием оксюморона, построенный на использовании образных слов, реализующих антонимически противопоставленные образные представления: «**Мягкая опора для крепкой семьи**» – текст щитовой рекламы мягкой мебели с изображением счастливых членов семьи, сидящих на мягком диване.

Прием градации, построенный на использовании образных слов с разными ассоциатами: «**Неужели у него не хватит воли забыть ее? Он презирал себя, называя себя тряпкой, размазней, слюнтяем**» (Гранин. «Искатели»); «**Хлестаков** сделался непревзойденным эпитетом для всяческих **свистунов, бахвальщиков, пустозвонов**» (Федин. «Гоголь»); «**Никогда Фома Опискин не будет ни льстецом, ни лизоблюдом, ни прихлебателем** вашим» (Достоевский. «Село Степанчиково»); «**Расхожее сравнение Пушкина с Моцартом! ...Сравнение затерлось, приелось, стало банальным и уже не задерживает нашего внимания...**» (Г. Волков); «[Толкачев:] **Выходишь из присутствия разбитый, измочаленный**» (Чехов. «Трагик поневоле»); «**Человек он был, по всей видимости, простодушный, чистосердечный** и настолько доверчиво отнесся к новому знакомому, что под конец рассказал и о своем сыне» (Марков. «Строзовы»); «**Начинаются оттепели... Снег делается зернистым, ноздреватым, оседает, чернеет**» (Паустовский. «Золотая роза»).

Комбинация приемов: контрастное противопоставление синонимических рядов, объединенных общим образным основанием: «**Её [Марины Цветаевой] нагромождения ударных слогов, её тире, её бесконечные переносы как бы призваны вбить кол в слово, пригвоздить читателя к смыслу, к содержанию. ...Начала, казалось бы, противоречащие друг другу, взаимоисключающие – с одной стороны, невероятная, бурная, взрывающаяся эмоциональность, а с другой – столь же невероятно острая, всепроникающая, пронзительная мысль – все сплелось в Цветаевой в неразрывное целое**» (Б. Тагер).

4.2. Образные лексические парадигмы в макроконтексте

Речевое «развертывание» типового образного представления и его текстовая реализация в форме воспроизведения фрагментов узучальных ассоциативно-образных полевых структур может осуществляться на значительном текстовом пространстве: в целостном рече-

вом (художественном) произведении или в совокупности речевых произведений одного автора. То или иное типовое образное представление может составлять основу сюжетостроения одного произведения (стихотворения). Несколько образных представлений могут иметь сквозное развитие в произведении или в творчестве автора: служить средством выражения характеристики персонажей, авторского отношения, являться средством авторского миромоделирования. Образные текстовые лексические парадигмы в этих случаях несут основную коммуникативную нагрузку в достижении цели речевого воздействия на адресата и эстетическую нагрузку в осуществлении авторского коммуникативного (художественного) замысла. Образная лексика выступает при этом в роли ключевых слов, реализующих смысловое развертывание текста. Это даёт возможность представить, с одной стороны, особенности ассоциативно-образного аспекта дискурсивной (текстопорождающей) деятельности автора, обуславливающие специфику его идиостиля, а с другой стороны, соотношение общеязыковой образной системы и её воплощения на уровне сознания отдельной языковой личности. Подобное соотношение может продемонстрировать сопоставление языковых ассоциативно-образных полей, выявленных по совокупности данных русского языка, и вариативного индивидуального употребления их фрагментов в текстах одного автора.

С целью изучения соотношения образного строя языка, моделирующего фрагмент языковой картины мира, и образного строя художественного произведения, моделирующего картину мира автора, рассмотрим текстовые образные лексические парадигмы, отражающие метафоризацию признаков «твердый» / «мягкий» и «тяжелый» / «лёгкий», в поэтических произведениях М. Цветаевой в их соотношении с узуальными типовыми образными представлениями, сформированными на базе метафоризации этих качеств в русском языке.

В основе многих сквозных поэтических образов М. Цветаевой лежит образное представление, основанное на ассоциативном сближении способности твердых предметов сохранять внутреннюю структуру под воздействием внешних факторов со способностью человека быть сильным и противостоять негативным влияниям, условиям. Они выражают идею духовной стойкости, силы человека, уверенности, выносливости, смелости, решительности. Основанием образной ассоциации выступает такое качество твердых предметов и материалов, как сопротивляемость. В стихотворениях М. Цветаевой эти качества выражаются посредством предметных эталонных обра-

зов – металлов: *железо, сталь*, дерева: *дуб*. В качестве примера приведем стихотворение, посвященное Павлу Антокольскому, где образ *железа* как эталона твердости является сквозным и выполняет текстообразующую функцию.

*Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу – восторг – и безнадежность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово: нежность.*

*Чтоб голову свою в шальных кудрях,
Как пенный кубок возносил в пространство,
Чтоб обратило в огонь – и в пепел – и в прах
Тебя твое железное спартакство.*

*Когда ж к твоим пророческим кудрям
Сама Любовь прикиннет красным углем,
Тогда молчи и прижимай к губам
Железное кольцо на пальце смуглом.*

*Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге, –
Чтоб в буре дней стоял один – как дуб,
Один как Бог – в своем железном круге.*

Ключевым образом, символизирующим идею духовной стойкости, противостояния жизненным соблазнам и верности избранным идеалам выступает образ *железного кольца*, которое лирическая героиня преподносит в дар адресату поэтического послания в качестве своеобразного оберега, магического предмета, способного наделить его обладателя соответствующими личностными качествами. Железное кольцо изначально наделено символическим смыслом и символической функцией оберега – хранить *железное спартакство* – силу духа, мужественную стойкость, способность противостоять соблазнам и искушениям; оно должно явиться *первым звеном* в его *кольчуге*, состоящей из множества железных колец, символизирующей, в свою очередь, ещё более мощную и надежную защиту. В заключительной строчке стихотворения образ *железного кольца* перерастает, расширяясь, в образ «*железного круга*», ограждающего героя и охраняющего его вдохновение, но в то же время обрекающего его на одиночество. Образом *железного круга*, своеобразной прочной границы между внутренним миром поэта и миром всех остальных

людей, замыкается кольцевая композиция стихотворения, в котором идея *железного кольца* находит и композиционное воплощение.

Идея духовной стойкости выражается в стихотворении через образы «железных» защит, выполняющих символическую функцию берегов, и сопровождается некоторой авторской иронией, поскольку основной соблазн, отвлекающий героя от поэтического творчества, – это женская любовь и нежность. В стихотворении *твердость* противопоставлена *нежности* («*Чтоб позабыл ты даже слово: нежность*»), а железное кольцо выступает антиподом золотому обручальному кольцу, символизирующему любовь. Любовь и нежность характеризуются в стихотворении через образы «огня»: *огнь, пепл и прах* (продукты сгорания), *красный уголь*.

Ещё один образ, символизирующий в этом стихотворении идею твердости духа, – это образ *дуба* («*Чтоб в буре дней стоял один – как дуб*»). Интересно, что в языковой картине мира, выявленной по данным узуальной образной лексики, *дуб* как эталон твердости образно выражает глупость и упрямство (*дуб, дубина, дубиноголовый 'о глупом и упрямом человеке'*), но в поэтическом тексте, вслед за фольклорной традицией, *дуб* символизирует мужественность, силу, стойкость. В целом же стихотворение по характеру используемых образов, по наличию предмета, наделенного магической функцией, по основной авторской интенции (стремление уберечь, защитить) сближается с таким фольклорным жанром, как заговор.

Эталоном смелости, решительности, духовной силы и стойкости выступает сталь: «*Тающая легче снега, // Я была – как сталь. // Мячик, прыгнувший с разбега // Прямо на рояль*» (*Мальчиком, бегущим резво...*); «*...Быть как стебель и быть как сталь // В жизни, где мы так мало можем, // Шоколадом лечить печаль // И смеяться в лицо прохожим*» (*Легкомыслие! – Милый грех...*); «*Красота, не увянешь за лето! // Не цветок – стебелек из стали ты, // Злее злого, острее острого, // Увезенный – с какого острова?*» («*Ты проходишь своей дорожкой...*»). Такие черты характера, как душевная сила, стойкость («быть как сталь»), соединяются автором, казалось бы парадоксально, с идеей душевной тонкости и гибкости («быть как стебель») и рождают внешне противоречивый образ «стебелек из стали», который органично выражает цветаевскую суть женского характера – единство душевной тонкости, нежности и гибкости (стебелек – внешняя форма) с внутренней силой, стойкостью, решительностью (сталь – духовная сущность).

В поэтических текстах М. Цветаевой образное выражение признака или свойства практически всегда передается через апелляцию к эталонному носителю этого признака. Гораздо реже встречается эстетическая актуализация образных слов, воплощающих предикативный (признаковый или процессуальный) аспект образного представления «твердости»: «*Я на душу твою – не зарюсь! // **Нерушима** твоя стезя. // В руку, бледную от лобзаний, // Не вобью своего звонда...*» (*нерушимый* – неизменный, постоянный, который, подобно крепким, твердым предметам, нельзя разрушить). Предметность эталона позволяет создать максимально яркие образы, активизирующие все возможные каналы конкретно-чувственного восприятия: зрительные, тактильные, температурные и т.п. Для поэтического творчества Цветаевой характерен прием апелляции к образам-эталонам в форме сравнения/уподобления при опущении в тексте основания такого сравнения: «*Быть как стебель и быть как сталь*», «*Кто создан из камня, кто создан из глины, а я серебрюсь и сверкаю...*» и т.п.

Подобные «эталонные» характеристики могут выстраиваться в синонимические ряды по принципу градации, а также противопоставляться по контрасту, как, например, в стихотворении о Н.Н. Гончаровой, начинающемся строчкой «Счастье или грусть – Ничего не знать наизусть...»: «*Сон или смертный грех – // **Быть как шелк, как пух, как мех**. // И, не слыша **стиха литого**, // Процветать себе без морщин на лбу, // Если грустно – кусать губу...*». Здесь образы *шелка, пуха, меха*, служащие в языковой картине мира эталонами *мягкости и легкости* и образно выражающие такие качества человека, как доброта, нежность, но в то же время – слабость, податливость, несерьезность, легкомыслие, характеризующие в данном случае образ героини, противопоставлены *твердости* пушкинского «*стиха литого*», словно «вылитого» из металла. В данном случае признак твердости в его проекции на ментально-речевую сферу выражает идею способности сильного воздействия, выражения внутренней смелости, решительности (ср.: *твердый/железный/стальной взгляд, голос, слова, решения* и т.п.).

Образное представление, связанное с ассоциативным сближением невосприимчивости твердых предметов к воздействиям извне (они не мнутся, не гнутся, не рвутся, не пропускают свет и влагу и т.п.) с затрудненной способностью человека к восприятию, в поэтическом творчестве М. Цветаевой характеризует психологическое состояние человека: безучастность, отрешенность, притупленность

восприятия происходящего вследствие крайне сильного душевного потрясения. Эталоны «твердости» здесь выступают *столб, бревно, дуб, камень, булыжник, гранит*: «Так – только Елена глядит над кровлями // Троянскими! В **столбняке** зрачков // Четыре провинции обескровлено // И обезножено сто веков («Ариадна»); «Я глупая, а ты умен, // Живой, а я **остолбенелая**...» («Две песни»); «**Остолбеневши, как бревно, // Оставшееся от аллеи, // Мне все равны, мне все равно...**(«Госка по Родине...»); «Любят, рубят – единый звук // Мертвенный! И сие любовью // Величаете? Мышц игра – // И не боле! **Бревна дубовой // И топорнее топора** («Ариадна»).

Автором используются собственно образные лексемы *столбняк, остолбенеть* и *остолбенелый* в их общеязыковом значении: ‘стать (ставший) неподвижным, замереть (замерший) от сильного удивления, потрясения’. Метафорическая внутренняя форма этих слов актуализируется в общем смысловом контексте стихотворений посредством художественных приемов контраста («живой – остолбенелая», т. е. уже ‘не живая, замершая’) и сравнения («остолбеневши, как бревно»), когда состояние отчужденности, равнодушия, невосприимчивости живописуется посредством сразу двух эталонов твердости (столб, бревно), дополняющих и усиливающих друг друга по принципу градации. Подобная ситуация встречается и в следующем стихотворном фрагменте: «Буду ждать тебя (в землю взгляд, // Зубы в губы. **Столбняк. Булыжник.**) // Терпеливо, как негу длят, // Терпеливо, как бисер нижут» («Буду ждать тебя...»).

Два образных эталона твердости – *столб* (воспроизводимый метафорической внутренней формой слова *столбняк* в переносном значении ‘состояние полной неподвижности, оцепенения от сильного душевного потрясения’) и *булыжник* – характеризуют уже не только психологическое состояние отрешенности, но и образно выражают волевое упорство, силу духа. То есть оба образных представления совмещаются в данном стихотворении в единый, более сложный и ёмкий в смысловом отношении образ.

«Булыжник» не концептуализируется в русской языковой картине мира в качестве эталона твердости и выступает в данном стихотворении авторской вариацией эталонного концепта «камень», который также встречается в поэзии М. Цветаевой при выражении рассматриваемого образного представления: «...Только Вы – уловили // Грозную стрелу // Легких слов моих, и гневность // Гнева напоказ... // **Каменную безнадежность // Всех моих проказ**» («Мальчиком, бегущим резво...»). Здесь образ камня символизирует не только идею

отрешенности, но и представление о неизменности, стабильности, постоянстве чувства, привычек, характера, уподобляемой неизменности формы, структуры твердых, прочных, крепких предметов. Образное представление о стабильности твердых предметов в сочетании с таким аспектом, как их потенциальная опасность, ассоциативно выражающим идею суровости, строгости явлений социальной жизни, выражено в следующих стихотворных строках: «Благословляю ежедневный труд, // Благословляю еженощный сон. // Господню милость – и господен суд, // Благой – и **каменный** закон». Антиподом бесчувственным, незыблемым и суровым камням выступает в поэтическом мире М. Цветаевой сама «живейшая из жён: жизнь» – душа лирической героини: «Здравствуй! Не стрела, не **камень**: // Я! – живейшая из жен: // Жизнь».

Эталоном суровости, непреклонности, жестокости в сочетании с бесчувственностью, отсутствием эмоциональной отзывчивости выступает гранит: «Дробясь о **гранитные** ваши колена, // Я с каждой волной воскресаю!» («Кто создан из камня...»); «Да, ибо этот бой с любовью // Дик и **жестокосерд**. // Дабы с **гранитного** надбровья // Взмыв – выдышаться в смерть!» («Балкон»).

В стихотворении из цикла «Разлука» образ камня, реализованный в текстовой лексической парадигме, является ключевым и выполняет функцию смыслового развертывания текста:

*Седой – не увидишь,
Большим – не увижу.
Из глаз неподвижных
Слезинки не выжмешь.*

*В бесстрастии
Каменноокой камен
В дверях не помедлю –
Как матери медлят:*

*(Всей **тяжестью** крови,
Колен, глаз –
В последний земной
Раз!)*

*Не крадущимся перешибленным зверем, –
Нет, **каменной глыбой**
Выйду из двери –
Из жизни. – О чем же
Слезам течь.
Раз **камень с твоих**
Плеч!*

*Не камень! – Уже
 Широтою орлиною –
 Плац – и уже по лазурным стремнинам
 В тот град осиянный,
 Куда – взять
 Не сможет дитя
 Мать.*

Здесь образ камня выступает эталоном двух метафорически выражаемых качеств: 1) «твердый» – ‘потерявший способность думать, чувствовать, ставший невосприимчивым в результате сильного психологического потрясения, словно окаменевший’ («в бесстрастии каменноокой камеи», «каменной глыбой выйду из двери»); 2) «тяжелый» – ‘мучительный, вызывающий душевные переживания, страдания, требующий больших затрат физической и психической энергии подобно тому, как тяжелый груз оказывает физическое давление и вызывает трудности при перемещении’ («всей тяжестью крови, колен, глаз», «камень с твоих плеч»). Последнее образное представление и вызывает трудности при перемещении признака «тяжелый», лежит в основе целого ряда сквозных образов, характеризующих драматические обстоятельства жизни, напряженные и болезненные эмоциональные и физические состояния человека, горестные и печальные мысли: «...Как живется вам с земною // Женщиною, без шестых // Чувств?... // Ну, за голову счастливы? // Нет? В провале без глубин – // Как живется, милый? **Тяжче** ли, // Так же ли, как мне с другим?» («Попытка ревности»); «Точно **гору** несла в подоле – // Всего тела боль! // Я любовь узнаю по боли // Всего тела вдоль».

Эталонами данного качества выступают камень, гора, гиря, свинец, пуд, колокол: «Что же мне делать, ребром и помыслом // Певчей! – Как провод! Загар! Сибирь! // По наважденьям своим – как по мосту! // С их невесомостью // В мире **гирь!** («Поэт»); «Как встану в дверях – и ни с места! // **Свинцовыми гирями** – стыд. // Но птице в переднике – тесно, // И птица сама полетит»; «И не на то мне пара крыл прекрасных // Дана, чтоб на сердце держать **пуды**. // Спеленутых, безглазых и безгласных // Я не умножу жалкой слободы»; «А этот **колокол, что кремлёвских тяжеле,** // Безостановочно ходит и ходит в груди, – // Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть – // Мне загоститься не дать не российской земле!» («Руки даны мне – протягивать каждому обе»). Образы «тяжести» противопоставлены по контрасту образам «лёгко-

сти»: невесомость мыслей, полет птицы, образ крыла символизируют стремление к высшим и вечным ценностям, к творческому преодолению жестких социальных стереотипов, подавляющих личность, к духовному личностному росту.

Два последних примера демонстрируют различное смысловое наполнение и различную авторскую интерпретацию образа «тяжелого сердца». Ситуация *«на сердце держать пуды»* символизирует негативно оцениваемый автором груз повседневных суетных забот, проблем, которые отрывают от творчества, «притягивают» к земле, лишают творческого полёта, символом которого выступает *«пара крыл прекрасных»*. А в другом стихотворении сердце – *«колокол, что кремлевских тяжеле»* – символизирует идею отзывчивости на все беды и горести людские, выраженную образом-эталоном *«колокол»*; способность взять на себя этот груз ответственности за все, происходящее в мире. Сам признак «тяжелый» в последнем случае выражает ещё одно образное представление, ассоциативно связывающее понятия значительной массы предмета и социальной значимости, содержательности, силы, влиятельности человека или явления (*вес* ‘значение, влияние в обществе, авторитет’, *весомый* ‘ощутимый, значимый’, *веский* ‘значительный, убедительный’, *полновесный* ‘проявляющийся в полную силу // содержательный, существенный’; антоним *легковесный* ‘несерьёзный, неубедительный, малосодержательный’). Это образное представление реализовано в стихотворении, посвященном В. Маяковскому:

*Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово, в веках Владимир!*

*Певец площадных чудес, –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.*

*Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.*

Образные представления, основанные на метафоризации признаков «тяжелый» и «твердый» и воплощенные в предметном носителе

этих качеств – камне, получают творческое авторское осмысление в поэзии О. Мандельштама. Один из его стихотворных циклов носит название «Камень». Близок к цветаевскому образ «тяжелеющего», «наполняющегося тяжестью» сердца в одном из стихотворений названного цикла:

*В огромном омуте прозрачно и темно.
И томное окно белеет.
А сердце, отчего так медленно оно
И так упорно **тяжелеет**?*

*То всею **тяжестью** оно идет ко дну,
Соскучившись о милом иле,
То, как соломинка, минуя глубину,
Наверх всплывает без усилий.*

В образном поэтическом мире Мандельштама само чувство любви и эмоциональные переживания, с ним связанные, переполняют сердце лирического героя, делая его тяжелым, подобно камню (антитеза – лёгкая соломинка). Поэтому такие, казалось бы, противоречивые свойства, как «тяжесть» и «нежность», парадоксально соединяются в единый образ сильного и противоречивого чувства, в котором неразрывно слиты мучительная болезненность («тяжесть») и ласковость, «мягкость» отношений (нежность). Утрата же этого чувства ложится на душу ещё более тяжелым грузом пустоты – «*бременем времени*»:

*Сестры **тяжесть** и нежность. Одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы **тяжелую** розу сосут.
Человек умирает, песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.*

*О **тяжелые** соты и нежные сети!
Легче **камень** поднять, чем имя твое повторить.
У меня остается одна лишь забота на свете,
Золотая забота – как времени **бремя** изжить.*

Именно такое символическое прочтение образа камня делает понятным адресованные «каменным твердыням» обращения лирического героя, стремящегося «облегчить» эмоциональные переживания: «*Кружевом **камень** будь // И паутины стань, // Неба пустую грудь // Тонкой иглою рань!*»; стремящегося пережить, переработать и в творческой форме воплотить в бессмертные творения искусства

свои тягостные раздумья и переживания: *«Но чем внимательней, твердыня Notre Dame, // Я изучал твои чудовищные ребра, // Тем чаще думал я: из тяжести недоброй // И я когда-нибудь прекрасное создам»* («Notre Dame»).

Как видим, художественные образы, воплощенные в поэтических произведениях М. Цветаевой и О. Мандельштама, основаны на типовых общеязыковых образных представлениях, реализующих концептуальные признаковые метафоры «твердый»/«тяжелый» vs. «мягкий»/«лёгкий». Образные текстовые лексические парадигмы вариативно эксплицируют фрагменты ассоциативно-образных лексико-семантических полей, отражающих метафоризацию данных качеств в языке. В поэтических текстах отразились межполевые связи по линии синонимии, смыслового сближения образных оснований: «твердый» и «тяжелый», «лёгкий» и «мягкий», по линии антонимии образных оснований, проявившейся в противопоставлении противоположных качеств. Метафорические поля «твердый» и «тяжелый» сближаются с полем «острый» при выражении образного представления о потенциальной опасности твердых, тяжелых и острых предметов, ассоциируемой с жестокостью, равнодушием, способностью причинить душевную боль. При этом индивидуально-авторские художественные образы варьируют общеязыковые образные представления: вариативно совмещают несколько образных представлений в многоплановом образе-этalone (*камень*), воплощают их в «нестандартных», «не прототипических» предметных эталонах (*булыжник, колокол, гири, пуды, топор, мех, сомы, сети, соломинка*), предметных символах (*«твердыня Notre Dame»*). Варьирование лексических средств экспликации языковых образов наблюдается в создании авторских окказионализмов: *тяжелоступ, каменноокий* (М. Цветаева).

На метатекстовом уровне воплощение метафоризации признака в индивидуальном поэтическом творчестве автора может быть представлено в виде индивидуально-авторского ассоциативно-образного поля по данным текстовых лексических парадигм.

Приведем в качестве примера поле метафоризации признаков в стихотворениях М. Цветаевой:

Признак	Образное представление	Эталоны	Денотаты
Твердый	<p>ОП1. Сильный, духовно стойкий человек, верный своим принципам, идеалам // выражающий силу; который способен противостоять негативным влияниям, условиям, подобно тому, как твердые предметы способны сохранять внутреннюю структуру и целостности под воздействием внешних факторов</p> <p>ОП2. Бесчувственный, равнодушный, жестокий, не способный на пылкие искренние чувства, эмоционально невосприимчивый, подобно тому, как твердые предметы невосприимчивы к внешним воздействиям, не пропускают влагу, воздух и т.п.</p> <p>ОП3. Безучастный ко всему, отрешенный, не способный воспринимать окружающее из-за сильного потрясения, удивления, страха подобно тому, как твердые предметы невосприимчивы к внешним воздействиям, не пропускают влагу, воздух и т.п.</p> <p>ОП4. Строгий, неизменный, требующий беспрекословного выполнения, неизменный подобно тому, как твердые, крепкие предметы, сохраняют свою целостность и устойчивость</p>	Железо Сталь Дуб	Человек Женщина Образ жизни человека Стихотворение
		Камень Гранит	Человек Мужчина
		Камень Булыжник Столб Бревно Дуб	Человек Женщина
		Камень	Закон Черта характера
Мягкий	ОП1. Податливый, уступчивый, не имеющий четких взглядов и принципов и не умеющий их отстаивать подобно тому, как мягкие, пластичные предметы (вещества) легко поддаются внешним воздействиям, изменяя форму	Глина Шелк Пух Мех	Человек Женщина
Тяжелый	<p>ОП1. Мучительный, вызывающий душевную боль и страдание, создающий проблемную ситуацию подобно тому, как тяжелые предметы давят своим весом, их трудно держать, переносить</p> <p>ОП2. Значительный, сильный, основательный, словно имеющий большой вес, как какой-либо тяжелый предмет</p>	Камень Глыба Гора Гиря Свинец Пуд	Человек Жизнь (обстоятельства жизни, проблемы, социальные устои и стереотипы) Любовь Страдание
		Камень Булыжник	Человек Поэт Стихи
Легкий	<p>ОП1. Несерьезный, изменчивый, подобно тому, как легкие предметы свободно перемещаются, не задерживаются на одном месте и не оказывают существенного воздействия на субъекта восприятия</p> <p>ОП2. Одухотворенный, творческий</p>	Пух Мех	Человек
		Крыло Птица	Человек Поэт

Как показывает исследование, общеязыковые образные представления, основанные на метафорическом переосмыслении признака качества, являются концептуальной базой для возникновения словесных художественных образов в поэтическом произведении и «дешифровки» этих образов при восприятии поэтического текста читателем. Индивидуально-авторское варьирование осуществляется в пределах общеязыковой модели при выборе образов-эталонов и их смысловой интерпретации, а также при отборе языковых средств и стилистических приемов, реализующих данные образные представления в художественном тексте.

Заключение

Образное отражение действительности в языке носит системный характер. Закрепленная в узусе национально и культурно-исторически обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике единиц лексико-фразеологического уровня, регулярно воспроизводимая в актах коммуникации и формирующая языковую картину мира носителей языка, терминологически обозначается как **образный строй языка**. Образный строй языка представляет собой системно-языковое явление, имеющее семантический уровень и знаковую форму выражения. Он хранит и транслирует определенного рода знания – когнитивные структуры, входящие в систему представлений («концептуальный каркас») языковой личности, на которых базируются языковые способности к образному ассоциированию, реализуемые в речевой деятельности.

Комплексные единицы образного строя языка представлены различными типами образных парадигм – мотивационно-образными парадигмами, образными (метафорическими) лексико-фразеологическими полями. В пределах поля единицы связаны на основании семантической общности одного из трех смысловых элементов образных представлений: 1) образа-ассоциата, воплощающего концепт из сферы-«донора»; 2) денотата, представляющего собой концепт из сферы-«мишени»; 3) совокупности свойств, служащих основанием уподобления объектов из разнородных сфер действительности. В связи с этим выделяются три типа образных полевых структур: 1) поле образа-эталона; 2) поле метафорически воплощенного концепта /концептуальной сферы; 3) поле предикативного образного представления: а) атрибутивного, б) процессуального, в) пропозитивного. Каждое из подобных объединений представляет собой определенную модель описания парадигматики образного строя языка и реконструирует определенную грань интегральной модели общеязыковой образной системы, многомерная целостная картина которой складывается из совмещения этих граней.

Вся совокупность образных средств языка, выражающих метафорическое воплощение различных чувственно воспринимаемых признаков, составляет «признаковое пространство» образного строя

языка как фрагмент общезыковой образной системы. Ассоциативно-образное лексико-семантическое поле, объединенное интегральным признаком, отражает совокупностью образных значений своих единиц: а) предметные образы-эталоны, служащие прототипическими носителями этих признаков (камень, нож, вата); б) атрибутивные образные параллели (твердый – сильный, мягкий – добрый, острый – вредный); в) процессуальные образные параллели (сопротивление внешним физическим воздействиям – сопротивление внешним эмоционально-психологическим воздействиям); г) предметы и явления из различных образно характеризуемых концептуальных сфер действительности (человек: характер, воля, психика...).

Лексическая структура поля включает слова разных частей речи и выражения, задействованные в образной номинации различных явлений действительности на базе метафорического переосмысления типовых пропозиций, отражающих реализацию интегрального качества. Экстенционал поля может быть интерпретирован в виде модели, которая представляет собой двуплановую структуру, состоящую из первичного уровня поля и метафорического уровня поля, на каждом из которых выделяются ядро, околядерная зона, зона ближней и дальней периферии. Каждый из уровней поля включает три группы лексических единиц: признаковую, предметную и процессуальную лексику. Каждая группа, в свою очередь, включает определенный набор мотивационно-образных парадигм, распределенных от ядра к периферии.

Концептуальная структура образного поля «по горизонтали» включает две зоны, задействованные в метафоризации: зону эталонов, представленную объектами материального мира, их статическими и динамическими свойствами, и зону денотатов, представленную объектами материального или идеального мира, их статическими и динамическими свойствами. Каждое образное представление, входящее в понятийный план поля, основано на совмещении двух пропозиций, отражающих типовые ситуации, в которых эталоны и денотаты образных номинаций проявляют свои ассоциативно уподобляемые характерные качества. Концептуальная структура поля «по вертикали» включает все воплощенные в языке типовые образные представления, связанные в определенной культуре с метафорическим переосмыслением того или иного физического признака.

Анализ признаков ассоциативно-образных полей высвечивает актуальные для личности говорящего аспекты проявления интегрального качества и позволяет «реконструировать» воплощенный в

обиходной картине мира прототипический признаковый концепт. Например, прототипически мягкий объект является пластичным, неплотным, нестабильной (изменчивой) формы, оказывающим слабо осязаемое, приятное тактильное воздействие; прототипически твердый объект характеризуется максимально высокой степенью плотности, устойчив к деструктивным воздействиям, имеет жесткую поверхность, может использоваться в качестве опоры, преграды и орудия.

Ассоциативно-образные лексико-семантические поля находятся в отношении пересечения по линии синонимии и антонимии образных воплощений различных сфер внеязыковой действительности: сильный – твердый, резкий, острый, слабый – мягкий, тупой (воля, психика, речь человека; тактильные, температурные, вкусовые ощущения). Полевой принцип организации закрепленных в языке образных представлений подтверждается данными ассоциативных экспериментов и контекстуальной реализацией на уровне текстовых образных лексических парадигм.

Определенные микроконтексты (текстовые фрагменты) и макроконтексты (речевые произведения) воспроизводят фрагменты узальных ассоциативно-образных полевых структур посредством включения лексических парадигм, реализующих типовые образные представления. Авторское развертывание типового образного представления может составлять основу сюжетостроения одного речевого (художественного) произведения. Несколько образных представлений могут иметь сквозное развитие в произведении или в творчестве автора: служить средством выражения характеристики персонажей, авторского отношения, являться средством авторского моделирования. Образные текстовые лексические парадигмы в этих случаях несут основную коммуникативную нагрузку в достижении цели речевого воздействия на адресата и эстетическую нагрузку в осуществлении авторского коммуникативного (художественного) замысла. Образная лексика выступает при этом в роли ключевых слов, реализующих смысловое развертывание текста. Это даёт возможность представить, с одной стороны, особенности ассоциативно-образного аспекта дискурсивной (текстопорождающей) деятельности автора, обуславливающие специфику его идиостиля, а с другой стороны, соотношение общезыковой образной системы и её воплощения на уровне сознания отдельной языковой личности.

Описание признаковых ассоциативно-образных лексико-семантических полей открывает ещё одну грань системной организации метафорических моделей в образном строе языка, а также об-

наруживает принципы когнитивной организации признаковых концептов в языковой картине мира. Проведенное исследование ещё раз продемонстрировало и доказало тот факт, что естественный язык является средством формирования национального культурно-исторического сознания. Осваивая родной язык, человек воспринимает и его образный строй, отражающий особенности национального мировидения и миропонимания.

Список использованной литературы и источников

Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора / Ред. О.И. Блинова. – 2-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 308 с.

Вершининский словарь: В 7 т. / Т.Б. Банкова, О.И. Блинова, Е.В. Иванцова и др.; Под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1998–2002.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.

Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья: В 2 т. / О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, В.В. Палагина и др.; Под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1982–1983.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.

Полный словарь сибирского говора: В 4 т. / О.И. Блинова, Л.А. Захарова, Е.В. Иванцова и др.; Под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1992–1995.

Русский ассоциативный словарь: В 6 кн. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др.; Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: ИРЯ, 1994–1998.

Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.; Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. 368 с.

Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья / О.И. Блинова, В.В. Палагина, С.В. Сыпченко и др.; Под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1977. – 183 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева: В 4 т. – М., 1986–1987.

Абрамов В.П. Синтагматика семантического поля (на материале русского языка). – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1992. – 108 с.

Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент: ФАН, 1973. – 382 с.

Акуленко Н.-Л. М. Словообразовательно-семантические особенности композитных экспрессивов // Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи. – Уфа, 1997. – Ч. 1. – С. 87–94.

Алешина О.Н. Семантическое моделирование в лингвометафорологических исследованиях (на материале русского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2003. – 351 с.

Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 15–26.

- Альбрехт Ф.Б.* Отанималистическая субстантивная метафора в лексике и фразеологии современного русского языка (опыт комплексного анализа): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 319 с.
- Аникина А.Б.* Образное слово в тексте. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 76 с.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М., 1974. – 368 с.
- Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д.* Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – 1993. – №3. – С. 27–35.
- Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
- Он же.* Избранные труды. Т. 1. Синонимические средства языка. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.
- Он же.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.
- Аристотель.* Поэтика. Риторика. – СПб.: Азбука, 2000. – 347 с.
- Артемова Н.В.* Особенности полевой структуры лексики современного русского языка (на примере глаголов лишения): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 212 с.
- Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1973. – Т.32, № 1. – С. 84–89.
- Она же.* Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1979. – 382 с.
- Она же.* Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 147–174.
- Она же.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- Она же.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 296–297.
- Она же.* Тожество и подобие: (Заметки о взаимодействии концептов) // Логический анализ языка: Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. – М., 1990. – С. 7–32.
- Она же.* От редактора // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 3–5.
- Она же.* Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 21–30.
- Она же.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. – М., 1997. – С. 51–61.
- Она же.* Введение // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и в языке. – М., 1999. – С. 3–9.
- Она же.* Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
- Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.
- Балли Ш.* Французская стилистика. – М.: Иностран. лит., 1961. – 367 с.

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). – М., 1991. – С. 184–193.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Внутренняя форма идиом и проблема толкования // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 1998. – Т. 57, № 1. – С. 36–44.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Метафора общественного диалога: война или согласие // Знание – сила. – 1991. – № 10. – С. 60–64.

Они же. Русская политическая метафора: материалы к словарю. – М.: Ин-т рус. яз., 1991. – 193 с.

Они же. Словарь русских политических метафор. – М., 1994. – 330 с.

Барашкина Е.А. Об образных моделях языковой характеристики мышления // Семантическая системность языковых единиц: Сб. науч. статей. – Самара, 1996. – С. 72–75.

Беккер (Юрина) Е.А. Образность как предмет лексикологии / Том. гос. ун-т. – Томск, 1990. – 23 с. – Деп. в ИНИОН РАН 10.10.90, № 43010.

Она же. Образность слова и образность речи (на диалектном материале) // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр русского языка вузов Сибири, Урала и Дальнего Востока: Тез. докл. – Красноярск, 1991. – С. 85–87.

Она же. Особенности семантики образных слов // Материалы 29-й Всесоюзной научной студенческой конференции “Студент и научно-технический прогресс”. Филология. – Новосибирск, 1991. – С. 12–17.

Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. – М., 1974. – С. 104–114.

Бесарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики. – М., 1990. – С. 21–34.

Беседин П.Ф. Семантическая моделируемость системы переносных значений // Семантика языковых единиц: Докл. IV междунар. конф. – М., 1998. – Т. 1. – С. 94–96.

Бессонов О.М. Очерк сравнительной теории метафоры // Научное знание: логика, понятие, структура. – Новосибирск, 1987. – С. 205–225.

Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. – Новосибирск, 1983. – С. 3–11.

Блинова О.И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект): Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 191 с.

Она же. Образное слово в толковом словаре // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: Тезисы. 22–25 декабря 1990 г. – Л., 1990. – С. 75–78.

Она же. Лексико-семантическая категория и – свойство слова // Русские говоры Сибири. Семантика. – Томск, 1995а. – С. 11–20.

Она же. Образная лексика диалекта и аспекты её изучения // Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н.П. Гринковой. – СПб., 1995б. – С. 115–117.

Она же. Вместо предисловия. Введение // Словарь образных слов и выражений народного говора. – Томск, 1997а. – С. 3–27.

Она же. Свойства слова и их иерархия // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Социология. – Барнаул, 1997б. – Вып. 2. – С. 48–51.

Боброва Г.А. Образно-экспрессивное обозначение людей в косвенных оценочных высказываниях с именем собственным // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). – Омск, 2000. – С. 143–149.

Богуславский В.М. Типология значений образных средств выражения оценки внешности человека: Дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. – М., 1995. – 53 с.

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. – 312 с.

Она же. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ин-та, 1994. – 212 с.

Она же. Когнитивное направление в лингвистическом исследовании художественного текста // Поэтическая картина мира: слово и концепт в лирике Серебряного века. – Томск, 2004. – С. 7–19.

Борухов Б.Л. «Зеркальная» метафора в истории культуры // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 109–117.

Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 215–216.

Бытёва Т.И. Образность как особенность семантики перифразы // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманитарные науки. – 1999. – Вып. 1. – С. 77–80.

Она же. Феномен перифразы в русском литературном языке: проблемы семантики и лексикографии: Дис. ... д-ра. филол. наук. – Красноярск, 2002. – 351 с.

Ваняркин В.М. Образное значение как средство реализации прагматической установки // Прагматика и типология коммуникативных единиц языка: Сб. науч. тр. – Днепропетровск, 1989. – С. 17–20.

Варгунина А.В. Образные сценарии в английской фразеологии: На материале образных сценариев “Путь” и “Конфликт”: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2000. – 20 с.

Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.

Он же. “Стилистическое значение”, экспрессивность и эмоциональность как категории семантики // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. – Пермь, 1985. – С. 3–9.

Он же. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1990. – 176 с.

Он же. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты // Исследования по семантике. – Уфа, 1996. – С. 55–62.

Варламов М.В. Типологические особенности адъективной метафоры в сопоставлении с глагольной и субстантивной метафорой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 1995. – 23 с.

Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знаний. – М., 1990. – С. 63–85.

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.
- Она же.* Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 272 с.
- Виноградов В.В.* К вопросу о слове и образе // Вопросы литературы – 1960. – № 5. – С. 42–49.
- Он же.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
- Виноградов М.Ф.* Роль некоторых компонентов значения слова в создании образности // Науч. тр. высших учеб. заведений Литов. ССР. Языкознание. – Вильнюс, 1990. – № 41 (2). – С. 49–58.
- Вовк В.Н.* Языковая метафора в художественной речи. – Киев: Наукова думка, 1986. – 142 с.
- Вовк Е.Б.* Образная номинация (внутриязыковой и межъязыковой аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – Т. 1. – 214 с.; Т.2. – 129 с.
- Вовчок Д.П.* Художественная и газетная речевая образность // Исследования по стилистике. – Свердловск, 1976. – С. 3–19.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 228 с.
- Она же.* Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 53–75.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
- Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та., 1981. – 195 с.
- Она же.* Семантическая категория отношения // Исследования по семантике. – Уфа, 1996. – С. 6–8.
- Гак В.Г.* Беседы о французском слове. – М., 1966. – 101 с.
- Он же.* Системность в лексике и типология лексических значений // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск, 1971. – С. 87–88.
- Он же.* Сопоставительная лексикология (на материале русского и французского языков). – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
- Он же.* Фразеология, образность, культура // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 159–170.
- Он же.* Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М., 1989. – С. 11–24.
- Он же.* Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
- Он же.* Информативность единиц языка. – М.: Высш. шк., 1974. – 175 с.
- Он же.* О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текста // Принципы и методы семантических исследований – М., 1976. – С. 267–290.
- Он же.* Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
- Герасимов В.И., Петров В.В.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 5–11.

- Горбаневская Г.В.* Семантическое поле звучания в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 16 с.
- Григорьев В.П.* Слово – образ – денотат: К проблеме перифразы // Н.А. Некрасов и русская литература. – Кострома, 1971. – С. 122–125.
- Он же.* Поэтика слова. – М., 1979. – 343 с.
- Губарев В.П.* Лексико-фразеологическое поле как метод системного исследования словарного состава языка // Семантические и прагматические аспекты языковых единиц и речевых структур. – М., 1987. – С. 87–88.
- Гусев С.С.* Наука и метафора. – Л., 1984. – 218 с.
- Гутман Е.А., Черемисина М.И.* О специфике образного употребления названия животных в русском и французском языках // Актуальные проблемы лексикологии. – Минск, 1970. – С. 16–24.
- Денисов П.Н.* Лексика русского языка и принципы её описания М.: Русский язык, 1993. – 245 с.
- Добровольский Д.О.* Образная составляющая в толковании идиом // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.
- Емельянова О.Н.* Ассоциативное поле существительных с семантикой чувства // Русский язык в школе. – 1993. – № 6. – С. 73–75.
- Ермакова А.П.* Об иронии и метафоре // Облик слова: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. – М., 1997. – С. 48–58.
- Она же.* Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Русский язык, 1984. – 151 с.
- Ермоленко С.С.* Образные средства морфологии / АН УССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – Киев: Наукова думка, 1987. – 123 с.
- Ефимов А.И.* Образная речь художественного произведения // Вопросы литературы – 1959. – № 8. – С. 91–108.
- Жоль К.К.* Мысль. Слово. Метафора. Проблемы семантики в философском освещении. – Киев: Наукова думка, 1984. – 302 с.
- Жоржوليани Д.А.* К вопросу об образном значении фразеологической единицы // Типы языковых значений. – Рязань, 1986. – С. 33–39.
- Загоровская О.В.* Эстетическая функция языка в отношении с его основными функциями // Коммуникативная и поэтическая функция художественного текста. – Воронеж, 1982. – С. 3–8.
- Она же.* Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983. – С. 16–20.
- Она же.* О семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1987. – С. 74–80.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования принципов организации лексикона человека. – Л.: Наука, 1980. – 187 с.
- Она же.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 204 с.
- Зубова Л.В.* Поэзия М. Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 262 с.
- Иванова Н.Н.* Системные отношения в поэтической фразеологии // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – М., 1989. – С. 184–196.

- Иванова Н.Н.* Поэтические номинации в русской лирике. – М.: Наука, 1992. – 131 с.
- Илюхина Н.А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1998. – 204 с.
- Илюхина Н.А.* Образный комплекс как модель описания ассоциативного функционирования слова // Вестн. Самар. гос. ун-та. – 1996. – №1. – С. 139–146.
- Она же.* Образ как объект и модель семасиологического анализа: Дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 1999. – 417 с.
- Исмаилова Б.* Категория образности и средства её выражения в словообразовательной системе английского и киргизского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1989. – 21 с.
- Кабакова С.В.* Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 28 с.
- Казakov А.В.* К проблеме образных средств, содержащих названия частей тела, в английском языке // Вопросы романо-германской филологии. – Киров, 2000. – С. 33–37.
- Калдыгулова Т.С.* Ассоциативное поле слова в организации лексической структуры художественного текста // Проблемы исследования слова в художественном тексте. – Л., 1990. – С. 141–150.
- Калмыкова Е.И.* Образность как лингвистическая категория в современной немецкой научной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 23 с.
- Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
- Он же.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
- Он же.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
- Он же.* Фундаментальные феномены русистики // Русистика сегодня. – 1994. – №1. – С. 3–8.
- Он же.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1993. – 330 с.
- Кацнельсон С.Д.* Содержание слова, значение и обозначение. – Л.: Наука, 1965. – 216 с.
- Он же.* Типология языка и речевое мышление. – М.: Наука. Ленингр. отделение, 1972. – 216 с.
- Кияненко Т.Ф.* Роль метафоризации в повышении информативности языка // Коммуникативно-функциональное исследование языковых явлений. – Куйбышев, 1983. – С. 143–146.
- Кожевникова Н.А.* Словоупотребление в русской поэзии начала 20-го века. – М.: Наука, 1986. – 252 с.
- Она же.* Тропы и грамматические структуры // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста. – М., 1993. – С. 113–135.
- Кожин А.Н.* Образность как феномен словесной живописи // Русский язык: номинация, предикация, образность. – М., 2003. – С. 108–110.
- Кожина М.Н.* Стилистика и некоторые ее категории: (К постановке вопроса). – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1961. – 24 с.
- Колодкина Е.Н.* О специфике психолингвистической трактовки параметров конкретности, абстрактности, образности и эмоциональности значения существ-

вительных // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 70–81.

Она же. Роль параметров конкретности, образности, эмоциональности в психологическом аспекте значения слова // Коммуникативный аспект единиц языка и речи. – Ижевск, 1989. – С. 81–88.

Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 149 с.

Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 190 с.

Коралова А.Л. Семантическая природа образных средств в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 29 с.

Костючук Л.Я. Образность и фразеологизация // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1980. – Вып. 9. – С. 116–125.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 245 с.

Крейдлиן Г.Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Логич. анализ языка: Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М., 1990. – С. 124–139.

Кретов А.А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1980. – 23 с.

Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Наука, 1978. – 186 с.

Она же. Производное слово в лексике и грамматике // Слово в грамматике и словаре. – М., 1984. – С. 60–64.

Она же. Об одном фрагменте концептуального анализа слова *память* // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991. – С. 85–91.

Она же. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1994. – Т. 53. – №2. – С. 3–15.

Она же. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 331 с.

Она же. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Докл. IV Междунар. конф. – М., 1998. – Т. 1. – С. 47–49.

Она же. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 560 с.

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М.: Высш. шк., 1989. – 216 с.

Куликова И.С. Экспрессивное и эмоциональное в диалектном слове // Брянские говоры (на материале Словаря брянских говоров). – Л., 1985. – С. 12–21.

Она же. Слова с образной экспрессией в диалектном словаре // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. – Л., 1986. – С. 25–36.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. – 336 с.

Курбатова С.А. Образы и представления русской языковой личности // Семантика языковых единиц: Докл. IV Междунар. конф. – М., 1998. – Т. 1. – С. 162–165.

Курахтанова И.С. К проблеме языковой образности // Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. – М., 1981. – Вып. 174. – С. 66–74.

Она же. Прагматический аспект образности в художественном тексте // Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. – М., 1983. – Вып. 215. – С. 123–133.

Она же. Онтогенез образности в художественном тексте // Сб. науч. тр. Моск. пед. ин-та иностр. яз. – 1985. – Вып. 245. – С. 198–205.

Лаврентьева Н.Б. О мотивированности как характерном признаке образных слов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1987. – Вып.3. – С. 14–19.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1991. – Вып 10. – С. 350–368.

Он же. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып 23. – С. 12–51.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

Ларионова Ж.Б. Внутренняя форма образных составных наименований в современном русском языке (на материале публицистики конца 20 века): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 142 с.

Лебедева Е.К. Метафора как средство описания внутреннего эмоционально-го описания человека // Общая стилистика и филологическая герменевтика. – Тверь, 1991. – С. 54–68.

Лебедева Н.Б. Полиситуативность глагольной семантики. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 262 с.

Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1965. – Т. 2. – С. 293–299.

Лежук Н.С. Метафора в рекламе: Образность или практичность? // Иностранные языки и межкультурная коммуникация: Сб. науч. статей. – М., 2001. – С. 40–43.

Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Под. ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Индрик, 1999. – 422 с.

Ломов Б.Ф. Когнитивные процессы как процессы психического отражения // Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. – М., 1986. – С. 7–20.

Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 53–57.

Лукьянова Н.А. О контекстных условиях реализации семантики экспрессивного слова // Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск, 1984а. – С. 42–64.

Она же. Словарь экспрессивной лексики говоров Новосибирской области (Принципы составления словаря) // Лексика и фразеология языков народов Сибири. – Новосибирск, 1984б. – С.48–58.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск: Наука, 1986а. – 227 с.

Она же. Языковая интуиция носителей говоров как источник информации о семантике экспрессивного слова // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). – Новосибирск, 1986б. – С. 193–208.

Лукьянова Н.А., Черемисина М.И. Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика. – Новосибирск, 1986. – С. 258–265.

Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991. – С. 3–22.

Она же. Слова с простыми и сложными образами // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 3, вып. 1. Филология. Новосибирск, 2004. – С. 15–25.

Лурия А.В. Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 189 с.

Мак Корман Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. – С. 358–386.

Малахова А.Д. Взаимодействие образных и вербальных компонентов в процессах понимания // Вопросы психологии. – 1981. – № 5. – С. 63–73.

Мартынова Ю.А. Метафорическое поле «СТРОЕНИЕ» как отражение ключевой метафоры СТРОЕНИЕ в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 17 с.

Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: Учеб. пособие. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. – 92 с.

Медведева С.Ю. Эмоциональность и экспрессивность в содержании слова // Лексическая и синтаксическая семантика. – Барнаул, 1980. – С. 118–128.

Мезенин С.М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 48–57.

Он же. Образные средства языка: Учеб. пособие. – 2-е изд. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 2002. – 124 с.

Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – 174 с.

Михеев М.Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 145–158.

Мишанкина Н.А. Звучание голоса человека в интерпретации русской языковой метафоры // Сб. студенческих и аспирантских работ. – Вып. 3. – С. 37–42.

Она же. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2002. – 23 с.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Наука, 1989. – 127 с.

Он же. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.

Молчанова А.Н. О соотношении внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс образной номинации: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 275 с.

Она же. О переносно-образных значениях слов // Аспекты лексического значения. – Воронеж, 1982. – С. 23–29.

Москвин В.П. Классификация русских метафор // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 103–112.

- Мухачева А.М.* Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2003. – 28 с.
- Никитин М.В.* О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 49–53.
- Он же.* Лексическое значение слова. – М.: Высш. шк., 1983. – 127 с.
- Он же.* Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 165 с.
- Он же.* Метафора: уподобление vs. интеграция концептов // С любовью к языку: Сб. науч. тр., посвящ. Е.С. Кубряковой. – Москва; Воронеж, 2002. – С. 255–270.
- Новиков Л.А.* Семантика русского языка. – М.: Высш. шк., 1982. – 298 с.
- Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 159 с.
- Ольховиков Д.Б.* «Образность» как категория филологического описания текста // RES LINGUISTICA: Сб. статей, посвящ. 60-летию проф. В.П. Нерознака. – М., 2000. – С. 338–357.
- Опарина Е.О.* Роль культурного компонента в семантике метафор // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 91–94.
- Очерки истории языка русской поэзии 20-го века: Поэт. язык и идиостиль.* – М.: Наука, 1990. – 300 с.
- Очерки истории языка русской поэзии 20-го века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке.* – М.: Наука, 1994. – 270 с.
- Очерки истории языка русской поэзии 20-го века: Образные средства поэтического языка и их трансформация.* – М.: Наука, 1995. – 262 с.
- Ощепкова В.В.* Образность в семантической системе языка (опыт исследования национальных вариантов английского языка): Учеб. пособие по спецкурсу. – М., 1989. – 53 с.
- Павлович Н.В.* Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М.: Наука, 1995. – 491 с.
- Паршин П.Б.* Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике 20 века // Вопросы языкознания. – 1996. – №2. – С. 19–42.
- Перцова Н.Н.* К понятию «вещной коннотации» // Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка. – М., 1990. – С. 96–105.
- Пестерева Н.Т., Рут М.Э.* Номинативность и экспрессивность в семантике образного слова (именования людей в речи школьников) // Живая речь уральского города. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. – С. 88–96.
- Петров В.В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – №3. – С. 135–146.
- Петров В.В., Герасимов В.И.* На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 5–11.
- Петрова З.Ю.* Регулярная метафорическая многозначность в русском языке как проявление системности метафоры // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. – М., 1989. – С. 120–132.
- Она же.* О семантической сочетаемости образных словоупотреблений в художественном тексте // Русистика сегодня. – 1998. – №112. – С. 138–150.

- Платонова О.В.* Механизмы смыслообразования в метафоре // Системные семантические связи языковых единиц. – М., 1992. – С. 115–122.
- Плотников Б.А.* Основы семасиологии: Учеб. пособие. – Минск: Высш. шк., 1984. – 223 с.
- Покровская Я.А.* Метафора как средство обозначения концепта гнева // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 183–188.
- Полевые структуры в системе языка.* – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 196 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения) : Учеб. пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 148 с.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1968. – Т.3. – 551 с.
- Он же.* Эстетика и поэтика. – М. Наука, 1976. – 614 с.
- Он же.* Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
- Он же.* Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
- Он же.* Теоретическая поэтика. – М.: Высш. шк., 1990. – 344 с.
- Признаковое пространство культуры.* – М.: Индрик, 2002. – 432 с.
- Приступенко Т.А.* Метафора как средство образной выразительности // Журналистика. – Киев, 1977. – Вып. 10. – С. 131–133.
- Прокофьева С.М.* Механизмы создания фразеологической образности (на материале языков германской и тюркской группы): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 37 с.
- Прокуденко Н.А.* Образный компонент в семантической структуре отзооморфных глаголов // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1988. – С. 151–155.
- Психический образ: строение, механизмы, формирование и развитие: Вторые международные научные леновские чтения.* – М.: Ин-т психологии РАН, 1994. – 128 с.
- Пшеникина Т.Г.* Сопоставительный анализ передачи образности фразеологическими единицами в английском и русском языках // Сопоставительный анализ языковых единиц: Сб. науч. тр. – Барнаул, 1986. – С. 111–121.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 280 с.
- Резанова З.И.* Метафорическое моделирование концептосферы русского языка // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. – Томск, 2001. – С. 121–124.
- Рожкова А.Г.* Гнезда однокоренных слов как элементы лексико-семантических полей // Теории поля в современном языкознании. – Уфа, 1994. – С. 43–45.
- Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 194 с.

- Ротенберг В.С.* Слово и образ: проблема контекста // Вопросы философии. – 1980. – № 4. – С. 152–155.
- Он же.* Речь и образные компоненты мышления – тенденции развития проблемы // Речь: восприятие и семантика. – М., 1988. – С. 121–129.
- Рудяков Н.А.* Образное слово и образ посредством слов // Учен. зап. / Кишинев. ун-т. – 1979. – Т. 109. – С. 87–94.
- Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.
- Рябцева Н.К.* «Вопрос»: Прототипическое значение концепта // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991 – С. 72–77.
- Складчикова Н.В.* Соотнесенность прагматических видов информации с образной информацией в семантической структуре метафоры // Прагматические условия функционирования языка: Сб. науч. тр. – Кемерово, 1987. – С. 45–54.
- Скляревская Г.Н.* Категория образности и толковый словарь литературного языка // Советская лексикография. – М., 1988 а. – С. 88–100.
- Она же.* Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики. – М., 1988б. – 58 с. – Препринт АН СССР, Ин-т рус. яз.
- Она же.* Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: Дис. ... д-ра. филол. наук. – Л., 1989. – 424 с.
- Она же.* Языковая метафора как категория лексикологии // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991. – С. 23–43.
- Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993. – 151 с.
- Славин А.В.* Наглядный образ в структуре познания. – М.: Политиздат. 1971. – 271 с.
- Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1981. – № 2. – С. 16–30.
- Солодуб Ю.П.* Языковые единицы со статусом лексико-фразеологической переходности // Семантика языковых единиц: Докл. VI Междунар. конф. – М., 1998. – С. 290–293.
- Он же.* Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма // Науч. докл. высш. шк. Сер. Филол. науки. – 1996. – № 1. – С. 67–79.
- Он же.* Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация. // Особности семантики фразеологизмов. – Ростов н/Д, 1989. – С. 4–12.
- Спиридонова Н.Ф.* Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 157 с.
- Она же.* Проблема семиотизации признака в свете языковых данных (на материале русских прилагательных) // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 184–191.
- Стернин И.А.* Проблемы анализа структуры значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
- Он же.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.
- Сукаленко Н.И.* Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. – Киев: Наукова думка, 1992. – 164 с.

- Телия В.Н.* Семантика связанных значений слов и их сочетаемость // Аспекты семантических исследований – М., 1980. – С. 288–295.
- Она же.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
- Она же.* Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их лексикографической обработки // Фразеологизм и его лексикографическая разработка: Материалы IV междунар. симпозиума. – Минск, 1987. – С. 98–101.
- Она же.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988а. – С. 26–52.
- Она же.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке (Язык и картина мира). – М., 1988б. – С. 172–184.
- Она же.* Семантика идиом в функционально-прагматическом отображении // Фразеогрфия в машинном фонде русского языка. М., 1990а. – С. 32–47.
- Она же.* Введение // Фразеогрфия в машинном фонде русского языка. М., 1990б. – С. 3–9.
- Она же.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропонимания к миропониманию) // Славянское языкознание. XI съезд славистов. – М., 1993. – С. 302–314.
- Она же.* «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка: Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 93–98.
- Она же.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 287 с.
- Теория метафоры.* – М.: Прогресс, 1990. – 511 с.
- Типы языковых парадигм:* Сб. науч. тр. – Свердловск: УрГУ, 1990. – 132 с.
- Тихонов А.Н.* Границы и структура лексико-семантического поля // Теории поля в современном языкознании. – Уфа, 1994. – С. 3–7.
- Толстая С.М.* Стереотипы в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 124–127.
- Она же.* Категория признака в символическом языке культуры (вместо предисловия) // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 7–20.
- Толстой Н.И.* Язык и культура // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – М., 1991. – С. 5–9.
- Топорков А.Л.* Эпитеты в Олонезком сборнике заговоров XVII века // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 338–376.
- Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Культура, 1995. – 621 с.
- Топорова В.М.* Типология языковых концептов пространственной формы // Семантика языковых единиц: Докл. VI Междунар. конф. – М., 1998. – Т. 1. – С. 215–218.
- Она же.* Концепт ФОРМА в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Истоки, 1999. – 174 с.
- Туrowsкий В.В.* Как, похож, напоминать, творительный сравнения: толкования для группы квазисинонимов // Логический анализ языка: Референция и проблемы текстообразования. – М., 1988. – С. 30–36

- Тучина О.Р.* Метафора как понимание: образ как средство интерпретации текста // Тр. Кубан. гос. технологического ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Краснодар, 1999. – Т. 6, вып. 1. – С. 218–221.
- Урысон Е.В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. – М., 1979. – Вып. 2. – С. 140–148.
- Уфимцева А.А.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 30–60.
- Ульманн С.* Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
- Федоров А.И.* Семантическая основа образных средств языка. – Новосибирск: Наука, 1969. – 182 с.
- Он же.* Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск: Наука, 1980. – 192 с.
- Он же.* Образная речь. – Новосибирск: Наука, 1985. – 117 с.
- Филлмор Ч.* Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – С. 23–60.
- Он же.* Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 12. – С. 74–122.
- Он же.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
- Харченко В.К.* Разграничение оценочности, образности и эмоциональности в семантике слова // Рус. яз. в шк. – 1976. – № 3. – С. 66 – 71.
- Она же.* Функции метафоры: Учеб. пособие. – Воронеж, 1992. – 88 с.
- Ховаев В.И.* Семантические наращения образа в ассоциативном ряду // Семантика слова в синтаксической конструкции. – Воронеж, 1987. – С. 74–84.
- Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – С. 35–73.
- Ченки А.* Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.
- Черданцева Т.З.* Язык и его образы. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 184 с.
- Она же.* Мотивационный макрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеология в машинном фонде русского языка. – М., 1990. – С. 73–80.
- Черемисина М.И., Рыжкина О.А.* Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1977. – Вып. 6. – С. 3–24.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 320 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). – Пермь, 2001. – 238 с.

Он же. Метафорическое моделирование действительности в политическом нарративе // С любовью к языку: Сб. науч. тр., посвящ. Е.С. Кубряковой. – Москва; Воронеж, 2002. – С. 298–310.

Шафиков С.Г. Семантические универсалии в лексике. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1996. – 196 с.

Шаховский В.И. Коннотация и ассоциация: их взаимосвязь и отношение к лексическому значению слова // Лексическое значение в системе языка и текста. – Волгоград, 1985. – С. 27–36.

Он же. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

Шевчук О.Н., Майданова Л.М. Образ и слово в публицистическом тексте // Исследования по стилистике. – Свердловск, 1976. – С. 20–24.

Шенделева (Юрина) Е.А. Полевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. – Москва, 1999. – С. 74–79.

Она же. Образное слово в языке и речи: Учеб. пособие. – Томск: ТГУ, 1999. – 42 с.

Она же. Лексические категории в системе языка и в речи: мотивированность, образность, экспрессивность: Методическая разработка к спецкурсу. – Томск: ТГУ, 1999. – 45 с.

Она же. Категория образности: проблемы лексикологической интерпретации и перспективы исследования // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2000. – Вып. 3 (19). – Серия: Гуманитарные науки (спецвыпуск). – С. 73–79.

Шмелев Д.Н. Слово и образ. – М.: Наука: Просвещение, 1964. – 119 с.

Он же. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 123 с.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 265–304.

Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных: На материале современного русского языка. – Л., 1979. – 134 с.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Юнг К.Г. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.

Юрина Е.А. Отражение образного восприятия мира в языке // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Томск, 1994. – Вып. 2. Историко-филологические проблемы отечественной культуры. – С. 130–134.

Она же. Образный контекст // Лингвистические чтения, посвященные 100-летию со дня рождения проф. Н.П. Гринковой. – СПб., 1995. – С. 46–48.

Она же. Образность лексических единиц: (К вопросу о месте образности в структуре лексического значения слова) // Русские говоры Сибири. Семантика. – Томск, 1995. – С. 21–32.

Она же. Полевые структуры в образной лексике // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: Сб. тез. науч. конф., посвящ. 35-летию гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск, 1997. – С. 230–232.

- Юрина Е.А.* Образное слово в системе диалекта (функциональный аспект) // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы: Сб. науч. тр. памяти проф. Г.А. Садретдиновой. – Омск, 1999. – С. 37–49.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: (Модели пространства, времени, восприятия). – М., 1994. – 343 с.
- Якушкина Е.И.* Оппозиции *прямой – кривой и прямой – обратный* и их культурные коннотации // Признаковое пространство культуры. – М., 2002. – С. 163–183.
- Яценецкая М.Н.* Семантические вопросы теории словообразования. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.
- Она же.* Пропозиционный аспект словообразования // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири. – Кемерово, 1992. – С. 5–18.
- Black M.* Models and metaphor: Studies in Language and Philosophy. – Ithaca; London: Cornell University Press, 1962. – 267 p.
- Johnson M.* The body in the mind: the bodily basis of meaning imagination and reason. – Chicago: Univ. Of Chicago Press, 1987. – 233 p.
- Johnson-Laird P.N.* Images, propositions, and models // Johnson-Laird P.N. Mental Models. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – P. 146–166.
- Lakoff G.* Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. – Chicago: Univ. Of Chicago Press, 1987. – 614 p.
- Lakoff G.* The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive linguistics. – 1990. – № 1. – P. 39–74.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors we live by. – Chicago: Univ. Of Chicago Press, 1980. – 242 p.
- Langacker R.* Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar. – Berlin.; New York: Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
- Langacker, R.* The symbolic alternative // New trends in semantics and lexicography / H. Kardela; G. Persson (eds.). – Umea: Swedish science press, 1995. – P. 89–112.
- Pollio H.R., Smith M.K., Pollio M.R.* Figurative Language and Cognitive Psychology // Language and cognitive processes. – 1990. № 5 (2). – P. 141–167.
- Wierzbicka A.* Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Cultural-specific Configuration. – New York; Oxford: Oxford Univ. Press. 1992. – 487 p.
- Wierzbicka A.* Semantics, primes and universals. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. – 500 p.

Список сокращений

- АОСП – ассоциативно-образное лексико-семантическое поле
ВФ – внутренняя форма (слова или фразеологизма)
ЛМ – лексический мотиватор
ЛСВ – лексико-семантический вариант
МЗ – мотивационное значение
МОП – мотивационно-образная парадигма
МФ – мотивационная форма
ОЗ – образное значение
ОК – образный контекст
ОЛЕ – образная лексическая единица
ОП – образное представление
ОФЕ – образная фразеологическая единица
СМ – структурный мотиватор
СО – собственно образное слово
ЯМ – языковая метафора

Научное издание
ЮИНА Елена Андреевна
ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ЯЗЫКА

Редактор *Т.В. Зелева*
Оригинал-макет *А.М. Мороз*

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г.
Подписано в печать 31.03.2005 г. Формат 60x84^{1/16}.
Печ. л. 9,9; усл. печ. л. 9,2; уч.-изд. л. 9,5. Тираж 500 экз. Заказ

ФГУП “Издательство ТГУ”, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Типография “Иван Федоров”, 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1